

78

5.

Возвратите книгу не позднее
указанного здесь срока.

940 29/10/37-
019 30/11

1853

1853

17

17

17

17

17

901

Э. 17.

Эмиль Эггеръ

Членъ Парижскаго Института, профессоръ словесности.

ИСТОРИЯ КНИГИ

ОТЪ ЕЯ ПОЯВЛЕНІЯ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

С.-Петербургъ. — 1900

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 марта 1898 года.

Типографія И. М. Комелова. Пряжка, соб. д. № 3.

ИСТОРИЯ КНИГИ

ПЕРИОДЪ ПЕРВЫЙ

КНИГА ДО ИЗОБРЕТЕНІЯ КНИГОПЕЧАТАНІЯ

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНІЕ КНИГИ.

Происхожденіе письменности.—Египетскіе іероглифы.—Финикійская азбука.—Ассирійскія клинообразныя письма.—Письменность на памятникахъ.—Надписи на металлахъ и другихъ твердыхъ веществахъ.—Египетскій папирусъ.—Его вліяніе на развитіе и распространеніе идей.—Пергаментъ.—Книга получаетъ удобную для переноски форму.

✓ Когда впервые появилась на свѣтъ книга, которая должна была играть столь важную роль въ обществѣ и произвести повсюду столько шума? На такой вопросъ не легко дать отвѣтъ. Какъ то разъ въ Національную бібліотеку въ Парижѣ приходитъ почтенный читатель и, обращаясь къ бібліотекару,

говорить: „Милостивый государь! я желалъ бы имѣть самую древнѣйшую книгу, какая только существуетъ. — Что вы разумѣете подъ вашими словами? Желаете ли вы имѣть самую древнюю печатную книгу, или самую древнюю рукописную? — Я не знаю, милостивый государь, впрочемъ, пожалуй, я желалъ бы получить самую древнюю книгу, какая только существуетъ, самую древнюю написанную“. Тогда библіотекаръ прежде всего подумалъ о Библии, которая, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ самый древній кладъ мудрости и исторіи человѣчества; однако же, чтобы добраться до происхожденія книги, необходимо проникнуть въ глубь вѣковъ гораздо раньше этой священной книги, въ которой дѣлаются ссылки на другія еще болѣе древнія, не дошедшія до насъ писанія. И такъ, попробуемъ, если только это будетъ возможно, прослѣдить, когда и какъ была написана первая книга.

Одинъ почтенный ученый написалъ большое, нынѣ справедливо забытое, изслѣдованіе о библіотекахъ временъ до потопа „De bibliothecis antediluvianis“. Если до потопа и были библіотеки, то отъ нихъ, разумѣется, не осталось никакого слѣда, и приходится по необходимости отказаться отъ мысли узнать, какія книги находились въ этихъ библіотекахъ. Однако, болѣе чѣмъ вѣроятно, что допотопные люди не знали письменъ, а слѣдовательно и бесполезно стараться узнать, въ какой формѣ они могли записать первыя преданія о міровыхъ событіяхъ.

✓ Но прежде чѣмъ говорить съ вами о книгахъ и вообще о веществахъ, на которыхъ человѣкъ посредствомъ письменъ отмѣчалъ свои мысли и свои воспоминанія, слѣдовало бы, можетъ быть, сказать нѣсколько словъ о письменныхъ знакахъ и объ ихъ происхожденіи у различныхъ народовъ. Къ сожалѣнію, извѣстно столь много системъ письменности въ Египтѣ, Греціи, Ассиріи, Индіи, Китаѣ, Америкѣ, и, даже не переходя за предѣлы Европы, въ Испаніи, Италіи, въ земляхъ скандинавскихъ и славянскихъ, что этотъ предметъ требовалъ бы очень весьма обширнаго изслѣдованія, что, конечно, меня отвлекло бы отъ намѣченной цѣли.

✓ Мы будемъ здѣсь говорить только объ алфавитѣ латинскомъ, принятомъ всѣми цивилизованными народами, состоящемъ изъ 24 буквъ. Этотъ алфавитъ принятъ отъ римлянъ, которые позаимствовали отъ грековъ, въ свою очередь позаимствовавшихъ его отъ финикянъ, которые взяли его изъ Египта. Честь изобрѣтенія искусства письма приписывали нѣкому Кадму.

Между тѣмъ Кадмъ, этотъ мнимый изобрѣтатель, взялъ только изъ весьма значительнаго числа очень сложныхъ знаковъ, употреблявшихся египтянами, очень небольшое число знаковъ, необходимыхъ для выраженія звуковъ его родного языка. Потребовалось бы очень много страницъ для того, чтобы рассказать вамъ, какъ финикяне, народъ торговый и мореходный, занесли въ Грецію и затѣмъ распро-

странили по всёмъ берегамъ Средиземнаго моря ту азбуку, которая сохранила ихъ имя и которую встрѣчаемъ повсюду на камняхъ гробницъ, на памятникахъ искусства, на монетахъ, начиная съ самыхъ отдаленныхъ странъ Чернаго моря и до западныхъ береговъ Средиземнаго моря *).

Письменные знаки могутъ быть наносимы на различные вещества: ихъ вырѣзываютъ на камняхъ или на металлѣ, вычерчиваютъ ихъ ножомъ на древесныхъ листьяхъ или на деревянныхъ дощечкахъ, покрытыхъ воскомъ, выводятъ ихъ на глиняныхъ пластинкахъ, которыя затѣмъ обжигаются въ печахъ и вслѣдствіе этого въ такомъ видѣ могутъ просуществовать цѣлыя столѣтія, не подвергаясь ни малѣйшей перемѣнѣ; выводятъ ихъ заостренною палочкою или остриемъ обмокнутаго въ чернила пера на бумагѣ, которую можно приготовить изъ многихъ веществъ. За четыре тысячи лѣтъ до нашей эры, египтяне уже вырѣзывали цѣлыя религиозныя или историческія легенды, иногда очень длинныя, на стѣнкахъ своихъ гробовъ, пирамидъ, храмовъ и дворцовъ; эти письмена уже не простыя надгробныя надписи, потому что иной разъ они могли бы занять, пожалуй, цѣлую сотню страницъ нынѣшней книги. Подобныя надписи, похожія, не

*) Если же кто нибудь изъ васъ пожелалъ бы ближе познакомиться съ этимъ предметомъ, то я ему могу рекомендовать прочитать статью «Alphabetum» въ словарѣ классическихъ древностей Даремберга и Салло.

по формѣ отдѣльных буквъ, а по содержанію и длинѣ, нашли на развалинахъ Персеполиса и Ниневіи. Многіе прекрасные образцы подобныхъ надписей хранятся въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ. Недавно произведенныя раскопки въ Ассиріи доставили намъ на пластинкахъ и сверткахъ изъ обожженной глины нѣсколько договоровъ, заключенныхъ между частными лицами и даже цѣлыя страницы настоящихъ ассирійскихъ азбукъ или первоначальныхъ учебниковъ языка, на которомъ говорили въ той странѣ.

Въ развалинахъ древняго Вавилона попадаются даже кирпичи съ выдавленными на нихъ оттисками цѣлаго ряда знаковъ, которые первоначально были вырѣзаны рельефно на деревянной дощечкѣ. Это заставляетъ уже думать о приемахъ, которые должны были впоследствии привести къ изобрѣтенію типографіи.

Однако, подобный способъ писанія историческихъ, религіозныхъ или грамматическихъ разсужденій не даетъ вамъ еще понятія о книгѣ, которую всегда вы представляете въ видѣ собранія листковъ, болѣе или менѣе прочно соединенныхъ между собою брошюровщикомъ или переплетчикомъ, болѣе или менѣе удобныхъ для передачи изъ рукъ въ руки, для переноски съ одного мѣста на другое.

Зачастую текстъ вырѣзывался рѣзцомъ или какимъ-либо остріемъ на металлическихъ пластинкахъ, довольно тонкихъ, а потому и не очень тяже-

лыхъ, вслѣдствіе чего текстъ дѣлался сравнительно удобопереносимымъ; напримѣръ, одинъ греческій путешественникъ, во второмъ вѣкѣ христіанской эры, видѣлъ въ одномъ храмѣ въ Беотіи собраніе изреченій въ стихахъ древняго поэта Гезіода, вырѣзанныхъ на длинныхъ свинцовыхъ полоскахъ *). Официальные акты у древнихъ народовъ въ Египтѣ, Ассиріи, Греціи, Италіи нерѣдко вырѣзывались на каменныхъ или бронзовыхъ пластинкахъ; такую именно форму имѣютъ самые древніе архивы государственныхъ законовъ, международнаго права и того, что нынѣ называется дипломатіей; но эти архивы, разумѣется, не хранились, подобно нашимъ, въ папкахъ или на полкахъ бібліотеки; документы размѣщались вдоль стѣнъ, иногда прибивались къ нимъ гвоздями. Таковы были формулы почетныхъ отпусковъ (*honestae missiones*), выдававшіяся военными властями римскимъ солдатамъ послѣ многихъ лѣтъ безпорочной службы; такихъ формулъ до насъ дошло до пятидесяти штукъ. Иногда, если надписи были сдѣланы на бронзовой пластинкѣ съ обѣихъ сторонъ, ее подвѣшивали на маленькихъ цѣпочкахъ, такъ чтобы посѣтители имѣли возможность прочесть написанное на обѣихъ сторонахъ. Нѣкоторые надписи на бронзѣ, до нынѣ со-

*) Паузаній, кн. IX (*Baeotica*), 31, § 4; сравн. относительно этихъ свинцовыхъ полосокъ у Плінія Старшаго, *Historia naturalis* (XII, 11, 21), гдѣ онъ также говоритъ и о пальмовыхъ листьяхъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

хранившіяся, имѣють длину, поражающую насъ и кажущуюся намъ очень неудобной; въ ліонскомъ музеѣ, во Франціи, можно видѣть бронзовую доску, которая покрываетъ почти всю стѣну входной залы и представляетъ намъ лучшую часть рѣчи римскаго императора Клавдія, касающейся гражданъ, избранныхъ въ ліонской колоніи для присутствованія въ римскомъ сенатѣ: это самый древній документъ, касающійся исторіи Франціи. Есть и еще болѣе длинные документы, написанные на томъ же металлѣ. Первое мѣсто по длинѣ, такъ какъ онъ составилъ бы по крайней мѣрѣ двадцать страницъ in folio, занимаетъ очень большой договоръ, хранящійся нынѣ въ музеѣ въ городѣ Пармѣ. Этимъ договоромъ обезпечивалось существованіе нѣсколькихъ малолѣтнихъ сиротъ. Это самый древній документъ, изъ котораго видно существованіе и у язычниковъ благотворительности и помощи, которую христіанская вѣра вскорѣ послѣ того такъ дѣятельно стала распространять по всему міру.

✓ Однако же этимъ архивнымъ документамъ, какъ они ни драгоцѣнны сами по себѣ, нельзя еще было придать форму книги. Для этого требовались болѣе удобныя вещества и болѣе переносныя. Индійцы, — трудно сказать, съ какого именно времени, — начали употреблять для этой цѣли листья различныхъ растений и, между прочимъ, пальмовые листья. Надлежащимъ образомъ высушенные и сглаженные, эти листья могли принимать пись-

менные знаки, начерченные или остриемъ ножа, или перомъ. Нѣсколько листьевъ, приготовленныхъ такимъ образомъ и затѣмъ обрѣзанныхъ въ одинаковый форматъ, были соединяемы съ помощью нитки, которую продѣвали черезъ ихъ края. Самое лучшее представленіе объ этомъ собраніи листьевъ могутъ дать вамъ листья *жалюзи*, которыя мы употребляемъ на окнахъ для защиты отъ солнца. Обрѣзъ такихъ иластинокъ могъ быть окрашиваемъ въ какой-либо цвѣтъ или даже позолоченъ. На этотъ разъ мы уже очень близки ~~къ~~ нашей книгѣ съ раскрашеннымъ или позолоченнымъ обрѣзомъ. Но не таково было начало книжной торговли въ западномъ мірѣ. Истинными предками нашихъ книгопродавцевъ были египтяне, а послѣ нихъ греки.

Обитатели долины Нила очень рано изобрѣли искусство употреблять туземное растеніе *папирусъ* для приготовленія предмета, который уже можно назвать *бумагой*; объ этомъ свидѣлствуютъ стволы папируса, найденные въ египетскихъ гробницахъ и теперь сохраняемые въ Берлинѣ въ коллекціи Пассалаквы (Passalacqua). Какъ интересно было бы знать первыхъ виновниковъ этого производства! Къ сожалѣнію, до насъ не дошло ни одного изъ различныхъ трудовъ, написанныхъ древними объ изобрѣтеніяхъ. Только въ первомъ вѣкѣ христіанской эры мы находимъ нѣсколько страницъ о приготовленіи и торговлѣ папирусомъ у Плинія, автора извѣстной „Естественной исторіи“.

Изъ этихъ страницъ мы извлекаемъ наиболѣе интересную часть для нашего предмета; вамъ покажется, что это извлеченіе зачастую не отличается точностію, ясностію; но вина за эту неясность падаетъ на латинскаго компилятора или на тѣхъ лицъ, которыхъ онъ заставлялъ работать подъ своимъ руководствомъ, не наблюдая за ихъ работою *).

Папирусь родится въ болотахъ Египта или въ стоячихъ водахъ Нила, когда онѣ, разлившись, остаются въ застоѣ въ ямахъ, глубина которыхъ не превосходитъ двухъ локтей. Корневище кривое, толщиною въ руку; стебель трехгранный и, не имѣя въ вышину болѣе четырехъ локтей, идетъ, постепенно уменьшаясь къ концу...

„Бумагу готовятъ, раздѣляя папирусь иглою на очень тонкіе, но, насколько возможно, широкіе листочки. Самый лучший листочекъ—это листочекъ изъ внутренности стебля, и такъ далѣе по порядку дѣленія. Бумагу, приготовленную изъ внутреннихъ листочковъ, называли нѣкогда *священною*, потому что она употреблялась на священныя книги. Лестъ **) дала ей имя *Августа*, точно также какъ бумага второго сорта получила имя *Ливіи*, его жены. Такимъ образомъ священная бумага сдѣла-

*) Плиній старшій. *Historia naturalis* lib. XIII, 11. § 22.

**) Въ рукописяхъ, дошедшихъ до насъ, здѣсь употреблено слово *ablutione*, смыслъ котораго здѣсь мало понятенъ. Нѣкоторые ученые предлагаютъ здѣсь весьма кстати читать *adulatione*. Мы придерживались здѣсь этого послѣдняго чтенія.

лась уже бумагою третьяго сорта. Четвертому сорту дано было названіе *амфитеатровой*, по мѣсту приготовления. Искусный фабрикантъ Фанніусъ забралъ въ свои руки приготовленіе этой бумаги; выдѣлывая ее по новому и тщательному способу, онъ сдѣлалъ ее тонкою, изъ простой бумаги превратилъ ее въ бумагу перваго качества и далъ ей свое имя. Бумага, приготовленная не по этому способу, сохранила названіе *амфитеатровой*, какое она носила и прежде. Затѣмъ идетъ *саитская* бумага, названная такъ по городу Саису (въ нижнемъ Египтѣ), въ которомъ ея выдѣлывалось очень много; выдѣлываютъ ее изъ обрѣзковъ низкаго качества. *Тенетская* бумага, названная такъ отъ сосѣдняго съ Саисомъ мѣстечка, выдѣлывается изъ листочковъ болѣе близкихъ къ верхней кожицѣ; она продается уже не по качеству, а на вѣсъ. Что же касается до *ампоретической* бумаги, то она не можетъ быть употребляема для письма; ее употребляютъ только для обертки другихъ сортовъ бумаги и для упаковки товаровъ; отъ этого она и получила свое названіе (бумага торговцевъ). Всѣ сорта готовятъ на столѣ, смоченномъ водою Нила; мутная жидкость служить вмѣсто клея. Сначала, на этомъ поставленномъ наклонно столѣ, склеиваются листочки во всю длину папируса; только обрѣзываютъ ихъ на каждомъ концѣ; затѣмъ поперекъ кладутъ другія полосы, образуя такимъ образомъ нѣчто въ родѣ ткани. Подвергаютъ ихъ давленію, такимъ обра-

зомъ получается листъ, который просушиваютъ на солнцѣ. При укладкѣ, сначала кладутъ самые лучшіе листы, и такъ далѣе до самыхъ худыхъ. Связка этихъ листовъ составляетъ *scapus* (десть), въ которой ихъ никогда не бываетъ больше двадцати штукъ.

„Ширина бываетъ весьма различна; самые лучшіе сорта имѣютъ тринадцать пальцевъ ширины; священная бумага имѣетъ двумя пальцами меньше въ ширину; бумага Фанніуса—десять, и амфитеатровая—девять, саитская бумага еще уже, а эмпоретическая не имѣетъ болѣе шести пальцевъ. Въ бумагахъ цѣнятъ еще тонкость, плотность, бѣлизну, глянцевитость. Императоръ Клавдій измѣнилъ первое качество: бумага Августа была слишкомъ тонка и не выдерживала давленія пера; кромѣ того, она пропускала буквы насквозь, такъ что когда писали на оборотѣ, надо было опасаться смарать написанное на лицевой сторонѣ: во всякомъ случаѣ, прозрачность ея была непріятна для глазъ. Поэтому основу бумаги дѣлали изъ полосокъ второго сорта, а поперечныя полоски изъ перваго сорта. Клавдій увеличилъ также ширину: размѣръ былъ одинъ футъ (для обыкновенной бумаги) и локоть для большого формата бумаги, но практика указала на одно неудобство: если отдѣлялась одна полоска, то она портила нѣсколько страницъ. Эти преимущества заставили предпочитать бумагу Клавдія всѣмъ другимъ, но слава осталась за бумагой

Августа для писемъ. Бумага Ливіи, не имѣвшая въ себѣ ничего изъ перваго сорта, но все изъ второго, осталась на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

„Неровности бумаги сглаживаются зубомъ или раковиною, но буквы могутъ стираться; будучи выложена, бумага дѣлается болѣе блестящею, но не такъ хорошо принимаетъ чернила.

„Обыкновенный клей готовится изъ самой лучшей муки, кипяченой воды и нѣсколькихъ капель уксуса; столярный клей и камедь дѣлаютъ бумагу ломкою. Лучшій же способъ слѣдующій: вскипятить въ водѣ наръзанный кусочками якишь хлѣба и процѣдить его; такимъ именно способомъ можно всего менѣе наложить полосокъ сухими, и бумага дѣлается мягче чѣмъ само полотно. Клей не долженъ быть ни старше, ни моложе одного дня. Затѣмъ разбиваютъ бумагу колотушкой, кладутъ новый слой клея, разглаживаютъ образовавшіяся складки и снова разбиваютъ колотушкой“.

Пользуясь этими несовершенными, нерѣдко слишкомъ темными свѣдѣніями, переведенными здѣсь и которыя впрочемъ относятся къ римскимъ временамъ, новѣйшіе ученые пробовали не безъ успѣха вновь приготовить бумагу по египетскому способу. Одному изъ нихъ удалось даже, а именно нашему современнику Дюро де ля Маль, слѣдуя указаніямъ Плинія, приготовить изъ стволовъ папируса, и нынѣ растущаго еще въ дикомъ состояніи на островѣ Сициліи, нѣсколько листовъ *charta*

papyrus, похожихъ на листы, найденные въ развалинахъ въ Египтѣ.

На веществѣ папируса, которому придана форма длинныхъ полосъ, писали цѣлыя страницы то вертикальными столбцами, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ помѣщалось почти одинаковое число строкъ и страницы располагались одна параллельно другой; то, наоборотъ, строки писались по наиболѣе узкому направленію полосы или ленты, такъ что получался только одинъ столбецъ отъ одного конца свертка до другого. Само собою разумѣется, эти полосы не оставались развернутыми, хотя бы онѣ и не были длинны: ихъ свертывали въ свертки, откуда произошло латинское слово *volume*. Чтобы предохранить отъ ломки довольно хрупкое вещество папируса, ихъ обыкновенно наворачивали на деревянный цилиндрическій стержень, на концѣ котораго была пуговка. Къ этой пуговкѣ посредствомъ веревочки можно было прикрѣплять билетикъ, на которомъ надписывалось названіе сочиненія. Подобные свертки были удобны для переноски, удобны для храненія. Когда ихъ нужно было переносить и когда ихъ было небольшое число, свертки ставили вертикально въ цилиндрическій ящикъ, очень похожій на ящики, въ которыхъ наши парфюмеры помѣщаютъ длинные флаконы съ эссенціями. При храненіи свертковъ въ складахъ, которые можно назвать *библиотеками*, ихъ укладывали бокомъ на полкахъ такимъ образомъ, чтобы пуговка, къ которой при-

вѣшивали заголовокъ сочиненія, была наружу. Все это, какъ видить читатель, должно было придавать библиотекѣ въ Египтѣ видъ одного изъ нашихъ магазиновъ обоевъ, въ которыхъ свертки укладываются подобнымъ же образомъ въ различныхъ клѣткахъ шкапа, смотря по ихъ цвѣту или цѣнѣ. Точно такимъ же образомъ укладываются перѣдко географическія карты, какъ въ библиотекахъ, такъ и въ магазинахъ.

Нельзя оставить безъ вниманія и замычку свертка: самую древнюю замычкую былъ, кажется, снурокъ, который обвертывали вокругъ свертка и оба конца котораго завязывали петлей. Маленькій сверточекъ, подобнымъ образомъ замкнутый, попадаетъ въ числѣ знаковъ египетской письменности на очень древнихъ памятникахъ. Нѣсколько штукъ подобныхъ папирусныхъ сверковъ было найдено въ гробницахъ, и теперь ихъ можно видѣть развѣшенными на стѣнахъ, или въ витринахъ во французскомъ египетскомъ музеѣ.

О такомъ же обыкновеніи свидѣтельствуетъ намъ и прекрасное открытіе, сдѣланное въ прошломъ столѣтіи, въ развалинахъ греческаго города Геркуланума, разрушеннаго изверженіемъ Везувія въ 79 году христіанской эры: тамъ, въ одной комнатѣ, вѣроятно бывшей библиотекою какого-нибудь философа-эпикурейца, нашли цѣлыя сотни свертковъ, къ сожалѣнію, обутлившихся; однако-же нѣкоторые изъ нихъ можно было отчасти развернуть и разобрать греческую надпись нѣсколькихъ философскихъ сочиненій.

Лишь только приготовленіе папируса сдѣлалось обычнымъ промысломъ въ Египтѣ, поэзія, религія и всѣ науки получили удобное дешево стоящее и, какъ кажется, очень хорошо приспособленное средство для быстраго распространенія, внѣ предѣловъ Египта, всего того, что зналъ и думалъ этотъ народъ просвѣщенныхъ земледѣльцевъ, рабочихъ, искусныхъ артистовъ, врачей, геометровъ, поэтовъ. Но подивитесь же разницѣ, существующей между геніемъ различныхъ народовъ: египтяне были китайцами классической древности; подобно китайцамъ, они питали отвращеніе, если не ненависть, къ чужеземцамъ. Нѣкоторые изъ ихъ царей любили завоеванія, и арміи ихъ проникали очень далеко въ глубь Азіи и на югъ Африки. Но подобнаго рода мирнаго завоеванія, которое мы называемъ прогрессомъ цивилизаціи, распространеніемъ благотворныхъ изобрѣтеній и полезныхъ промысловъ, египтяне искали только для самихъ себя и упорно отказывались подѣлиться ими съ сосѣдними съ ними народами. Съ трудомъ вѣрится,—между тѣмъ это почти вполне доказано,—что египетская бумага проникла въ Грецію только около VII вѣка до христіанской эры, а ни какъ не ранѣе. По крайней мѣрѣ египтяне сохранили за собою, если не секретъ, то привилегію приготовленія и распространенія бумаги среди народовъ Средиземнаго моря для большей выгоды своихъ купцовъ.

Однако же эта монополія, принадлежавшая Егип-

ту благодаря тому, что онъ почти одинъ только производилъ въ изобиліи папирусъ, не замедлила вызвать конкуренцію. Въ Малой Азіи, около III вѣка до христіанской эры, промышленники города Пергама усовершенствовали способъ употребленія кожи животныхъ для письма; пергамская бумага (*charta Pergamena*) начала соперничать съ папирусомъ и, во всякомъ случаѣ, послужила полезнымъ дополненіемъ къ египетской бумагѣ или въ видѣ сплошныхъ свертковъ, или, благодаря своей большой прочности, въ видѣ покрышки для свертковъ изъ папируса. Въ этомъ *charta Pergamena* вы безъ труда узнаете предметъ, который мы называемъ нынѣ пергаментомъ. Многія бібліотеки владѣютъ свертками подобнаго рода, изъ которыхъ одни представляютъ изъ себя списки церковной службы или синагоги, другіе перечни умершихъ, которыхъ поминаніе должно было происходить въ извѣстные дни во время церковной службы. Но эти послѣдніе списки принадлежать уже къ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ та эпоха, на которой мы теперь остановились.

ГЛАВА II.

КНИГА ПАПИРУСНАЯ И ПЕРГАМЕНТНАЯ.

Воспроизведение и умножение книгъ переписчиками.—Библиотеки александрийская и пергамская.—Книга, рассматриваемая какъ личный трудъ писателя, или какъ выраженіе вѣрованій и національной жизни народа.—Книга государственная.—Книга Синяя, Книга Желтая и т. д.

Въ числѣ разныхъ народовъ, среди которыхъ торговля распространила египетское изобрѣтеніе, былъ одинъ, въ средѣ котораго новый товаръ произвелъ изумительное дѣйствіе. Возможность писать и распространять написанное на веществѣ, подобномъ папирусу, сообщила у грековъ сильный толчекъ челоуѣческой мысли. Число книгъ различнаго содержанія значительно увеличилось; частныя лица собирали ихъ цѣлыя коллекціи, учителя школъ запасались ими для того, чтобы обучать языку Гомера; рассказываютъ даже, что однажды Алкивиадъ (это было въ V вѣкѣ до нашей эры) надавалъ пощечинъ учителю школы, у котораго не было экземпляра *Илиады*. Большіе города также устроили скоро свои

библіотеки, въ которыхъ можно было насчитывать цѣлыя тысячи томовъ.

Конечно, тогдашніе томы содержали въ себѣ матеріала меньше нынѣшнихъ. Мы видимъ это по нѣсколькимъ рѣдкимъ экземплярамъ, найденнымъ въ некрополяхъ Египта, и особенно по сверткамъ Геркуланума.

Одинъ документъ, недавно открытый, сообщаетъ, что, по повелѣнію Птолемея Филадельфа, два поэта, бывшіе въ то же время и учеными, снимали точныя копіи, одинъ трагедій, а другой — комедій, собранныхъ въ громадной библіотекѣ, или скорѣе въ двухъ библіотекахъ, основанныхъ въ то время этимъ царемъ, другомъ литературы. Число томовъ въ первой библіотекѣ, какъ свидѣтельствуешь тотъ же документъ, простиралось до 42,800, а во второй — до 490,000. Это число не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, потому что мы можемъ утвердительно сказать, что въ то время существовало уже болѣе 550 трагедій и болѣе 1,500 комедій. Позже, другой поэтъ-грамматикъ, Каллимахъ, составилъ каталогъ всѣхъ этихъ книгъ, о которомъ мы будемъ говорить дальше. Птоломей старался собирать не только греческія произведенія, но и произведенія, писанныя на различныхъ чужестранныхъ языкахъ, которыя онъ приказалъ перевести. Все это даетъ намъ понятіе объ изумительной литературной и ученой плодовитости.

Эти богатія собранія книгъ, нерѣдко уменьшав-

шіяся вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, какъ-то: пожаровъ или землетрясеній, постоянно возобновлялись и увеличивались, благодаря дѣятельности многочисленныхъ школъ ученыхъ и благодаря менѣе безкорыстной дѣятельности переписчиковъ и книгопродавцевъ. Въ то время нерѣдко жаловались на небрежно написанныя копіи и на книгопродавцевъ, слишкомъ усердствовавшихъ распространять ихъ безъ провѣрки.

Это побуждаетъ меня сказать нѣсколько словъ о способахъ, которые употреблялись для воспроизведенія книгъ въ сотнѣ и тысячѣ экземпляровъ.

Разъ написанная авторомъ, книга переходила въ руки переписчиковъ; но такъ какъ за однимъ оригиналомъ невозможно было работать разомъ въ нѣсколько рукъ, то книги распространялись бы очень медленно, если бы не стали диктовать этотъ оригинальный текстъ нѣсколькимъ переписчикамъ, собравшимся вмѣстѣ. Такимъ образомъ, если вообразите себѣ, что нѣсколько сотъ писцовъ пишутъ разомъ подъ диктовку, то тогда ими въ теченіе нѣсколькихъ дней одно и то же сочиненіе можетъ быть воспроизведено въ сотняхъ экземпляровъ. Такимъ образомъ римляне, безъ сомнѣнія, могли уже издавать листокъ ежедневныхъ объявленій, который изъ Рима распространялся до самыхъ отдаленныхъ границъ имперіи и сообщалъ тамъ военныя новости, городскія происшествія, въ сокращенномъ видѣ пренія народа или римскаго сената и т. д.

По всей вѣроятности, римская газета „Acta diurna populi Romani“ ни редактировалась, ни переписывалась съ особенною тщательностью, да это и не особенно было важно для рукописнаго листка, служившаго лишь матеріаломъ для исторіи. Но произведенія литературы, въ особенности образцовыя, подвергались большой опасности при такомъ быстромъ воспроизведеніи. Цицеронъ писалъ *) одному изъ своихъ друзей: «Я не знаю, что и дѣлать съ латинскими книгами, до того онѣ выходятъ съ многочисленными ошибками изъ рукъ переписчиковъ и книгопродавцевъ». Около того же времени Страбонъ **) высказываетъ такія же жалобы на греческихъ книгопродавцевъ въ Александріи; но зло пошло еще гораздо дальше: со временъ Демосфена трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида были до крайности искажены влѣдствіе неточности копій, нескромности актеровъ, которые слишкомъ свободно передѣлывали ихъ въ угоду публикѣ, такъ что пришлось подумать о средствахъ противъ зла. Одинъ великій правитель, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большимъ любителемъ литературы, ораторъ Ликургъ, приказалъ тщательно свѣрить варианты наиболѣе древнихъ изъ этихъ драмъ, послѣ чего онъ велѣлъ написать одинъ экземпляръ образца, который и былъ положенъ въ акрополь или крѣпость

*) Цицеронъ. Письма къ своему брату Квинту III, 5.

**) Страбонъ, Географія XIII. I, стр. 521.

Аѳинъ; съ тѣхъ поръ съ этого экземпляра образца должны были списываться всѣ копіи для публичныхъ представленій драмъ этихъ трехъ великихъ писателей. Много вѣковъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ утраченъ этотъ драгоцѣнный экземпляръ! Онъ недолго даже пролежалъ въ аѳинскихъ архивахъ. Одинъ изъ царей египетскихъ, изъ дома Птолемеевъ, желая непременно имѣть съ него копію для своей богатой александрійской бібліотеки, выпросилъ его у аѳининъ подъ залогъ и рѣшился скорѣе лишиться своего залога, чѣмъ возвратить драгоцѣнную рукопись. Драматическія произведенія Греціи, которыя мы имѣемъ, дошли до насъ въ копіяхъ, далеко худшихъ знаменитаго Ликургова экземпляра, и таковъ удѣлъ почти всѣхъ книгъ, оставшихся намъ отъ греческой или римской древности: иной разъ двадцать или тридцать копій отдѣляютъ насъ отъ рукописи самого автора. И авторъ самъ нерѣдко предвидѣлъ опасности, которымъ должно было подвергаться его произведеніе отъ частыхъ переписокъ. Главный христіанскій хронологъ, Евсебій, въ началѣ своей *Хроники*, обращается, въ примѣчаніи, съ горячею мольбою къ своимъ будущимъ переписчикамъ, чтобы они не забывали выставлать каждое число противъ событія, къ которому оно относится. Писцы аккуратно переписывали это примѣчаніе, но все-таки не всегда точно исполняли свое дѣло!

Нерѣдко и самъ переписчикъ сознавалъ свои

ошибки, и если этимъ переписчикомъ былъ монахъ, что почти постоянно случалось въ средніе вѣка, то онъ на послѣднемъ листѣ книги обращался къ читателю съ смиренною просьбою простить ему проскользнувшія ошибки.

Для предупрежденія столькихъ неудобствъ, часто также поручали пересмотръ экземпляровъ какому-нибудь грамматикѣ или издателю по профессіи, который исправлялъ ошибки. Просматривавшій грамматикъ подписывалъ свою работу и обыкновенно обозначалъ время ея; мы имѣемъ много примѣровъ такихъ подписей.

Теперь, когда мы уже такъ далеко подвинулись впередъ, мнѣ кажется необходимымъ представить вамъ нѣсколько соображеній о новомъ значеніи, которое придаютъ слову книга по мѣрѣ того, какъ развиваются наука и искусство письма. Поэтому я прошу васъ, уважаемый читатель, нѣсколько сосредоточить свои мысли и удвоить свое вниманіе.

Страницы, помѣщенные одна подлѣ другой, но не связанныя между собою единствомъ содержанія, а слѣдовательно и мыслей, могутъ занять собою цѣлый томъ, или даже нѣсколько томовъ, не составляя того, что собственно слѣдуетъ называть книгой. Напримѣръ, собраніе различныхъ стихотвореній, или нѣсколькихъ разсказовъ и анекдотовъ, если угодно, будутъ представлять собою книгу, чтеніе которой будетъ очень занимательно; хронологическій списокъ событій, собраніе астрономическихъ

или другихъ наблюденій будутъ интересовать серьезныхъ читателей и ученыхъ по профессіи, но всѣ произведенія подобнаго рода не обнаруживаютъ въ авторѣ таланта, благодаря которому онъ могъ бы задумать и написать совершенно самостоятельный по мысли трудъ, созданіе воображенія или знанія, не обнаруживаютъ таланта, благодаря которому онъ могъ бы составить планъ такого труда и выполнить этотъ планъ въ точности, давъ каждой части трактующаго имъ предмета соотвѣтствующіе размѣры. Это послѣднее качество самое высокое качество въ произведеніяхъ ума, и стоитъ указать авторовъ, которые представляютъ намъ первый примѣръ этого. Я не хочу этимъ сказать, что можно съ полною точностью опредѣлить въ исторіи время этого перваго примѣра, но вѣдь хорошо уже и то, если мы можемъ подкрѣпить свои мысли нѣсколькими собственными именами, составляющими эпоху въ древней литературѣ. Для краткости, я ограничусь однимъ именемъ, можетъ быть самымъ знаменитымъ и самымъ великимъ во всей греческой литературѣ. Аристотель составлялъ компіляціи фактовъ, анекдотовъ, наблюденій, вопросовъ и т. д., но это не будутъ книги въ высокомъ значеніи этого слова, какъ я старался опредѣлить его. Онѣ приносятъ свою пользу, но онѣ не представляютъ собою громаднаго ума, обнимающаго различныя части науки для того, чтобы изложить ихъ въ извѣстной послѣдовательности. Этотъ самый Аристотель написалъ въ трехъ книгахъ *Реторику*, въ которой

онъ методически излагаетъ начала и правила ораторскаго искусства; онъ написалъ *Исторію животныхъ* (Руководство къ зоологiи), въ которой распределены по классамъ, по сходству органовъ, всѣ извѣстныя тогда животныя и гдѣ описаны отправления этихъ различныхъ органовъ и объяснены настолько, насколько это позволяло состояніе знаній во времена Александра Великаго. Вотъ двѣ книги, двѣ прекрасныя книги, которыми свѣдущіе судьи еще и нынѣ восхищаются, несмотря на всѣ успѣхи, сдѣланныя наукою со временъ Александра. Вольтеръ высоко цѣнилъ *Реторику* Аристотеля, а Жоржъ Кувье его *Исторію животныхъ*. Сюда же можно было бы присоединить и *Политику* того же автора, еслибы она дошла до насъ въ лучшемъ состояніи. Однако и въ такомъ видѣ она послужила образцомъ извѣстному французскому сочиненію *Esprit des lois*.

Такъ какъ мы уже начали философствовать относительно книгъ, то останемся еще на нѣкоторое время въ этой высокой области. Произведеніе, въ которомъ основатель какой-нибудь религіи изложилъ свое ученіе, становится у народа, среди котораго оно появилось, священною книгою, Книгою по преимуществу. Таковъ у учениковъ Магомета *Коранъ*, или собраніе наставленій, которыя, по ихъ убѣжденію, были продиктованы свыше этому знаменитому пророку. Таковъ, говорятъ, у мексиканцевъ *Пополь Вухъ*. Иногда также догматы и преданія на-

рода излагаются въ цѣломъ рядѣ произведеній, собраніе которыхъ составляетъ *Книгу*; таковы въ Индіи *Веды*, собраніе религіозныхъ пѣсень, текстъ которыхъ написанъ за шестнадцать столѣтій до нашей эры и составляетъ основу браминской религіи. Таковы въ Китаѣ *Кинги*, отчасти приписываемые Конфуцію, философу и реформатору, жившему въ VI вѣкѣ до Рождества Христова. У евреевъ болѣе пространный и всѣмъ намъ извѣстный подъ названіемъ *Ветхаго Завета* сборникъ содержитъ въ себѣ писанія, въ которыхъ изложены исторія, законодательство и религія народа Божія. Къ этимъ книгамъ, которыхъ обыкновенно называютъ *каноническими*, потому что онѣ включены въ *канонъ*, т. е. въ освященный духовной властью списокъ, у христіанъ присоединяются четыре Евангелія и другія писанія, составляющія *Новый Заветъ*; оба завета вмѣстѣ, то есть собраніе священныхъ книгъ, у грековъ получили названіе Библии, каковое названіе, перешло и въ русскій языкъ. Библія представляетъ собою по преимуществу книгу всѣхъ христіанскихъ общинъ.

Въ такомъ частномъ смыслѣ книга служить нѣкоторымъ образомъ выраженіемъ національности; она представляетъ основу вѣрованій великой семьи народовъ и иногда служить связью, которая соединяетъ чрезвычайно крѣпко всѣхъ ея членовъ.

Двѣ великія эпопеи, носящія имя Гомера, *Илиада* и *Одиссея*, имѣютъ почти такой же характеръ

въ языческой Греціи; но хотя греки и почитали Гомера, какъ истолкователя ихъ давнихъ вѣрованій, однако они никогда не почитали его, какъ пророка, вдохновеннаго богами. Двѣ его поэмы представляли первоначальную исторію и самую древнюю географію эллинскаго міра; онѣ, собственно говоря, не выражали догмата, теологіи. Двѣ поэмы Гезіода: *Теогонія*, или краткая исторія боговъ, и *Труды и дни*, сборникъ наставленій въ стихахъ о земледѣліи, мореплаваніи, образѣ жизни, были также весьма почитаемыми памятниками мудрости древнихъ вѣковъ; но онѣ не имѣли авторитета, подобнаго авторитету Библии.

Сколько значеній слова «книга» достойны быть приведенными! Но я ограничусь только двумя или тремя.

Древніе уже знали книги воспоминаній (*libri commentarii*, или просто *commentarii*), какъ, напримѣръ, воспоминанія Юлія Цезаря о галльской войнѣ, которыя, по своей простотѣ, представляютъ образцовое повѣствованіе; они знали счетныя книги (*libri rationum*), въ которыя какой нибудь гражданинъ вносилъ свой расходъ и приходъ, а иногда также факты изъ своей обыденной жизни. Имѣя однажды надобность оправдать предъ римскимъ народомъ свою проконсульскую дѣятельность въ одной провинціи, древній ораторъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Катона Цензора, заставилъ прочитать страницу изъ своей счетной книги, — страницу, дошедшую

до насъ, какъ доказательство его рѣдкой бережливости и неподкупности. Въ христіанскихъ семьяхъ, отъ среднихъ вѣковъ до нашихъ дней, также велись *Памятныя книги*, куда заносились главные домашнія событія, какъ-то: рожденіе дѣтей, подробности ихъ воспитанія, объ ихъ гражданскомъ, военномъ или духовномъ призваніи. Большое число этихъ скромныхъ памятныхъ книгъ дошло до насъ и исполнѣ заслуживаютъ, чтобы онѣ были опубликованы, какъ достовѣрные документы, касающіеся жизни нашихъ предковъ.

А государственная книга? скажете вы; что такое государственная книга? Это цѣлый рядъ списковъ, въ которые занесены, въ министерствѣ финансовъ, имена всѣхъ кредиторовъ государства, съ суммою ихъ долговой претензіи. Нельзя не признаться, что хотя эта государственная книга и представляетъ собою замѣчательное пособіе для хорошаго управленія финансами, но мало привлекательна для чтенія.

А Синяя книга, Желтая книга, Зеленая книга и т. д.? Это также сборники, издаваемые ежегодно въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ министерствами иностранныхъ дѣлъ; въ этихъ сборникахъ напечатаны главные дипломатическіе документы. Каждое государство избрало для обложки этихъ книгъ особый цвѣтъ, который и служитъ для отличія ихъ: у Франціи желтая обложка, у Англіи синяя, у Австріи—красная, у Италіи зеленая. Другія государства еще не ввели у себя въ употребле-

нѣ этихъ книгъ, почему еще остается нѣсколько цвѣтовъ, которые можно было бы распредѣлить между государствами, рѣшившимися удовлетворять любопытству публики, желающей познакомиться съ документами дипломатіи своего отечества.

ГЛАВА Ш.

КНИГА У ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ.

Библіотеки. — Торговля книгами. — Участь поэтической книги. — Книжные лавки, какъ мѣсто свиданія литераторовъ и библіофиловъ. — Гомеровскія поэмы долго передаются на память. — Микрокопическія изданія. — Стѣнные карты. — Хроника острова Пароса. — Исторія въ барельефахъ для употребленія школъ.

Въ томъ мѣстѣ, на которомъ мы остановились во второй главѣ, сдѣлавъ длинное отступленіе, ремесло переписчиковъ, переплетчиковъ, книгопродавцевъ находилось въ полномъ процвѣтаніи. Книги приготовлялись всякихъ размѣровъ, всякаго формата, появлялись дорогія изданія, компактныя изданія, изданія съ примѣчаніями, изданія иллюстрированныя или, по крайней мѣрѣ, украшенныя портретомъ автора. Частныя лица спорили въ щедрости съ царственными особами и республиками, основывая громадныя библіотеки, обогащая и организуя ихъ. Въ Афинахъ, городъ эллинскомъ по преимуству, городъ, чрезвычайно гордившемся своимъ превосходствомъ надъ другими греческими города-

ми и даже надъ своими побѣдителями, римлянами, сыновья которыхъ стремились въ ихъ школы, въ Аѳинахъ, вы, вѣроятно, нашли бы только греческія книги. Тамъ господствовало сильное презрѣніе ко всякой иностранной литературѣ. Александрійская же бібліотека была открыта и для другихъ сочиненій: кромѣ греческихъ сочиненій, въ ней имѣлись еврейскіе оригиналы всѣхъ книгъ Ветхаго Завѣта, которые были переведены въ этомъ городѣ на греческій языкъ для употребленія весьма многочисленныхъ евреевъ, забывшихъ свой родной языкъ; этотъ переводъ извѣстенъ подъ названіемъ перевода семидесяти толковниковъ. Основанная въ Египтѣ, при самомъ впаденіи Нила въ Средиземное море, Александрія имѣла также громадное населеніе египтянъ, въ числѣ которыхъ было не мало ученыхъ, способныхъ перевести на греческій языкъ нѣкоторыя изъ произведеній египетскихъ писателей, относящихся къ первоначальнымъ временамъ удивительной цивилизаціи, которая такъ долго процвѣтала въ этой странѣ. Такимъ образомъ, одинъ жрецъ, по имени Манетонъ, перевелъ съ египетскаго языка хронологію царей, отъ самаго начала до того времени, въ которое онъ жилъ самъ, т. е. до царствованія Птолемея Филадельфа; три вѣка спустя, другой переводчикъ, который былъ, быть можетъ, грекомъ по происхожденію, Херемонъ, написалъ книгу объ іероглифахъ, въ которой объяснилъ, конечно, для своихъ соотечественниковъ, тайны языка фараоновъ.

Какъ жаль, что подобныя сочиненія не дошли до насъ цѣликомъ, что отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ остались только клочки, а отъ другихъ даже одно лишь заглавіе! Сохранившисъ до нашего времени, они сократили бы трудъ ученымъ, которыхъ мы называемъ нынѣ египтіологами и которые прикладываютъ громадныя усилія для того, чтобы разобрать и истолковать три различныя письма на памятникахъ и папирусахъ древняго Египта.

Но главнымъ образомъ въ Римѣ нашли бы, въ началѣ христіанской эры, богатая книгохранилища, основанныя и организованныя учеными, которые еще не были лингвистами по профессіи, какъ мы называемъ въ наши времена, но интересовались сочиненіями, написанными на различныхъ языкахъ. Этрусскіе писатели присоединили свою долю къ богатствамъ библіотеки, которую Цезарь поручилъ заботамъ перваго ученаго его времени археолога, современника и друга Цицерона, Марка Теренція Варра. Послѣ покоренія въ Африкѣ карфагенянъ, римляне вывезли изъ ихъ страны книги, написанныя на пуническомъ, т. е. финикійскомъ языкѣ, въ особенности же трактаты о земледѣліи, которые были скоро переведены на латинскій языкъ для употребленія римлянъ *); но Греція по преимуществу наводнила римскіе рынки своими произведеніями, а такъ какъ римская литература соперничала въ

*) Ср. Varro, De re rustica, lib. 1, cap. 1, § 10.

плодовитости съ литературою грековъ, то въ главныхъ римскихъ библіотекахъ было необходимо создать два отдѣленія: одно для греческихъ книгъ и другое—для латинскихъ, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ былъ особый хранитель. Иные изъ этихъ хранителей, какъ, напримѣръ, грамматикъ Юлій Гигинъ, отпущенникъ Августа и другъ Овидія, оставили славное имя въ исторіи литературы. Было даже время, когда надсмотръ надъ библіотеками былъ одною изъ важныхъ должностей въ имперіи. При императорѣ Адріанѣ, эту должность занималъ Гай Юлій Вестинъ, который, кажется, былъ также въ это царствованіе и начальникомъ императорской канцеляріи. Около того же времени въ Римѣ умеръ грекъ Епафродитъ, по происхожденію рабъ; сдѣлавшись, благодаря своимъ познаніямъ, наставникомъ сына одного правителя Египта, онъ пріобрѣлъ громаднаго богатства, имѣлъ два дома въ торговомъ кварталѣ Рима и въ этихъ двухъ домахъ, если вѣрить его біографу, онъ собралъ тридцать тысячъ томовъ, избранныхъ изъ числа самыхъ лучшихъ и самыхъ рѣдкихъ.

Римъ былъ въ то время городомъ, въ которомъ было много ученыхъ и любителей чтенія. Утромъ вы могли встрѣтить на улицахъ мальчика, отправляющагося, какъ это описываетъ поэтъ Ювеналъ (Satira X, 117), въ школу, въ сопровожденіи маленькаго раба, который несъ за нимъ въ сумкѣ его учебники, таблички и письменныя принадлеж-

ности. Нѣкоторые изъ этихъ учениковъ получали въ награду прекрасный экземпляръ какого нибудь классика, сообразно обычаю, первый примѣръ которому подаль въ Греціи Исократъ и которому послѣдовалъ римскій профессоръ Верій Флаккъ. Учитель школы, въ свою очередь, имѣлъ небольшой запасъ книгъ съ объясненіями его самого или кого-нибудь изъ его собратовъ, которыми онъ и пользовался во время своихъ уроковъ. По дорогѣ въ школу находились книжныя лавки, выставки книгъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ, прежде чѣмъ купить книгу, можно было разсмотрѣть ее и ознакомиться съ ея содержаніемъ, какъ мы дѣлаемъ это и нынѣ.

Раскрывъ сборникъ посланій Горація, можно прочесть тамъ, на примѣръ, прелестное прощаніе поэта со своею книгою, лучшую часть котораго мы приводимъ здѣсь въ прозѣ: «Ты, моя книга, какъ будто смотришь въ сторону Вертумна и Януса (намекъ на кварталъ книгопродавцевъ), горя, безъ сомнѣнія, нетерпѣніемъ, по отполированіи пемзой, отправиться на полки къ Сосіямъ (братья Сосіи знаменитые въ то время книгопродавцы въ Римѣ). Ты не можешь выносить ни ключей, ни печатей, этихъ милыхъ для стыдливости стражей; ты боишься попасть въ руки человѣка слишкомъ мало любопытнаго; ты добиваешься извѣстности, ты, которую я вскормилъ съ другими чувствами. Ну, бѣги же туда, гдѣ ты такъ горишь желаніемъ споткнуться.

Разъ ты вышла, для тебя уже нѣтъ возврата. «Что я надѣлала, несчастная, чего я пожелала?» скажешь ты, если тебя постигнетъ неудача; и ты знаешь, какъ захлопнетъ тебя пресыщенный любитель, котораго ты не сумѣла увлечь. Если я могу, не навлекая на себя вины, предсказать твою участь, то ты будешь мила римлянамъ до тѣхъ поръ, пока ты сохранишь прелести возраста. Тогда, измученная въ рукахъ толпы, ты упадешь въ цѣнѣ, или будешь безмолвно питать червей, спрятавшихся между твоихъ листовъ, или ты убѣжишь въ Утику (т. е. въ невѣжественный и отдаленный городъ), въ Африкѣ, или тебя отправятъ крѣпко связанною въ Илерду (въ Испанію); другая опасность: можетъ придти время, когда отвергнутая въ Римѣ, заброшенная въ его предмѣстья, на старости лѣтъ ты попадешь въ руки малыхъ ребятъ для обученія ихъ началамъ грамматики».

Безъ сомнѣнія учителя школъ, по личной бережливости или въ видахъ экономіи для своихъ учениковъ, покупали у книгопродавцевъ предпочтительно завалявшіяся книги. Горацій боялся, чтобы и его книгу не постигла такая печальная участь.

Книжные лавки привлекали не однихъ только покупателей; онѣ были также мѣстомъ свиданія людей любознательныхъ, которые тамъ вступали въ литературныя бесѣды. Тогда между ними завязывались споры о достоинствахъ выставленныхъ изданій; вотъ такая-то книга имѣла надпись грамма-

тика, съ величайшею тщательностью просмотрѣвшаго текстъ, а вотъ этотъ экземпляръ Вергилія, будто-бы, происходитъ изъ дома и даже изъ самаго семейства поэта. Съ любопытствомъ разсматривали въ немъ, какое чтеніе, какую орѳографію тотъ предпочиталъ въ мѣстѣ, подвергавшемся спорамъ критиковъ. Но всего болѣе привлекали вниманіе настоящія автографическія рукописи, т. е. писанныя рукою самого ихъ автора. Историкъ Тацитъ зналъ въ молодости ученаго, составившаго такимъ образомъ коллекцію автографовъ знаменитыхъ личностей. При такой чрезмѣрной любознательности, слѣпая страсть библіофиловъ нерѣдко впадала въ ошибки, и поддѣльватели пользовались этимъ: напримѣръ, когда Птоломеи основали въ Александріи свою знаменитую библіотеку, книги начали туда стекаться массами; но, увы! торговля приносила ихъ безъ всякаго разбора, и нерѣдко продавцы доставляли въ это книгохранилище произведенія, или поддѣльные, или завѣдомо подложныя; такимъ образомъ библіотекарю, завѣдывавшему покупкою книгъ, предлагали по два и по три экземпляра одного и того же сочиненія съ именемъ Аристотеля. Нѣкоторые плоды подобнаго обмана и нынѣ еще имѣются на нашихъ глазахъ, — между прочимъ, краткое изложеніе системы міра, будто бы написанное для юнаго царя Александра его наставникомъ философомъ, произведеніе одинаково мало достойное какъ того, такъ и другого. Смѣлость поддѣльвателей нерѣдко про-

стиралась еще гораздо дальше. Одно высокопоставленное лицо, другъ императора Веспасіана, показывало автографъ мнимаго письма, писаннаго къ царю Пріаму однимъ изъ его союзниковъ, Сарпедономъ, царемъ ликійцевъ (нужно замѣтить, что и самое искусство письма, по всей вѣроятности, еще не было извѣстно въ Азіи во время троянской войны). Три вѣка спустя, на рынкѣ въ Афинахъ продавали рукопись *Одиссеи* Гомера, которую владѣлецъ выдавалъ за собственноручную рукопись поэта; здѣсь я долженъ предупредить васъ, что, по наиболѣе вѣроятному мнѣнію, Гомеръ и гомеровскіе герои не знали употребленія письма; гомеровскія поэмы долгое время передавались изъ устъ въ уста и сохранились въ памяти пѣвцовъ, рассказывавшихъ ихъ на публичныхъ площадяхъ или въ дворцахъ важныхъ особъ. Слѣдовательно, эти пѣвцы, во времена героической Греціи, были чѣмъ-то въ родѣ живыхъ книгъ, содержавшихъ въ своей памяти поэтическія преданія о прошломъ. Говорятъ, что нѣкоторые туземные народы въ Америкѣ имѣли также «людей-архивы», которыхъ память вѣрно сохраняла длинные отрывки прозы и даже цѣлые мирные договоры. Подобнымъ же образомъ, въ древней Индіи, Веды и длинные эпическіе рассказы долгое время передавались на память; не доказано, чтобы индійцы знали искусство письма до времени похода Александра Македонскаго. Даже въ нашемъ столѣтіи и почти на

нашихъ глазахъ былъ еще примѣръ такого могущества памяти сохранять древнія поэмы: національная эпопея финляндцевъ *Калевала* записана на бумагахъ лишь не болѣе 60 лѣтъ назадъ; отдѣльныя пѣсни ея распѣвались и все еще распѣваются въ деревняхъ странствующими пѣвцами *рунойми* изъ ихъ-то устъ онѣ и были послѣдовательно собраны и записаны.

Впрочемъ, память во всѣ времена могла быть нѣкоторымъ образомъ соперникомъ письменности. У нѣкоторыхъ лицъ, какъ, на примѣръ, у актеровъ и музыкантовъ по профессіи, она даетъ возможность удерживать вѣрно такіе длинные тексты, что ими можно покрыть нѣсколько сотъ страницъ. Древніе знали много примѣровъ такой изумительной памяти: такова именно была память знаменитаго аеинянина Ѳемистокла; такова же была память и римскаго ритора Сенеки, отца философа. Иногда это искусство запоминанія становилось почти ремесломъ рабовъ. Философъ, имя котораго только что было упомянуто, рассказываетъ въ своемъ XXVII *Письмѣ*, что одинъ римлянинъ, богатый и глупый педантъ, окружилъ себя рабами, изъ которыхъ каждый зналъ наизусть всѣ произведенія какого-нибудь знаменитаго поэта, такъ что, по знаку своего господина, могъ повторить тотъ или другой отрывокъ, подходящий къ предмету разговора съ его друзьями.

Но вернемся снова къ книгопродавцамъ въ Афинахъ и въ Римѣ. Нерѣдко они предлагали покупа-

телямъ экземпляры, весьма цѣнные по различнымъ причинамъ. То они были замѣчательны по качеству папируса или пергамента, то по роскоши или изяществу переплета; иногда привлекали благоуханіе кедра или полировка кипариса, изъ которыхъ былъ сдѣланъ футляръ книги. Въ это время не всѣ уже книги были свертками; то были нерѣдко квадратныя книги или *Codices* т. е. подобранные листки, связанные другъ съ другомъ, какъ у насъ, ниткой, стиснутые между двумя дощечками, или, по крайней мѣрѣ, между двумя листами пергамента. Этотъ способъ одержалъ верхъ надъ другими, и въ слѣдующіе вѣка мы почти его одного только и видимъ въ употребленіи.

Плодовитость писателей, въ особенности историковъ и компиляторовъ (указываютъ на одного изъ послѣднихъ, грамматика и компилятора Дидима изъ Александріи, выпустившаго въ свѣтъ, во времена Августа, 3,500 томовъ!), заставила очень рано почувствовать необходимость уменьшенія толщины и вѣса ихъ книгъ; съ этою цѣлью книги писались на очень тонкой бумагѣ и очень мелкимъ почеркомъ. Такимъ образомъ, сто двадцать семь книгъ, изъ которыхъ состояла *Римская исторія* Тита Ливія, представляли собою во времена Марціала (въ I вѣкѣ послѣ Рождества Христова) компактное изданіе, можетъ быть даже всего изъ одного тома. Другое диво. Цицеронъ вилѣлъ, неизвѣстно въ какой библіотекѣ, всю *Илиаду* (т. е. болѣе 15,000

стиховъ) написанную такимъ мелкимъ почеркомъ что вся рукопись умѣщалась въ орѣховой скорлупѣ. Вы съ трудомъ этому вѣрите, а между тѣмъ семнадцать столѣтій спустя, при дворѣ французскаго короля Людовика XIV, ученный эллинистъ Гюэ (Huet), епископъ авраншскій, доказалъ однажды, что это чудо можно бы было воспроизвести на надлежащаго качества веленовой бумагѣ вороновымъ перомъ и почеркомъ столь мелкимъ, какъ его (онъ забылъ прибавить и съ глазами, какъ его).

Но драгоценныя книги и компактыя книги представляютъ собою не болѣе какъ мало полезныя курьезы и свидѣтельствуютъ только о крайнихъ предѣлахъ искусства у переписчиковъ. Серьезнѣе была заслуга иллюстрированныхъ изданій, какъ ихъ называли бы нынѣ, въ которыхъ рисунки для иллюстраціи текста, а иногда портреты, были исполнены или посредствомъ копированія на глазъ, или посредствомъ болѣе грубаго копированія на прозрачной бумагѣ.

Геометрическая или астрономическая книга не могла обойтись безъ фигуръ; естественно-историческая книга также чрезвычайно нуждалась въ нихъ; географическій трактатъ былъ бы бесполезнымъ безъ картъ. Но кажется, что во времена Варрона уже дошли до издаванія біографій съ портретами каждой личности. Два или три портрета древнихъ писателей, переданные намъ въ средневѣковыхъ рукописяхъ (портреты поэтовъ Теренція, Горація и Вер-

гилія), заставляють предполагать, что до изобрѣтенія гравюры подобная *иконографія*, называемая, однако же, Плиніемъ «благодѣтельнымъ изобрѣтеніемъ», передавала очень невѣрно черты лица знаменитыхъ людей. Многочисленные бюсты изъ мрамора и бронзы, дошедшіе до насъ изъ классической древности, и полурельефныя фигуры, которыя мы находимъ на греческихъ и римскихъ медаляхъ, кажется, имѣли большее сходство.

Впрочемъ, за неимѣніемъ удобнаго способа для точнаго воспроизведенія большого числа экземпляровъ географическаго или топографическаго рисунка, старались облегчать способы пользованія ими, для чего ихъ рисовали или вырѣзывали на стѣнахъ публичныхъ зданій.

Во времена Августа общая карта міра, составленная благодаря трудамъ ученыхъ географовъ, покрывала стѣны портика, построеннаго зятемъ самого императора, знаменитымъ Агриппой. Современный поэтъ Проперцій свидѣтельствуетъ, что географію изучали по стѣннымъ картамъ, нарисованнымъ на стѣнахъ публичныхъ зданій, а иногда школъ. Въ римской школѣ древняго французскаго города Отена карты были также нарисованы на стѣнахъ ея классовъ, и многочисленные обломки ихъ попадаются между развалинами этого города.

Это мнѣ напоминаетъ о другомъ любопытномъ документѣ, которой не можетъ не интересовать молодежь. На греческомъ островѣ Паросѣ, столь зна-

менитомъ своими прелестными мраморами, нашли, лѣтъ двѣсти назадъ, на развалинахъ школы мраморныя доски, на которыхъ была написана краткая хронологія всей греческой исторіи, со времени миеологическаго царствованія Кекропса въ Аѣинахъ (въ 1582 году) и до 243 г. до Рождества Христова, вѣроятно до того самаго года, въ которомъ была сдѣлана эта надпись.

Такимъ образомъ дѣти на стѣнахъ своей школы учились не только географіи, но иногда и первоначальной исторіи; эти каменные книги имѣли то преимущество, что могли сохраняться много лѣтъ безъ серьезнаго поврежденія вмѣстѣ съ самымъ зданіемъ, часть котораго онѣ составляли.

Иногда, для сосредоточенія вниманія учениковъ, прибѣгали къ скульптурѣ барельефомъ. Мы имѣемъ еще нѣсколько такихъ барельефовъ, исполненныхъ на камнѣ или слоновой кости; на нихъ изображены главныя сцены изъ героическихъ легендъ Греціи и даже сцены изъ исторіи въ собственномъ смыслѣ слова. Подъ каждымъ предметомъ находится краткое описаніе на греческомъ языкѣ, а иногда имя поэта, у котораго дѣти могли найти болѣе подробный разсказъ каждой сцены. Это было нѣчто въ родѣ памятной книжки, очень привлекательной для молодыхъ умовъ.

Въ римскихъ земляхъ мы находимъ нѣсколько календарей, написанныхъ на камнѣ для употребленія публики. У римскихъ гражданъ не было книжечекъ

съ картами ихъ города, какъ это теперь у насъ, но они могли, по крайней мѣрѣ, видѣть на Капитоліи планъ Рима, вырѣзанный на мраморѣ, многочисленныя обломки котораго охранились и донынѣ въ различныхъ музеяхъ.

ГЛАВА IV.

КНИГА У ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ.

(Продолженіе).

Критики. — Издатели. — Авторы. — Странная судьба нѣкоторыхъ произведеній. — Литературные отрывки, найденные въ египетскихъ гробницахъ. — Книга мертвыхъ. — Каталогъ греческой литературы, составленный хранителемъ александрійской бібліотеки. — Списки театральныхъ представленій.

Каменные книги немного отвлекли насъ отъ другихъ книгъ; пора вернуться къ нимъ. Гораздо больше картинъ любителями книгъ цѣнились комментарии ко всѣмъ произведеніямъ, чтеніе которыхъ было затруднительно или вслѣдствіе устарѣлости языка, или по самому свойству предмета. Гомеръ, напримѣръ, черезъ двѣсти или триста лѣтъ послѣ сочиненія *Иліады* и *Одиссеи*, уже не читался бѣгло; къ нему нужны были объясненія, или, какъ говорили впослѣдствіи, схоліи. Примѣчанія, сначала очень короткія и помѣщавшіяся на поляхъ или между строками, скоро превратились въ очень длинныя, вслѣдствіе толкованія темныхъ мѣстъ, объясненія древнихъ нравовъ и обычаевъ; и страницы поэмы

оказывались окруженными и обремененными этими прибавленіями. Иногда также коментаріи превращались въ особое произведеніе, въ которомъ помѣщали только тѣ строки или слова текста, которыя желали объяснить; тогда необходимо было ссылаться, при помощи какихъ-либо пояснительныхъ знаковъ, на каждое подходящее мѣсто оригинальнаго текста; но эти ссылки дѣлались не такъ, какъ у насъ, указаніемъ страницы, а указаніемъ строкъ. Такимъ образомъ комментаторъ рѣчи Цицерона скажетъ: «строка 226, считая съ начала», и вслѣдъ за этою ссылкой выпишетъ только нѣсколько строкъ текста, который онъ желаетъ объяснить. Въ общемъ, у грамматиковъ и критиковъ древности длина отрывка прозы измѣряется числомъ строкъ, что намъ кажется сначала страннымъ, но во всякомъ случаѣ такой способъ ни чуть не произвольнѣе нашего способа счисления по страницамъ. Однако же неудобство этого способа состоитъ въ томъ, что греческое слово *stichos* и слово *versus*, которымъ оно переводится на латинскій языкъ, оба имѣютъ значеніе какъ стиха такъ и строки; такимъ образомъ иной новѣйшій библіографъ могъ принять за поэму прозаическое сочиненіе. Это случилось съ извѣстнѣйшимъ французскимъ библіографомъ Шарлемъ Нодье, который причислилъ одного изъ отцовъ церкви, Святого Мееодія, къ числу поэтовъ, между тѣмъ какъ тотъ писалъ только прозу.

Книги, написанныя тщательно искусными калли-

графами, и тексты съ комментаріями не были единственными предметами, стоившими дорого въ древней книжной торговлѣ. Поэмы, а также и прозаическія произведенія, по мѣрѣ того какъ они старѣлись, возбуждали вопросы, разрѣшить которые старались грамматики по профессіи или *критики*, какъ ихъ называли въ то время; напримѣръ, въ обѣихъ эпопеяхъ Гомера многіе стихи, а нерѣдко и длинныя мѣста, подавали поводъ къ спорамъ; оспаривали ихъ значеніе, или подлинность; приписывали погрѣшности памяти рапсодовъ или рукъ переписчиковъ иные варианты, оскорблявшіе щепетильный умъ издателя-критика. Позднѣйшія сочиненія, какъ, напримѣръ, *Диалоги* Платона, какъ извѣстно, написанные и изданные самимъ авторомъ ихъ, требовали толкованій для лучшаго пониманія ихъ. Задавались вопросомъ, дѣйствительно-ли историческая личность то или другое лицо, или не скрытъ-ли Платонъ, подъ псевдонимомъ, ритора, демагога, философа, на идеи или на поведеніе которыхъ онъ нападалъ. Самыя подраздѣленія діалога, въ которомъ, какъ въ комедіи, говорящія лица перемѣняются почти на каждой строкѣ, могли сбивать переписчиковъ и заставлять дѣлать ошибки, которыхъ добросовѣстный издатель долженъ былъ, конечно, остерегаться. Мы знаемъ нѣкоторыхъ изъ такихъ издателей: Аполлоній и Аристархъ — для Гомера, Гермодоръ и Дерциллидасъ — для Платона. Чтобы привести въ порядокъ столь разнообразныя

примѣчанія, необходимыя для уясненія текста, они придумали особенные знаки, изъ которыхъ каждый соотвѣтствовалъ извѣстному роду примѣчанія и, будучи выставленъ на поляхъ текста, указывалъ читателю, что нужно справиться съ комментариемъ. Знаменитая рукопись *Имады*, относящаяся къ X вѣку христіанской эры и принадлежащая бібліотекѣ святого Марка въ Венеціи, представляетъ намъ именно такую поэму, снабженную знаками Аристарха и грамматиковъ, его учениковъ.

Легко понять, что подобныя книги нельзя было воспроизводить въ очень большомъ числѣ и что ихъ рѣдкость дѣлала ихъ очень дорогими. Поэтому для насъ не можетъ быть ничего удивительнаго въ томъ, что нѣкоторые книгопродавцы хранили въ своихъ лавкахъ такіе экземпляры, которые они позволяли просматривать только за деньги; въ такихъ случаяхъ книжная лавка превращалась почти въ такое мѣсто, какое мы нынѣ называемъ кабинетомъ для чтенія.

Вы, конечно, уже сами догадываетесь, что среди такой торговой и ученой дѣятельности книгопродавцы и служащіе у нихъ работали не даромъ и что книжная торговля была выгоднымъ промысломъ. Горацій въ слѣдующихъ выраженіяхъ отзывается о поэмѣ, которая должна имѣть успѣхъ: «Вотъ эта книга дастъ барышъ Сосіямъ». Но какую долю въ этихъ прибыляхъ имѣлъ авторъ? Этого мы съ достовѣрностью не знаемъ, такъ какъ объ этомъ

предметъ до насъ дошло очень мало свѣдѣній. Разумѣется, слѣдовало бы чтобы поэтъ жилъ своимъ талантомъ, но увы! всего чаще случалось, что талантъ не обогащалъ его и, какъ это и у насъ, начало писательской карьеры требовало гораздо больше издержекъ, чѣмъ доставляло выгодъ. Если авторъ дѣлался знаменитостью, тогда только онъ могъ предлагать свои условія своему издателю, а при случаѣ и разорить его въ свою очередь, отдавая ему новыя сочиненія только за наличныя деньги или по формальному контракту для того, чтобы обезпечить себѣ большую долю въ прибыляхъ.

Что же касается до поэтическихъ произведеній, дававшихся на театрѣ, то и за нихъ тоже давалось вознагражденіе; но такъ какъ древніе театры открывались лишь небольшое число разъ въ теченіе года и такъ какъ право входа было весьма ограниченное, то антрепренеръ не могъ платить дорого ни Плавтамъ, ни Теренціямъ. Талантъ же актеровъ, напротивъ, очень щедро вознаграждался, и въ этомъ отношеніи наибольшее сходство между древними и нашими нравами; талантливый артистъ принуждалъ авторовъ и антрепренеровъ платить себѣ большія деньги за свою игру. Несомнѣнно, трагедія или комедія, имѣвшая успѣхъ на представленіи, легко находила книгопродавцевъ для распространенія своего въ свѣтѣ, и такая продажа могла принести хорошую пользу. Рассказываютъ, что нѣкій греческій поэтъ, по имени Анаксандридъ, жив-

пій въ IV вѣкѣ до нашей эры, не могъ перенести неуспѣха на сценѣ. Когда комедія его сочиненія терпѣла крушеніе на сценѣ, онъ «отдавалъ ее дрогисту, чтобы тотъ разорвалъ ее на клочки». Эти клочки разорванной книги шли на завертываніе товара. Объ этомъ свидѣтельствуемъ намъ Горацій, когда онъ обращается съ слѣдующими грустными словами къ сборнику своихъ стихотвореній: «Меня вынесутъ на улицу, гдѣ продаютъ еиміамъ и духи, и перецъ и все, что завертываютъ въ бессмысленную бумагу». Для книги, не понравившейся публикѣ, это то же, что плѣсневѣть и быть источенной червями гдѣ-нибудь въ углу лавки, какъ объ этомъ говоритъ тотъ же самый поэтъ въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій.

Старая бумага, испачканная чернилами какимъ-нибудь писателемъ—неудачникомъ, служила также матеріаломъ для упаковки, и много разъ клочки папируса, за которые мы заплатили бы болѣе, чѣмъ на вѣсъ золота, находили себѣ такое вульгарное употребленіе. Въ Египтѣ нѣкоторые ящики съ муміями заключали въ себѣ цѣлыя кипы бумаги, между которыми попадались иной разъ отрывки, представлявшіе для насъ настоящія сокровища. Мумія, найденная Маріеттомъ въ гробницѣ Саккарахъ, содержала въ себѣ письменное произведеніе, лежавшее на груди умершаго вмѣсто нагрудника, и эта рукопись представляла, ни болѣе, ни менѣе какъ сотню стиховъ, написанныхъ прелестнымъ грече-

скимъ языкомъ; то были стихи Алкмана, одного изъ наиболѣе знаменитыхъ лирическихъ поэтовъ древности; удивительная судьба для произведенія, спасеннаго отъ забвенія только благодаря этой единственной въ своемъ родѣ случайности.

Такъ какъ этотъ необыкновенный анекдотъ переноситъ насъ съ читателями въ долину Нила, то будетъ кстати рассказать здѣсь о другомъ обычаѣ египтянъ, а именно объ обычаѣ класть подлѣ умершаго, въ ящикъ, содержащій его мумію, документы, относившіеся къ его дѣламъ, напримѣръ, письма и въ особенности экземпляръ погребальнаго служебника, который любители древностей обыкновенно называютъ *Книгою мертвыхъ*. Подобно тому какъ въ Египтѣ существовало бальзамированіе перваго, второго или третьяго разряда, такъ и погребальные служебники были различныхъ размѣровъ: болѣе или менѣе пространные, писанные и украшенные рисунками искусныхъ каллиграфовъ. Точно также и въ наши дни имѣются церковные служебники неодинаковой толщины и цѣны, въ зависимости отъ полноты или краткости текста, отъ болѣе или менѣе роскошныхъ печати и переплета.

Если авторы такого множества сочиненій всѣхъ возможныхъ родовъ не извлекали изъ нихъ матеріальной для себя выгоды, то не было-ли имъ, по крайней мѣрѣ, обезпечено право на почетъ, на извѣстное уваженіе? Къ сожалѣнію, имя писателя подвергалось всегда большой опасности исчезнуть съ заго-

ловка его книги. Сначала, нѣкоторыя сочиненія,— какъ, напримѣръ, большая часть защитительныхъ рѣчей у афинянъ, писались для того, чтобы быть прочитанными или произнесенными другими лицами, а не самимъ авторомъ, и послѣдній, получивъ извѣстную сумму за свой трудъ, не имѣлъ возможности обезпечить за собою впослѣдствіи право литературной собственности. Имена, поставленные во главѣ или въ концѣ свертка, въ дѣйствительности подвергались тамъ болѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, возможности быть уничтоженными; всемъ извѣстно, какимъ опасностямъ обыкновенно подвергаются первыя и послѣднія страницы книги, нерѣдко приходя въ разрушеніе вслѣдствіе ветхости или крайней небрежности. Этому книгопродавцы и библиографы старались помочь таблицами и каталогами, гдѣ подъ именемъ каждаго автора были выставлены заголовки его сочиненій, а иногда даже и первыя строки каждой книги для того, чтобы легче можно было ихъ отыскать. Одинъ очень извѣстный поэтъ александрійской школы, бывшій хранителемъ громадной библіотеки въ этомъ городѣ при третьемъ царѣ изъ династіи Птолемеевъ, по имени Каллимахъ, составилъ такимъ образомъ настоящую библиографію греческой литературы, о громадномъ объемѣ которой можно судить уже потому, что она состояла болѣе, чѣмъ изъ ста двадцати книгъ, изъ которыхъ каждая соотвѣтствовала извѣстному классу сочиненій, въ стихахъ или прозѣ. Какъ далеко простира-

лось въ этомъ трудѣ усердіе ученаго хранителя, вы можете видѣть изъ того, что кухня занимала въ немъ мѣсто рядомъ съ исторіей и философіей. Тамъ вы могли видѣть сочиненія автора пересчитанными по строкамъ, сообразно обычаю, о которомъ я уже говорилъ выше: напримѣръ, собраніе сочиненій Аристотеля, по словамъ одного компилятора, безъ сомнѣнія почерпавшаго свѣдѣнія изъ этого источника, достигало страшной цифры 445,270 строкъ!

Другого рода каталогъ, болѣе древній, чѣмъ трудъ Каллимаха, представляли списки театральныхъ представленій, въ которыхъ фигурировали имена авторовъ и названія ихъ піесъ; иногда тамъ выставлялось имя артиста, написавшаго музыку къ піесѣ, а иногда также и имена главныхъ актеровъ. Вы безъ труда поймете пользу подобныхъ документовъ для исторіи литературы. Они помогли установить время появленія знаменитыхъ произведеній, сравнить между собою различныя редакціи одного и того же произведенія, которыя могли оказаться въ одной и той же библіотекѣ, и рѣшить, которая изъ этихъ редакцій была дѣйствительно подлинною. Чтобы понять услуги, оказанныя Каллимахомъ и его послѣдователями біографамъ знаменитыхъ людей, стоитъ только открыть книгу Діогена Лаэртія, сборникъ свѣдѣній о главныхъ философахъ Греціи, изъ которыхъ каждое заканчивается довольно правильно спискомъ ихъ сочиненій. Эти списки нерѣдко поддѣльны, и для исправленія ихъ нужны

болѣе древніе документы; но, увы! эти документы все погibli, и въ отношеніи каталоговъ египетскія развалины до сихъ поръ доставили намъ лишь разрозненные остатки, на нѣсколькихъ клочкахъ папируса, списка сочиненій Аристотеля и его учениковъ; вотъ все, что, по всей вѣроятности, осталось отъ древнихъ инвентарей александрійской библіотеки. Къ счастью для насъ, нѣкоторыя части сочиненій, въ которыя занесено столько названій, встрѣчаются въ компиляціяхъ позднѣйшаго времени, откуда наши новѣйшіе историки считаютъ долгомъ извлекать ихъ.

ГЛАВА V.

РАЗЛИЧНЫЯ СУДЬБЫ ДРЕВНИХЪ КНИГЪ.

Временной недостатокъ папируса на берегахъ Нила. — Замѣна бумаги дощечками и обломками глиняной посуды. — Бѣдный ученый принужденъ писать свои сочиненія на обломкахъ своей столовой посуды. — Истребленныя огнемъ библіотеки въ Александріи, Римѣ и Ліонѣ. — Свертки папируса, найденныя въ библіотекѣ Геркуланума. — Стѣсненіе при Цезаряхъ свободы письма. — Книги истребленныя или сожженныя по повелѣнію сената.

До сихъ поръ мы почти исключительно видѣли только возрастающее процвѣтаніе литературы и книжной торговли, но, желая остаться правдивымъ историкомъ, не должно умалчивать и объ ихъ злоключеніяхъ.

Многочисленны и разнообразны были они.

Если никогда не ощущалось недостатка въ мысли, составляющей существенный матеріалъ книги, зато въ матеріалѣ коммерческомъ и промышленномъ, бумагѣ, не разъ чувствовали нужду какъ писатели, такъ и книгопродавцы. Повидимому, на нее всегда стояла довольно высокая цѣна. Во времена Перик-

ла, въ самый блестящій вѣкъ эллинской цивилизаціи, листъ бумаги средней величины стоилъ около четырехъ франковъ на нынѣшнія деньги, т. е. столько же, сколько нынѣ стоятъ полтора ста листовъ бумаги среднихъ размѣра и качества. Это подтверждаетъ намъ одинъ аѳинскій документъ, относящійся къ 410 году до христіанской эры: счетъ расходовъ, сдѣланныхъ на постройку знаменитаго храма Эрехтея, одного изъ красивѣйшихъ зданій аѳинскаго акрополя. Поэтому для сочиненій, не требовавшихъ слишкомъ много мѣста, нерѣдко употребляли легкія деревянныя дощечки. Отъ такихъ дощечекъ осталось нѣсколько обломковъ, изъ которыхъ одинъ сохраняется въ витринахъ луврскаго египетскаго музея, въ Парижѣ. Такой же обычай существуетъ еще и нынѣ у мусульманскихъ народовъ въ Африкѣ и на Востокѣ.

Въ Египтѣ, главнымъ и, можетъ быть, единственнымъ центрѣ приготовленія папирусной бумаги, это драгоцѣнное растеніе подобно всякому другому, было подвержено перемѣнчивости временъ года. Были годы урожаяйные и были годы неурожайные. Вслѣдствіе этого иной разъ ощущался недостатокъ бумаги, который не всегда устраняло приготовленіе болѣе дорогаго пергамента. Было, по крайней мѣрѣ, два случая, когда ощущался недостатокъ въ бумагѣ: одинъ—при Даріѣ Охусѣ, и другой—въ царствованіе императора Тиберія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, когда единственною причиною

бѣдствія, можетъ быть, было замедленіе подвоза изъ Александріи, недостатокъ бумаги принялъ размѣры настоящаго бича для столицы міра; возникли бы серьезныя смуты и, можетъ быть, опасности для общественнаго спокойствія, еслибы не поручили тогда третейскимъ судьямъ распредѣленіе, соотвѣтственно потребности и спросу, того малаго количества, которое Египетъ прислалъ въ итальянскіе порты. Удивительная вещь, что нѣчто подобное приключилось и въ наше время, а именно въ 1871 году, въ послѣдніе дни осады Парижа, когда не хватило бумаги для печатанья газетъ, почему многія изъ нихъ издавались на сѣрой, толстой бумагѣ. Экземпляры этихъ газетъ уже въ настоящее время составляютъ библиографическую рѣдкость, почему вѣроятно въ недалекомъ будущемъ будутъ цѣниться любителями весьма дорого и можно ихъ будетъ видѣть лишь въ національныхъ музеяхъ.

Въ нашихъ нынѣшнихъ музеяхъ есть другія свѣдѣтельства, очень для насъ странныя, скудости папируса даже на берегахъ Нила. Нѣкоторыя рукописи на папирусѣ, происходящемъ изъ Египта, представляютъ собою, что называется, *отистографы*, т. е. онѣ написаны съ обѣихъ сторонъ, и написанное на оборотѣ представляетъ совсѣмъ другой по содержанію текстъ противъ написаннаго на лицевой сторонѣ: напримѣръ, семейныя письма или хозяйственные счета на оборотѣ трактата объ астрономіи или діалектикѣ. Это дѣлалось, очевидно, изъ экономіи,

чтобы утилизировать такимъ образомъ другую поверхность свертка папируса. Но вещь еще болѣе странная, кто повѣрилъ бы, что въ I вѣкѣ нашей эры римскіе солдаты, размѣщенные въ верхнемъ Египтѣ, и чиновники римскаго управленія, не имѣя бумаги для введенія своихъ повседневныхъ счетовъ, напримѣръ, расписокъ въ полученіи жалованья и различныхъ поборовъ, писали эти расписки на остракахъ, т. е. на обломкахъ глиняной посуды? Нельзя не признать, что это былъ матеріалъ не совсѣмъ удобный для переписки, и однако имъ пользовались для интимной переписки. Если бы письменность на этихъ особенныхъ документахъ не была чаще всего греческая и легкоразбираемая, если бы на ней не было удобочитаемыхъ помѣтокъ времени написанія, никто не подумалъ бы, что такой обычай существовалъ такъ долго, и что онъ появился за долго до упадка древней литературы и книжной торговли. Однако въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ моемъ маленькомъ музеѣ есть нѣскольکو такихъ обломковъ, есть одинъ даже чрезвычайнорѣдкій: это почти третья часть большой вазы, на которой какой-то египетскій христіанинъ написалъ очень плохимъ греческимъ языкомъ рассказъ о чудѣ Іисуса Христа (о купели) и дополнилъ его трогательнымъ и простодушнымъ гимномъ во славу Божию

Препологають, что бѣдность принуждала нѣкоторыхъ писателей писать такимъ порядкомъ цѣлыя

сочиненія на обломкахъ ихъ столовой посуды. Такой именно фактъ рассказываютъ объ Апполоніѣ Дисколѣ, наиболѣе знаменитомъ изъ всѣхъ греческихъ грамматиковъ, жившемъ въ вѣкъ Антониновъ. Изъ его многочисленныхъ сочиненій намъ осталось еще столько, что если собрать все, то получится очень объемистый томъ. Сколько мѣста должны были занимать и сколько вѣсить подобныя черновыя сочиненія! Намъ скорѣе думается, что легенда раздула фактъ, дѣйствительный въ своемъ основаніи. Грамматикъ, прежде чѣмъ сдѣлаться знаменитымъ, жилъ, можетъ быть, очень бѣдно и подобно римскимъ солдатамъ и чиновникамъ въ Египтѣ, подобно внослѣдствіи христіанскимъ отшельникамъ Оиваиды, могъ отъ времени до времени писать нѣкоторыя замѣчанія, нѣкоторыя воспоминанія на обломкахъ глиняной посуды. Вѣдь есть же у арабовъ легенда, что Магометъ писалъ Коранъ, подъ диктовку ангела, на лопаткахъ барана.

Подобно всѣмъ историческимъ героямъ, подобно Александру Македонскому и Карлу Великому, и книга имѣетъ свою легенду.

Перейдемъ же теперь къ серьезной исторіи.

Въ странахъ, наиболѣе богатыхъ трудолюбивыми писателями, всякаго рода тружениками для воспроизведенія и распространенія созданій ума, прискорбно видѣть, сколькимъ опасностямъ могли подвергаться книги, которыя, казалось, даже съ самаго своего появленія на свѣтъ должны были найти у

публики самый радушный пріемъ. Знаменитый Аристотель, говорятъ, завѣщаль всѣ свои рукописи наиболѣе ученому изъ своихъ учениковъ, Теофрасту. Послѣдній, не имѣя времени обнародовать ихъ всѣхъ, въ свою очередь, завѣщаль ихъ наслѣдникамъ, мало достойнымъ такой чести, такъ что наслѣдство долгое время оставалось заброшеннымъ въ подвалѣ, гдѣ много томовъ испортилось. Это преданіе, если оно справедливо, объясняетъ намъ, почему въ такомъ плохомъ состояніи дошли до насъ многія сочиненія величайшаго философа древности. Оно объясняетъ также, почему эти книги распространились такъ поздно на Западѣ и почти не были извѣстны римлянамъ до взятія Аѳинъ ихъ полководцемъ Суллою. Другой болѣе странный примѣръ печальной участи: одинъ изъ Птолмеевъ въ Египтѣ, преемникъ государей, основавшихъ богатую александрійскую бібліотеку, однажды, неизвѣстно за что, разгнѣвался на ученыхъ и изгналъ всѣхъ изъ своего царства. Подобнаго рода преслѣдованіе не могло продолжаться долго у народа столь дружелюбно расположеннаго къ искусствамъ, какъ эллины, и, слава Богу, мы видимъ, что оно не причинило большого вреда ни наукѣ, ни поэзіи. По странному совпаденію, китайскія лѣтописи относятъ къ царствованію Чинъ-Тси-Гоанга, бывшаго почти современникомъ Птолмея Филометора, жестокое гоненіе ученыхъ и истребленіе многихъ тысячъ древнихъ книгъ, въ числѣ которыхъ насчитываются замѣча-

тельные памятники китайской мудрости, отъ которыхъ какъ бы чудомъ сохранилось лишь нѣсколько экземпляровъ.

Эти злословія слѣдуетъ приписать причудамъ деспотической воли, но даже при нормальномъ состояніи древняго общества книги и ихъ авторы не разъ подвергались другимъ опасностямъ.

Прежде всего бывали несчастные случаи. Очень часто архивы и библіотеки были опустошаемы или совсѣмъ истребляемы огнемъ. При взятіи Александріи Юліемъ Цезаремъ, пламя похитило одну изъ громаднхъ библіотекъ этого города, находившуюся въ кварталѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Брухіумъ. Во время пожара, устроеннаго въ Римѣ безумно-жестокимъ Нерономъ, также исчезли три библіотеки со всѣми заключающимися въ нихъ литературными сокровищами. Провинціальныя города не были ограждены отъ подобныхъ несчастій. Въ царствованіе Клавдія, городъ Ліонъ (называвшійся тогда Лугдунумъ) былъ до основанія уничтоженъ огнемъ въ одну почъ. Когда сгорѣлъ Капитолій, во время гражданской войны, окончившейся побѣдою Веспасіана, отъ всѣхъ сокровищъ, собранныхъ въ этомъ древнемъ святилищѣ религіи и патріотизма, остались одни попорченные клочки: тамъ съ давняго времени были собраны многія тысячи списковъ и бронзовыхъ таблицъ, составлявшихъ архивы имперіи.

Прибѣгнувъ къ копіямъ большинства этихъ под-

линыхъ текстовъ, находившимся въ другихъ складахъ, удалось опять возстановить собраніе ихъ, доходившее числомъ до трехъ тысячъ отдѣльныхъ документовъ; Светоній, біографъ Веспасіана, справедливо называетъ это *instrumentum imperii pulcherrimum*. Полвѣка спустя послѣ пожара, истребившаго городъ Ліонъ до основанія, послѣдній дѣлается болѣе, чѣмъ когда либо, цвѣтущимъ, благодаря изящнымъ искусствамъ и торговлѣ. Онъ имѣетъ книгопродавцевъ, и эти книгопродавцы наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшатъ выставлать въ своихъ лавкахъ то, что нынѣ называется новостями литературы. Плиній младшій узналъ съ радостью, которую онъ и высказываетъ въ своей перепискѣ, что его книги находили поклонниковъ на столь отдаленномъ отъ Рима и даже отъ его родины, Комы, рынкѣ.

Къ тому же періоду исторіи (79 г. послѣ Рождества Христова) относится воспоминаніе о Геркуланумѣ и Помпеи, засыпанныхъ горячимъ пепломъ Везувія. По крайней мѣрѣ въ первомъ изъ этихъ двухъ городовъ нашли въ одной комнатѣ тысячу семьсотъ свертковъ папируса, которые всѣ принадлежали бібліотекѣ эпикурейца и значительную часть которыхъ могли разобрать неаполитанскіе ученые, благодаря своему изумительному терпѣнію и прилежанію. Менѣе счастливый въ этомъ отношеніи городъ Помпея не далъ намъ ни одной изъ книгъ, которыя онъ заключалъ въ себѣ въ свое время; а между

тѣмъ и теперь еще можно видѣть тамъ лавку книгопродавца съ рабочей комнатою для переписчиковъ, которую очень легко узнать по надписямъ на ней и по ея внутреннему устройству; но влажный пепелъ, проникшій повсюду въ этомъ городѣ, разрушилъ тамъ до мельчайшихъ частицъ папирусы и пергаментъ. Искусные изслѣдователи, руководящіе раскопками этихъ развалинъ, отчаиваются найти тамъ остатки хотя одной рукописи, имѣющей видъ книги; нашли тамъ лишь нѣсколько приходорасходныхъ счетовъ, написанныхъ на навощенныхъ деревянныхъ дощечкахъ; всѣ эти счета разобраны безъ большого труда.

Рядомъ съ этими несчастными случаями надо упомянуть и о болѣе или менѣе насильственныхъ разрушеніяхъ, которыя приходится приписать, увы! злой волѣ людей.

Поэтъ Овидій представляетъ намъ первый примѣръ этого; изгнанный изъ Рима императоромъ Августомъ за проступокъ, тайну котораго такъ никогда и не узнали, и сосланный въ небольшой городокъ на берегахъ Эвксинскаго Понта (нынѣ Черное море), онъ могъ еще писать тамъ довольно свободно элегіи, въ которыхъ онъ оплакиваетъ свою печальную участь; но, посылая свои стихи въ Римъ, онъ, какъ мы видимъ, не совсѣмъ былъ увѣренъ въ пріемъ, который они должны были найти тамъ. Вы не безъ интереса прочтете, даже въ слабомъ прозаическомъ переводѣ, нѣсколько строкъ посла-

нія, которое Овидій, въ подражаніе Горацию, обращаетъ къ сборнику своихъ *Tristes*, какъ онъ называлъ ихъ: «Маленькая книжка,—я не завидую этому,—ты отправляешься безъ меня въ *Городъ* (Римъ), куда не можешь послѣдовать за тобою твой господинъ. Иди, но плохо одѣтая, какъ и подобаетъ книгѣ изгнанника. Несчастливая, береги нарядъ своего несчастія; да не окраситъ пурпуръ твоего покрыва,—его цвѣтъ не идетъ къ тому, кто носить трауръ. Да не привлекаетъ глаза сурикъ твоего заголовка и кедръ да не наполняетъ благоуханіемъ твоихъ листовъ. Два бѣлыхъ шарика да не выдѣляются на твоёмъ черномъ образѣ (это концы стержня, на который навертывался папирусъ). Такой красивый уборъ будетъ украшать счастливыя книги. А ты, ты не можешь забыть о моемъ несчастіи. Твои два обрѣза не будутъ отполированы пемзой, чтобы можно было видѣть въ безпорядкѣ твоей головной уборъ (т. е. необрѣзанные края папируснаго свертка). Не краснѣй за свои пятна: при видѣ ихъ, всякій пойметъ, что они сдѣланы моими слезами. Иди же, моя книга, и привѣтствуй отъ моего имени тѣ дорогія мѣста...» И послѣ этого краткаго вступленія поэтъ мысленно вѣщаетъ въ храмахъ и дворцахъ своего дорогого города Рима, въ которомъ онъ опасается повсюду козней и пробужденія гнѣва государя, отправившаго его въ изгнаніе. Онъ представляетъ книгу попадающею въ домъ, въ которомъ она встрѣтитъ своихъ старшихъ сестеръ, и

опасающеюся и тамъ возбудить подозрѣнія противъ своего господина. Изъ этого можно видѣть, какъ нерѣдко тяжело уже было положеніе писателей въ послѣдніе годы царствованія Августа.

Свобода писанія и обнародованія книгъ, конечно, была велика у грековъ и римлянъ; но такъ какъ она вырождалась иной разъ въ разнузданность, то для сдерживанія ея въ границахъ нужны были законы, и эти законы нерѣдко примѣнялись съ большою строгостью. Не только присуждали къ сожженію позорящіе честь пасквили (что, конечно, было вполне справедливо), но строгость распространялась даже на серьезные историческіе труды, авторъ которыхъ грѣшилъ только излишнимъ поклоненіемъ или просто уваженіемъ къ павшему правительству. Такимъ образомъ, при императорѣ Тиберіѣ, былъ осужденъ историкъ Кремуцій Кордъ за то, что говорилъ съ уваженіемъ о послѣднихъ защитникахъ республики, Брутъ и Кассіѣ. До него, другой лѣтописецъ, книги котораго были сожжены по повелѣнію сената, не захотѣлъ пережить ихъ истребленія и покончилъ жизнь свою самоубійствомъ. Сочиненія Тацита дошли до насъ не полными. Этотъ великій писатель отзывался съ суровой независимостью о царствованіи первыхъ императоровъ; онъ мужественно порицалъ Нерона и Домиціана. Можно думать, что именно эта свобода и была до извѣстной степени причиною исчезновенія части его произведеній. Преемникамъ первыхъ Цезарей не нравилось,

что въ римскомъ обществѣ распространяются проникнутыя столь благородною печалью сужденія о политическихъ порядкахъ, которыхъ, можетъ быть, заслужилъ своими преступленіями выродившійся уже тогда Римъ.

Разсказываютъ, что императоръ Тацитъ, считавшій себя потомкомъ знаменитаго историка, озаботился о воспроизведеніи его сочиненій и о распространеніи ихъ по библіотекамъ. Кто знаетъ, не этой-ли счастливой случайности мы обязаны тѣмъ, что можемъ читать, по крайней мѣрѣ, половину этихъ краснорѣчивыхъ разсказовъ, дѣлающихъ честь уму человѣческому.

ГЛАВА VI.

КНИГА ВЪ ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНСКІЕ ВѢКА.

Нетерпимость христіанства къ еретическимъ книгамъ. — Что дѣлается съ свѣтской литературою при суровости Церкви и невѣжествѣ варваровъ. — Сохраненіе древнихъ преданій Боэціемъ и Кассіодоромъ. — Дѣятельность первыхъ отцовъ Церкви по защитѣ и распространенію христіанства. — Многоязычная Библія Оригена. — Уменьшеніе научныхъ сочиненій. — Сокращеніе въ руководства нѣкоторыхъ великихъ произведеній. — Сохраненіе нѣкоторыхъ произведеній греческихъ писателей въ переводахъ на восточные языки. — Преимущества и неудобства этихъ переводовъ.

Послѣ политическихъ страстей слѣдуетъ упомянуть также и о религіозныхъ спорахъ.

Въ дѣлѣ религіи языческіе народы отличались часто терпимостью. У нихъ было столько различныхъ боговъ, что имъ ничего не стоило допустить еще одного лишняго въ свои храмы. Общественныя власти были строги у нихъ только къ завѣдомымъ безбожникамъ. До сихъ поръ еще мало извѣстно безспорныхъ примѣровъ этихъ строгостей. Процессы за нечестивость были нерѣдки; но не видно, чтобы

погибло много книгъ, болѣе или менѣе антирелигіозныхъ, вслѣдствіе осужденія ихъ авторовъ. Однако этого мы не видимъ послѣ торжества христіанства. Христіанскій догматъ, очень рано сформулированный апостолами, а затѣмъ учеными богословами на соборахъ, не допускалъ этой свободы обсужденія и толкованія, которую политеизмъ позволялъ самымъ смѣлымъ изъ его философовъ.

Напримѣръ, Эпикуръ, рѣшительной отрицатель языческихъ боговъ, спокойно и счастливо жилъ въ Аѣинахъ, гдѣ вокругъ него процвѣтали и древній культъ, и инныя новѣйшія, иностраннаго происхожденія суевѣрія. Христіанское общество было менѣе снисходительно, какъ къ еретикамъ, такъ и къ философамъ, нападавшимъ на его таинства, на его теологию. Противъ христіанства писали въ особенности трое ученыхъ: Цельсій, Порфирій и Юліанъ. Строго осужденныя, преданныя поруганіямъ и поношенію, ихъ сочиненія не могли пережить времени, въ которое они появились: отъ нихъ сохранились лишь отрывки въ прозѣ христіанскихъ ученыхъ, писавшихъ возраженія противъ нихъ. Что же касается до знаменитаго Арія, виновника ереси, такъ долго колебавшей основы христіанскаго ученія, то его книга, преданная анафемѣ на соборахъ, исчезла совершенно.

Даже помимо этихъ преслѣдованій, объясняющихся искреннею страстію у правовѣрныхъ христіанъ, естественно было ожидать, что торжество новой религіи мало-по-малу предастъ забвенію многія

произведения языческой литературы. Одного папу обвиняютъ въ поощреніи уничтоженія языческихъ сочиненій; но этотъ папа, Григорій Великій, нашелъ себѣ защитниковъ въ этомъ отношеніи, и, кажется, теперь доказано, что его единственная вина заключалась въ томъ, что онъ совѣтовалъ членамъ духовенства ограничивать свое образованіе латинскою Библіею и ея комментаторами. Великій епископъ, святой Василій Великій, двумя вѣками раньше, совѣтовалъ, напротивъ, изучать древнихъ поэтовъ Греціи и доказывалъ, что подобное изученіе, надлежащимъ образомъ направленное учителями, спасительно для воспитанія сердца и ума. Твореніе святого Василія объ этомъ предметѣ сдѣлалось классическимъ въ нашихъ школахъ, подобно сочиненію Плутарха о воспитаніи дѣтей.

Теперь мы дошли до времени великаго нашествія варваровъ, которое, нужно признать, внесло въ цивилизованный міръ много другихъ неурядницъ, помимо борьбы двухъ непримиримыхъ религій.

Я не знаю, хорошо-ли разъяснили историки, — въ особенности тѣ, которые пишутъ для молодежи, — все то, что должна была потерять цивилизація вслѣдствіе нашествія этихъ миллионновъ людей безъ всякой культуры, безъ всякой любви къ искусствамъ, безъ всякаго уваженія къ памятникамъ, которые гений художниковъ разсыялъ по всему Западу. Самая промышленность, служившая только удобствамъ жизни, должна была очутиться въ прене-

бреженіи у народовъ, преданныхъ войнѣ или грубымъ наслажденіямъ кочевой жизни. Много времени потребовалось для того, чтобы эти грубые завоеватели почувствовали расположеніе къ тонкостямъ болѣе цивилизованной жизни. Готы, гунны, вандалы, всѣ эти варвары, наводнившіе Европу и не умѣвшіе ни читать, ни писать, могли лишь впоследствии заинтересоваться книгами и библіотеками, имѣвшими такую большую цѣну для побѣжденныхъ. Къ счастью, Евангеліе проникало въ ихъ души не посредствомъ одной только проповѣди; они должны были мало-по-малу научиться чтенію священныхъ книгъ. Впрочемъ, разъ сдѣлавшись властелинами громаднхъ имперій, они должны были имѣть, для управленія дѣлами, сколько-нибудь образованныхъ министровъ; они имѣли надобность въ правильно-организованныхъ канцеляріяхъ, и такимъ образомъ они начали дѣлаться учениками грамматиковъ и риторовъ, которыхъ Римъ и Греція предлагали имъ въ большомъ изобиліи. Не одинъ ученый латинскаго Запада сдѣлался министромъ короля-варвара: таковъ былъ Боэцій, переводчикъ и комментаторъ Аристотеля, при дворѣ Теодорика; таковъ же былъ и Кассіодоръ, большой почитатель литературы, большой поощритель всѣхъ искусствъ, облегчавшихъ производство книгъ, украшеніе и распространеніе ихъ. Нѣкоторые короли сами оказывались ревностными поборниками знанія; король франковъ, Шильперикъ, одно время съ удоволь-

ствіемъ занимался выдумываніемъ новыхъ буквъ для азбуки.

Несмотря на все это, какъ въ греческомъ, такъ и въ римскомъ мірѣ школы дѣлались менѣе многочисленными, искусство письма болѣе и болѣе обращалось къ рутинѣ практики, вкусъ измѣнялся, языкъ портился, и пониженіе знаній было бы не вознаграждено, если-бы христіанство не придало падавшимъ обществамъ могущественнаго элемента жизни. По истеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, всѣ литературныя школы сдѣлались христіанскими, и обученіе новому догмату, поддерживая повсюду дѣятельность умовъ, побѣждало мракъ невѣжества и предупредило бѣдствіе, къ которому бы привелъ совершенный перерывъ ученыхъ изслѣдованій. Объ томъ, что христіанство обнаруживало горячность въ спорахъ, плодovitость въ проповѣди, можно судить по сочиненіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ новой религіи. Цѣлыми томами *in-folio* насчитываются творенія первыхъ отцовъ Церкви святого Августина и святого Іоанна Златоуста. Библія одна, сама посебѣ, потребовала громаднхъ трудовъ, хотя бы только для перевода съ еврейскаго на греческій и латинскій языки и для болѣе легкаго распространенія, такимъ образомъ, среди народовъ Востока и Запада. Вы знаете, что Ветхій Заветъ въ оригиналѣ представляетъ большой томъ даже въ самыхъ компактныхъ изданіяхъ. Вообразите же себѣ, чѣмъ должна была быть многоязычная Библія Оригена, собраніе шести расположен-

ныхъ параллельными столбцами текстовъ всѣхъ каноническихъ твореній: текстъ еврейскій, текстъ латинскій, четыре и даже пять различныхъ переводовъ на греческій языкъ. Какой громаднй трудъ, какіе расходы влекли за собою подобныя книги! Латинскій переводъ Библии, извѣстный у католиковъ подъ названіемъ *Вульгаты*, принадлежитъ преимущественно святому Иерониму. Нѣтъ ничего любопытнѣе предисловія этого ученаго мужа во главѣ каждого изъ произведеній, которыя онъ переводилъ по еврейскому или халдейскому оригиналу. Тутъ видно, какую страсть къ изслѣдованію, какую тонкость толкованія обнаруживали эти ученые, какъ еще легки были сношенія между различными школами, между библіотеками, между книжными торговлями цивилизованныхъ народовъ.

Внѣ религіознаго обученія, наука, правда, начала падать. Естественная исторія, астрономія и вообще знаніе физическаго міра болѣе и болѣе сводились къ поверхностнымъ понятіямъ. Краснорѣчиво прославляли красоты творенія—*Дѣло шести дней*; это было даже любимымъ предметомъ христіанской проповѣди (отсюда названіе *Hexameron*, которое, между прочимъ, носитъ сборникъ поученій святого Василія), но міръ уже не изучали, какъ изучали его знаменитые физики и астрономы греческой древности. Приспобляясь къ потребностямъ менѣе любознательнаго общества, наука превратилась въ краткія руководства, которыя стоили малаго труда ихъ авторамъ, малыхъ расхо-

довъ книгопродавцамъ и ихъ покупателямъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта манія краткихъ руководствъ была бичемъ для серьезной и изящной литературы. Въ одномъ трудѣ, въ тридцати семи книгахъ, ученый римлянинъ Плиній представилъ картину природы и цивилизованнаго міра (*Historia naturalis*). Когда эта энциклопедія нашла себѣ сократителя (этотъ сократитель назывался Солинъ, а его маленькая книжечка называлась *Polyhistor*), она болѣе и болѣе начала приходить въ забвеніе; однако же она не исчезла и для насъ еще представляетъ богатую сокровищницу учености. Но масса краткихъ изложеній убила большую книгу, которую они резюмировали для невѣжественной массы читателей. Безъ сомнѣнія такимъ именно образомъ мы лишились, цѣликомъ или отчасти, большихъ историческихъ трудовъ, какъ, напримѣръ, трудовъ Теопомпа и Полибія у грековъ, Трога Помпея и Тита Ливія у римлянъ.

Менѣе извѣстный примѣръ,—я привожу его, потому что онъ кажется мнѣ характернымъ,—представляетъ маленькій латинскій словарь, составленный во времена Карла Великаго діакономъ Павломъ. Во времена Августа, грамматикъ Веррій Флаккъ, бывший въ теченіе нѣкотораго времени наставникомъ внуковъ этого императора, составилъ большой историческій словарь латинскаго языка, содержащій въ двадцати книгахъ всѣ слова, даже самыя древнія, съ цитатами изъ авторовъ; словарь этотъ былъ на-

стоящей сокровищницей самой разнообразной учености, но именно вслѣдствіе своего богатства онъ показался скоро обременительнымъ. Три вѣка спустя, нѣкто Помпей Фестъ сдѣлалъ изъ него первое сокращеніе, которое, въ свою очередь, показалось слишкомъ длиннымъ для учителей и учениковъ тѣхъ варварскихъ временъ, когда Карлъ Великій и Алкуинъ старались пробудить любовь къ наукамъ; и вотъ діаконъ Павелъ взялся сократить, въ свою очередь, книгу Помпея Феста. До насъ дошелъ только этотъ послѣдній трудъ, самый короткій и наименѣе поучительный изъ трехъ; первый исчезъ безслѣдно; отъ второго осталось только приблизительно около половины статей, начиная съ буквы М, въ рукописи, которую пламя истребило на половину тогда, когда книгопечатаніе спасло оставшееся отъ нея.

Сборники извлеченій надѣлали не менѣе вреда полнымъ изданіямъ оригинальныхъ произведеній. Такимъ образомъ въ V вѣкѣ компиляторъ, по имени Іоаннъ Стобійскій или Іоаннъ Стобей, собралъ по порядку сотни страницъ или короткихъ отрывковъ наиболѣе знаменитыхъ прозаиковъ и поэтовъ древней Греціи. Нѣкоторые изъ этихъ писателей намъ и извѣстны только по тому, что сохранилось изъ ихъ произведеній въ компиляціи Стобея. Нельзя, впрочемъ, не признать, что велико было искушеніе облегчить немного пользованіе, для наибольшаго числа читателей, безчисленными сочиненіями, накопившимися въ библіотекахъ. Между V вѣкомъ

до христіанской эры и VI вѣкомъ послѣ Рождества Христова насчитываютъ въ одной только Греціи болѣе шестисотъ историковъ, изъ числа которыхъ двадцать пять или тридцать было выдающихся или по таланту, или по учености. Это, конечно, извиняетъ греческаго императора Византіи, Константина Порфирогенета, возымѣвшаго мысль составить въ широкихъ размѣрахъ и методически сводъ извлеченій изъ главныхъ историковъ подъ такимъ заглавіемъ: *Извлеченія хитростей, сраженій, посольствъ, хорошихъ и дурныхъ примрвъ* и т. д. Рѣдкія рукописи, оставшіяся намъ отъ этого сборника, сохранили для насъ много страницъ изъ исторіи, заимствованныхъ изъ объемистыхъ произведеній, нынѣ утраченныхъ; всѣ эти страницы болѣе или менѣе драгоценны, напримѣръ, страница изъ историка Николая Дамасскаго, гдѣ разсказанъ, и притомъ греческимъ лѣтописцемъ-современникомъ, трагическій эпизодъ смерти Юлія Цезаря.

Другую возможность спасти нѣкоторые литературные труды древней Греціи представлялъ переводъ на иностранные языки. Армяне, на сѣверѣ Азіи, и сирійцы, въ Палестинѣ, очень рано посвященные въ знакомство съ греческимъ языкомъ и почувствовавшіе любовь къ столь прекрасной литературѣ, скоро захотѣли имѣть ея произведенія и на своемъ языкѣ. Въ особенности пользовались этою любовью философы и отцы церкви, и такимъ образомъ произведенія знаменитыхъ ученыхъ, какъ

напримѣръ, Евсебія или святаго Іоанна Златоуста, греческій оригиналъ которыхъ погибъ, сохранились или на армянскомъ, или на сирійскомъ языкѣ. Иной разъ даже съ сирійскаго оно переводилось на арабскій, а съ арабскаго, въ средніе вѣка, на еврейскій или латинскій языкъ. Послѣ такого продолжительнаго странствія, оригинальный авторъ доходитъ до насъ въ очень искаженномъ видѣ и когда мы, благодаря счастливой случайности, можемъ сравнить первоначальный текстъ съ этими переводами изъ вторыхъ, третьихъ или даже четвертыхъ рукъ, насъ поражаетъ то, что мысль автора искажена до того, что нерѣдко дѣлается неузнаваемою.

Научный трактатъ можетъ такимъ образомъ быть переведенъ на нѣсколько языковъ безъ большихъ неудобствъ; одинаковость терминовъ въ различныхъ языкахъ проведена съ достаточной строгостью; такимъ образомъ, *Геометрія* Эвклида, *Механика* Архимеда, можетъ быть даже *Медицина* и *Хирургія* Гиппократа утратили мало въ своей цѣнности, при переходѣ изъ греческихъ школъ въ школы Ассиріи или Испаніи, занятой арабами. Слогъ имѣетъ лишь посредственное значеніе въ сочиненіяхъ подобнаго рода и самыя идеи, по свойству своему, не легко могутъ быть искажены, если только переводчикъ одинаково хорошо владѣетъ какъ своимъ роднымъ языкомъ, такъ и языкомъ переводимаго имъ автора. Совсѣмъ иное дѣло литература, гдѣ яснѣе обоз-

начается различіе генія народовъ. Арабы, несмотря на богатство своего восточнаго воображенія, не создали и даже не знали ничего похожаго на греческую эпопею, на греческую трагедію или комедію. Поэтому-то арабскій переводчикъ *Поэзиі* Аристотеля и впадаетъ во множество противорѣчій и искаженій; трагедія, которой у него нѣтъ передъ глазами ни одного примѣра, превращается у него въ «искусство хвалить», а комедія, которой онъ не знаетъ, сводится на «искусство порицать». Небольшое произведеніе Аристотеля о *Поэзиі* не всегда отличается особенной ясностью въ неполной редакціи, имѣющейся у насъ на греческомъ языкѣ. Но въ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ по арабскому переводу, это почти совершенная безсмыслица, изъ которой исторія литературы не можетъ извлечь почти никакой пользы.

Только-что сдѣланныя нами замѣчанія переносятъ насъ въ средніе вѣка. Пора представить намъ, каково было тогда состояніе книги въ публичныхъ или частныхъ библіотекахъ, особенно въ библіотекахъ монастырскихъ, и каково было занятіе людей, писавшихъ, украшавшихъ или продававшихъ ихъ. Это составитъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА VII.

КНИГИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Рукописи и переписчики.—Принадлежности каллиграфа.—Этимология словъ *рубрика* и *миниатюра*.—Дипломы временъ меровинговъ и другія рукописи VIII и X вѣк. на панирусѣ.—Скудость пергамента въ VI вѣкѣ нашей эры.—Палимпсесты.—Драгоценныя открытія, сдѣланныя при ихъ дешифровкѣ.

Несмотря на тяжелое впечатлѣніе, производимое на насъ картиною нашествій варварства и слѣдовавшихъ за ними раздирающихъ сценъ, вы уже видѣли, въ послѣдней главѣ, что средніе вѣка были не безплодны и не безъ литературной славы, что промышленность и торговля книгами далеко не исчезли; только кажется, что эта дѣятельность сосредоточивалась по преимуществу въ монастыряхъ и въ рукахъ монаховъ, сдѣлавшихся почти единственными представителями науки, единственными наставниками молодежи.

Войдемъ же въ складъ рукописей въ одной изъ нашихъ большихъ библіотекъ; мы изумляемся, какъ многочисленны еще, какъ прекрасны еще иной разъ

рукописи на весьма различных языкахъ, особенно на греческомъ и латинскомъ, полученные нами по наслѣдству отъ среднихъ вѣковъ. Мы увидимъ или карманные книги для употребленія студентовъ, или громадныя томы, въ которые любитель, не обладавшій ни критическимъ взглядомъ, ни вкусомъ, безъ разбора сшивалъ тетради, принадлежавшія произведеніямъ нѣсколькихъ авторовъ и написанныя разными переписчиками. Или это роскошныя томы, написанныя безусловно красивымъ и тщательнымъ почеркомъ, книги любителей по преимуществу, въ которыхъ точность текста пострадала только отъ почти неизбѣжныхъ оплошностей со стороны самыхъ добросовѣстныхъ переписчиковъ. Не рѣдко каллиграфъ подписывалъ свой трудъ, поручая себя, «бѣднаго грѣшника», снисходительности и молитвамъ своихъ читателей; иногда (но это рѣдко лишь встрѣчается въ латинскихъ рукописяхъ Запада) переписчикъ, — пусть то былъ монахъ съ необразованнымъ грубымъ умомъ, или наемный писака, — послѣ своей послѣдней строки прибавлялъ довольно грубый стихъ, мысль котораго можно перевести такимъ образомъ: «Здѣсь оканчивается моя книга; ради Христа, дайте мнѣ на чай»:

Explicet hic totum, per Christum da mihi potum.

Многія рукописи носятъ слѣды критическаго просмотра, слѣланнаго съ большею или меньшею тщательностію самимъ владѣльцемъ, или профессиональнымъ грамматикомъ; въ такомъ случаѣ этотъ

просмотръ нерѣдко удостовѣряется подписью, свидѣтельствующею о времени просмотра. Такимъ именно образомъ имѣли возможность расположить по порядку вѣковъ рукописи непомѣченные, сличая ихъ почеркъ съ почеркомъ книгъ, время писанія которыхъ обозначено, такъ какъ естественно предполагать, что сходство почерковъ указываетъ на рукописи одного и того же вѣка.

Особенную трудность для латинскихъ переписчиковъ представляло переписываніе книгъ съ цитатами на греческомъ языкѣ. Почтенный писецъ нерѣдко не зналъ этого языка. Тогда изъ двухъ вещей одно, или онъ дѣлалъ съ большимъ трудомъ снимки съ буквъ греческаго письма, и эти снимки, несмотря на свое несовершенство, очень полезны для насъ, какъ цитаты греческихъ авторовъ, которыхъ до насъ не дошло ни одного оригинальнаго списка, или же онъ выходилъ изъ своего затрудненія тѣмъ, что выбрасывалъ цитату и замѣнялъ ее двумя буквами *gr. t.-e. gresum*, формулой, которую обычай распространилъ въ четыре слова *grecum est, non legitur* и сдѣлалъ почти пословицей для обозначенія незнанія греческаго языка. Подъ названіемъ «Аттическихъ ночей» мы имѣемъ очень интересную компиляцію римлянина Авла Гелья, библіофила весьма свѣдущаго въ обѣихъ литературахъ, въ которыхъ онъ почерпалъ чрезвычайное разнообразіе анекдотовъ и интересныхъ извлеченій. Нѣкоторые рукописи этой любопытной книги лишены греческихъ цитатъ, кото-

рыя авторъ прибавилъ туда; въ тѣ времена и въ монастыряхъ, въ которыхъ онѣ переписывались, греческій языкъ былъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ. Иногда также копированіе греческаго текста невѣжественнымъ писцомъ показываетъ (что тоже не безынтересно), какимъ образомъ произносился тогда языкъ Гомера и Демосѣена.

✓ Но какимъ веществомъ и какими принадлежностями пользовались при перепискѣ всѣ эти переписчики, всѣ эти каллиграфы? Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельства, восходяція къ первымъ вѣкамъ христіанской эры. Сборникъ мелкихъ греческихъ поэмъ, извѣстный подъ названіемъ «Антологіи», содержитъ въ себѣ семь небольшихъ стихотвореній, однообразное содержаніе которыхъ представляетъ приношеніе каллиграфа какому-то божеству, приношеніе, упоминающее о всѣхъ принадлежностяхъ, необходимыхъ для его занятія; приводимъ прозаическій переводъ одного изъ этихъ стихотворныхъ произведеній, очень граціознаго въ оригиналѣ:

«Этотъ мягкій свинецъ, опредѣляющій движеніе моихъ пальцевъ, это перо, мягкое для иныхъ искусныхъ поворотовъ, этотъ ножикъ, ресцепляющій и утончающій его, камень, на которомъ заостряется тростникъ, наконецъ, всю свою сумку, съ лощилкой, губкой и чернилицей, когда-то бывшими орудіями моего смиреннаго занятія, я приношу тебѣ, о богъ, потому что ослабленные возрастомъ и моя рука, и мои глаза отказываются отъ работы».

✓ *Мягкій свинецъ* былъ или кружекъ, или стержень изъ этого металла, которымъ, какъ у насъ, водили по линейкѣ для того, чтобы начертить линіи, едва замѣтныя для глаза, и тѣмъ доставить нѣкоторымъ образомъ точку опоры для руки переписчика и получить одинаковое число строкъ на каждой страницѣ. Такіе кружки были найдены недавно въ водахъ Сены. Карандашъ замѣнилъ ихъ для торговыхъ списковъ, для школъ и для повсѣдневнаго употребленія лицъ, хлопотавшихъ о правильности своего почерка. Позднѣйшій прогрессъ представляетъ употребленіе очень блѣдныхъ чернилъ, положенныхъ съ помощью особаго прибора на бумагу, которая въ нашей торговлѣ носитъ названіе «линованной бумаги».

Перо (calamus) или палка для писанья, какъ мы видимъ, была очиняема и расщепляема, конечно, перочиннымъ ножомъ, а затѣмъ еще полируема и заостряема на камнѣ; лишь въ VII вѣкѣ нашей эры мы находимъ первое упоминаніе о перѣ, замѣняющемъ calamus. Но этотъ послѣдній въ рукахъ каллиграфа достигалъ, конечно, тонкости, близкой къ тонкости нашего воронова пера, или нашихъ стальныхъ перьевъ.

Папирусъ, на которомъ написаны стихи греческаго поэта Алкмана, имѣетъ на поляхъ замѣтки, писанныя почти микроскопическимъ почеркомъ, существуетъ также рѣчь, написанная греческимъ риторомъ на папирусѣ, оригиналъ которой находится у меня, но, увы, въ сильно попорченномъ

видѣ; наконецъ, чудо, представляемое *Илидой*, написанной такъ, что она могла умѣститься въ скорлупѣ орѣха (чудо, о которомъ я уже говориль), служить лучшимъ доказательствомъ того, на что былъ способенъ греческій каллиграфъ еще задолго до того, какъ вошли въ употребленіе гусиное и вороново перья.

Лощилою служилъ кусокъ пемзы, пористое и нѣсколько шероховатое вещество, которой слегка сглаживали края свернутого папируса и выравнивали поверхность его краевъ, подобно тому какъ у насъ рѣзецъ переплетчика обрѣзаетъ края полей въ книгѣ.

Чернильница греческихъ переписчиковъ, повидимому, содержала только черныя чернила. Греческое слово, означающее чернила, *melan* значитъ просто черное, а латинское слово *atramentum* означаетъ также употребленіе черной жидкости; но египетскіе папирусы и нѣкоторыя древнія палитры, найденныя въ Египтѣ, указываютъ на употребленіе чернилъ различныхъ цвѣтовъ. Римскіе и греческіе каллиграфы одинаково любили разнообразить цвѣта чернилъ, особенно для названій сочиненій или главъ, для начальныхъ буквъ этихъ главъ. Роскошь простиралась даже дальше; отыскивали средство разводить въ подходящей жидкости золотой и серебряный порошокъ, и такимъ образомъ получали золотыя и серебряныя буквы, блескъ которыхъ ласкалъ глазъ, особенно на пергаментѣ, окрашенномъ въ пурпуровый цвѣтъ, чему мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ. *Minium*,

или сурикъ, представляющій красную свинцовую соль, обыкновенно употреблялся для заголовковъ законовъ въ спискахъ уложеній; отсюда къ намъ перешло употребленіе для заголовковъ названія *рубрика* (*rubrica*, по-латыни, буквы краснаго цвѣта). Кромѣ того, отъ слова *mini* (сурикъ) произошло слово *миниатюра*, искусство которой, постепенно совершенствуясь, превратилось въ оригинальную и чрезвычайно богатую отрасль живописи. Но какая бумага могла воспринимать столь богатые и столь тонкія украшенія? Папирусь или пергаментъ? Вы замѣтили, что каллиграфъ, набожное приношеніе котораго мы перевели выше, не говоритъ опредѣленно о своей бумагѣ. Это потому, что бумага не относилась къ принадлежностямъ его профессіи; ее доставляли авторъ или книгопродавецъ. Писавшій это посвященіе не имѣлъ надобности приносить богу образчикъ своей бумаги. Для рукописей хорошаго качества, но безъ тщеславныхъ украшеній, папирусь годился вполнѣ. Въ Египтѣ писали даже на холстѣ, а также и дѣлали весьма разнообразные рисунки. Римляне также знали холщевыя книги (*libri lintei*), содержащія сибиллинскія предсказанія или религіозные обряды. Однако пергаментъ, болѣе твердый, чѣмъ папирусь, и воспринимающій болѣе совершенную полировку, долженъ былъ, рано или поздно, вытѣснить этотъ продуктъ египетской промышленности. Перевороты, бывшіе въ Египетѣ въ V и послѣдующихъ вѣкахъ, въ особенности послѣ

занятія его арабами, должны были сильно повредить производству папируса. Долго думали, что калифъ Омаръ, по взятіи Александріи, приказаль сжечь въ ней библіотеку, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ ней не заключалось ничего полезнаго для учениковъ пророка. Эта легенда утратила всякое основаніе: извѣстно, что послѣ столькихъ предшествовавшихъ опустошеній солдатамъ Омара осталось очень мало книгъ для сожженія. Но если и не истребляли въ то время старыхъ книгъ, за-то Египетъ все менѣе и менѣе доставлялъ матеріала для приготовленія новыхъ книгъ. Эта промышленность существовала еще нѣсколько вѣковъ послѣ завоеванія арабами. На папирусѣ написаны многіе дипломы временъ меровинговъ. Въ числѣ свертковъ, принадлежащихъ египетскому вице-королю и хранящихся въ музеѣ въ Булакѣ, находится одинъ, содержащій житія святыхъ на коптскомъ языкѣ (это новѣйшая форма египетскаго языка и письменности) и оканчивающійся греческою подписью, помѣченною 450 годомъ Діоклеціана (эра мучениковъ) или 752 годомъ христіанской эры, т. е. временемъ дѣтства Карла Великаго. Въ Италіи папскія буллы долго писались на папирусѣ; изъ числа ихъ извѣстна одна, помѣченная 998 годомъ; но, по всей вѣроятности, въ тѣ времена подобная роскошь допускалась лишь въ нѣкоторыхъ канцеляріяхъ.

Даже въ свѣжемъ видѣ, тотчасъ по выходѣ изъ рукъ рабочаго, эта растительная, легкая, ломкая,

не совсѣмъ плотная бумага должна была легко разрушаться; она подвергалась очень многимъ измѣненіямъ. Это мы видимъ даже на той бумагѣ, которая лучше всего сохранилась въ Египтѣ; листья, при малѣйшемъ давленіи, склеиваются между собой; если только свертокъ не сохранялся тщательно въ цилиндрической формѣ, на складкахъ папируса дѣлались разрывы. Когда эта бумага была разрѣзана на страницы и послѣднія составили книгу, подобную нашимъ, а не свертокъ, то эти страницы было трудно перелистывать; онѣ не обладали упругостью; поэтому нѣкоторые книгопродавцы прибѣгали къ слѣдующему средству: въ одной и той же книгѣ они за папирусными страницами поочередно вставляли пергаментные листы, какъ это видно въ прекрасной рукописи святого Августина, хранящейся въ парижской національной библіотекѣ.

Пергамента, въ свою очередь, иногда не хватало для удовлетворенія всего спроса. Съ V или VI вѣка онъ сдѣлался рѣдкимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Западѣ. Эта скудость заставила довольно часто прибѣгать къ прискорбному обычаю, впрочемъ, какъ будто восходящему даже къ классической древности, благодаря которому мы лишились множества сочиненій. Для написанія актовъ какого-нибудь сбора или даже плохихъ стиховъ какого-нибудь поэта временъ упадка, проводили губкою по пергаменту, содержащему, на примѣръ, рѣчи или философскіе тракты Цицерона, и затѣмъ писали новый

текстъ, или между строками еще замѣтнаго стараго текста, или на тѣхъ же самыхъ строкахъ, если считали ихъ достаточно смытыми, или же, наконецъ, въ поперечномъ направленіи. Этого рода рукописи называются *палимпсестами* (подчищенными), хотя, говоря правду, эта операція производилась губкою или же пемзою, а отнюдь не ножомъ. Новѣйшіе филологи поздно хватились сдѣлать опытъ разбора первоначальнаго текста палимпсестовъ; для этого нужно очень хорошіе глаза, а иногда употребленіе химическихъ реактивовъ, которые, возстановляя первоначальный текстъ, сильно измѣняютъ вещество пергамента. Но открытія, сдѣланныя этимъ способомъ вполне оправдали его. Какое сокровище составляетъ для насъ палимпсестъ Гая, возвратившій намъ классическій трудъ этого великаго юрисконсульта, хотя, конечно, и изуродованный въ нѣкоторыхъ частяхъ! Какое сокровище составляютъ открытыя такимъ образомъ прекрасныя страницы *Республики* Цицерона! Какой драгоценный оригинальный документъ представляетъ переписка ритора Фронтонна съ его ученикомъ, ставшимъ впослѣдствіи императоромъ Маркомъ Авреліемъ!

Почти всегда въ палимпсестахъ представляются произведенія языческой литературы, которыя были покрыты христіанскими произведеніями, писанными на томъ же языкѣ. Иногда также второй языкъ различенъ отъ перваго, какъ напримѣръ, въ рукописи бібліотеки *British Museum*, гдѣ сочиненіе на си-

рійскомъ языкѣ скрываетъ отъ насъ самый древній, извѣстный намъ, списокъ нѣкоторыхъ пѣсенъ *Илиады*. Тутъ нѣтъ открытія, собственно говоря; но дѣйствительно любопытно знать, каково было состояніе, въ IV или V вѣкѣ нашей эры, этого дорогого для насъ текста, подвергшагося столькимъ передѣлкамъ со временъ Гомера до времени его alexandрійскихъ комментаторовъ.

ГЛАВА VIII.

КНИГИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

(продолженіе)

Рукописи священныхъ книгъ, замѣчательныя по изяществу письма и богатству украшеній.—Странное равнодушіе евреевъ къ древности рукописей ихъ священныхъ книгъ.—Пристрастіе арабовъ къ изящнымъ книгамъ.—Библіотеки мусульманъ.—Возвращеніе къ христіанскимъ народамъ.—Латинскія рукописи съ иллюстраціями.—Искусство и плодovitость миниатюристовъ въ средніе вѣка.—Невѣрность у нихъ костюма и характера дѣйствующихъ лицъ.—Новая эпоха въ исторіи книги.—Бумага изъ хлопка.—Трудность чтенія текстовъ вслѣдствіе употребленія сокращеній.—Возвращеніе къ древности.—Стенографія у римлянъ.—Знаки сокращенія.—Скорописцы.

Въ предыдущей главѣ вы видѣли, послѣ столькихъ другихъ, еще одну новую причину уничтоженія образцовыхъ произведеній языческой древности. Книжная торговля и въ особенности монахи, занимавшіеся въ монастыряхъ каллиграфіей, естественно начали болѣе пренебрегать языческими писателями древности и привязались преимущественно къ христіанскихъ текстамъ, и прежде всего къ Ветхому и Новому Завѣту. Затѣмъ, книгами, предназначенными для церковной службы, требника-

ми, осьмигласниками, служебниками и другими; затѣмъ каллиграфы почти исключительно занимались сочиненіями ученыхъ богослововъ, каковы, напримѣръ, святой Василій Великій и святой Іоаннъ Златоустъ. Вотъ почему мы имѣемъ чрезвычайно большое число рукописей этихъ сочиненій, восходящихъ до V и даже до IV вѣка нашей эры, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ выполнены съ чрезвычайною роскошью украшеній: заглавныя буквы разныхъ цвѣтовъ, заглавныя буквы, украшенныя арабесками, иногда даже заключающія въ своихъ внутреннихъ пространствахъ маленькія картины, исполненныя самою тонкою кистью; затѣмъ большія миниатюры, изображающія или ликъ, болѣе или менѣе сходный, апостоловъ или святыхъ ученыхъ богослововъ, или же какія-либо событія изъ Ветхаго и Новаго Заветъа. Даже безъ этихъ роскошныхъ украшеній нѣкоторыя рукописи священныхъ книгъ представляютъ изумительное совершенство каллиграфіи. Таковъ, напримѣръ, хранящійся въ парижской національной бібліотекѣ подъ № 412 небольшой томикъ, въ которомъ содержатся Евангеліе и посланія апостоловъ; почеркъ, всегда чрезвычайно четкій, въ иныхъ мѣстахъ микроскопической величины. Съ такимъ же уваженіемъ каллиграфія относилась, въ свою очередь, и къ латинскимъ переводамъ, и даже къ переводамъ на новѣйшіе языки Библіи и духовныхъ сочиненій; въ этомъ родѣ есть книги, неимѣющія себѣ цѣны какъ по отчетливости те-

кста, такъ и по изяществу включенныхъ въ нихъ небольшихъ картинъ.

По поводу перевода священныхъ книгъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующій странный фактъ: еврейскій оригиналъ этихъ книгъ имѣется только въ рукописяхъ сравнительно новѣйшаго происхожденія. Увѣряютъ, что самая древняя еврейская рукопись Библии не восходитъ далѣе X вѣка нашей эры. Это справедливо можетъ удивить того, кто не знаетъ, что евреи, убѣжденные въ неизмѣняемости библейскаго текста, не оказываютъ никакого предпочтенія къ старымъ экземплярамъ, въ которыхъ они не думаютъ найти текстъ, менѣе измѣненный рукою переписчиковъ. Они, говорятъ, даже уничтожали, или, по крайней мѣрѣ, погребали въ складахъ, осужденныхъ на забвеніе, экземпляры Ветхаго Завѣта, которые, вслѣдствіе дряхлости, становились негодными къ употребленію. Впрочемъ, у нихъ память дополняла вѣрность списковъ. Не одинъ еврей знаетъ наизусть большую часть, а иногда и весь Ветхій Завѣтъ.

Ученики Магомета нѣсколько иначе выражаютъ уваженіе къ своей единственной священной книгѣ, Корану. Они отыскиваютъ его, поклоняются наиболѣе древнимъ рукописямъ его. Есть одна копія Корана, какъ полагаютъ, относящаяся ко времени, очень близкому къ смерти пророка, начиная же съ этого времени извѣстно много другихъ копій, исполненныхъ съ религіозною тщательностью, или обы-

кновенными арабскими буквами, или же замѣчательно изящными буквами, извѣстными подъ названіемъ *куфическиѣ*.

Вообще, арабы, съ тѣхъ поръ какъ развилось у нихъ литературное образованіе, отличались любовью къ изящнымъ книгамъ. У нихъ образовалось много искусныхъ каллиграфовъ, имена которыхъ иногда сохраняла исторія и списки которыхъ пользовались заслуженною извѣстностью на всемъ Востокѣ. Калифъ Османъ, третій преемникъ Магомета, занимался собираніемъ въ одно цѣлое разрозненныхъ частей Корана; сверхъ того, онъ счелъ своею обязанностью собственноручно написать нѣсколько копій этого произведенія. Эти экземпляры, числомъ четыре, были разосланы калифомъ по важнѣйшимъ городамъ мусульманской имперіи, гдѣ и сохранялись съ величайшею тщательностью. Одна изъ этихъ драгоценныхъ рукописей хранилась въ Дамаскѣ, другая въ городѣ Марокко. Третья, посланная въ Египетъ, находилась въ числѣ сорока экземпляровъ Корана, заключенныхъ въ ящики изъ жетлага шелка, которые султанъ Кансуръ-Гури приказалъ носить за собой, какъ талисманы, во время кровавой битвы, въ которой Селимъ I (1516 г.) уничтожилъ полчища мамелюковъ. Эти священныя книги были потоптаны ногами и погибли въ суматохѣ и паникѣ, слѣдовавшей за пораженіемъ.

Во всѣ города мусульманскаго владычества имѣли свои библіотеки. Но многія причины способствовали

уничтоженію или разсѣянію этихъ богатствъ: мятежи, войны, пожары и, больше всего, быстрота, съ которою въ этихъ жаркихъ климатахъ книги уничтожаются муравьями-термитами и другими насѣкомыми.

У испанскихъ арабовъ, кажется по преимуществу была развита сильная любовь къ книгамъ. Городъ Кордова отличался въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ другихъ городовъ въ странѣ; онъ долгое время владѣлъ четвертою изъ написанныхъ Османомъ рукописей Корана, о которыхъ мы уже говорили выше. Имамъ читалъ ее тамъ внимательной толпѣ. Во времена своего процвѣтанія, Кордова имѣла бібліотеку въ 400,000 томовъ, и въ VI вѣкѣ гиджры число бібліотекъ, открытыхъ для публики въ различныхъ городахъ Испаніи, простиралось до семидесяти. Какъ не сожалѣть, что такія сокровища почти всѣ погибли во время войнъ, веденныхъ испанскими христіанами до совершеннаго изгнанія племени завоевателей? Нынѣ англичане въ Индіи и французы въ Алжирѣ относятся съ должнымъ уваженіемъ къ религіи, языку и книгамъ своихъ христіанскихъ подданныхъ.

Эти соображенія напоминаютъ намъ о греческихъ и латинскихъ книгахъ въ средніе вѣка.

Языческая литература, хотя очень часто и приносимая въ жертву духовной литературѣ, тѣмъ не менѣе имѣетъ въ нашихъ бібліотекахъ нѣсколько рукописей рѣдкой цѣнности. Напримѣръ, шесть комедій Теренція, въ очень древнихъ рукописяхъ, снабжены небольшими рисунками, которые, будучи

помѣщены во главѣ каждой сцены, представляли взорамъ читателя фигуры, костюмы главныхъ дѣйствующихъ лицъ и опредѣляли мѣсто, занимаемое ими на сценѣ. Одна изъ такихъ рукописей, не отличающаяся, правда, изяществомъ, но относящаяся, можетъ быть, къ VII вѣку, находится въ парижской національной библіотекѣ; есть подобная же рукопись въ библіотекѣ Ватикана. Эти рисунки, очень наивные, почти грубые, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, большую цѣну для любителей. Ученая госпожа Дасье, переводчица Теренція, воспроизвела эти рисунки въ своемъ изданіи этого поэта, но съ посредственной вѣрностью. Она могла бы найти другіе, гораздо лучшіе, въ менѣе древнихъ рукописяхъ Теренція, но тамъ талантъ миниатюриста, мало заботившагося о мѣстномъ колоритѣ, безъ всякихъ обиняковъ одѣлъ дѣйствующихъ лицъ латинскаго поэта французскими дворянами, кастелянами, кастеляншами, пажами прекрасныхъ временъ рыцарства.

Говоря правду, если миниатюра и обнаружила въ средніе вѣка замѣчательныя искусство и плодовитость и если въ ея именно школѣ образовались, въ XIV и XV вѣкахъ, нѣкоторые изъ учителей итальянской и фламандской школъ, то во всякомъ случаѣ не за вѣрность костюма и характера дѣйствующихъ лицъ она является предметомъ удивленія знатоковъ. Въ библейскихъ миниатюрахъ Моисей и царь Давидъ, Соломонъ и пророки одѣты не лучше римлянъ Теренція. Добрыя намѣренія не

вѣдомыхъ, но прелестныхъ и скромныхъ живописцевъ (тогда не было въ обычаѣ подписывать свои работы) заставляли извинять имъ многія оплошности и недостатки. На Востокѣ преданіе превратило нѣкоторымъ образомъ въ абсолютное правило методъ, которому должны были слѣдовать художники-миниатюристы, равно какъ и мозаисты, при изображеніи главныхъ лицъ священной исторіи. Эти правила охраняли такимъ образомъ живопись отъ оступленій въ духѣ нововведенія и сообщали работамъ художниковъ особенную важность.

Воображеніе художниковъ-каллиграфовъ на Западѣ также играло большую роль, когда необходимо было иллюстрировать фигурами трактатъ по зоологіи или ботаникѣ, трактатъ объ охотѣ въ лѣсу или съ соколами. Описывая растенія или животныя, разумѣется не измѣнившія своего внѣшняго вида со временъ глубокой древности до нашихъ дней, можно выказать въ большей или меньшей степени искусство, не впадая въ ошибки насчетъ костюма, о которыхъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя греческія или латинскія рукописи, только-что указанныя нами. Но съ этими замѣчаніями мы вступили на путь, на которомъ легко могли бы заблудиться, а потому вернемся къ скромному каллиграфу, принадлежности котораго были описаны выше, и прослѣдимъ дальше его судьбу въ средніе вѣка.

Въ папирусь и веленѣ нерѣдко ощущался недостатокъ въ торговлѣ съ X вѣка нашей эры. Но

восточныя фабрики начали снабжать насъ другою бумагой, изобрѣтатель которой неизвѣстенъ; бумага эта общеизвѣстна подъ названіемъ *charta bombycina*, такъ какъ хлопокъ (*bombyx*) служилъ главнымъ матеріаломъ при ея приготовленіи. Эта бумага обыкновенно плотнѣе пергамента, отличается глянце-витостью и удобна для писанія самымъ мелкимъ почеркомъ. Въ большихъ библіотекахъ есть сотни томовъ на бумагѣ такого сорта. Поэтому приготовленіе *charta bombycina* оказало неоцѣненные услуги литературѣ и наукамъ, благодаря своему распространенію въ такое время, когда изъ двухъ другихъ бумагъ одна исчезла, а другая стоила очень дорого.

Эта дороговизна письменнаго матеріала благопріятствовала стремленіямъ сдѣлать почеркъ болѣе мелкимъ, сжатымъ. Такъ называемыя *прописныя* буквы мало-по-малу вышли изъ употребленія и попадались только въ роскошныхъ книгахъ. Ихъ замѣнили болѣе мелкія буквы,—двойныя (вязь); эти буквы отличаются также изяществомъ, но тѣмъ болѣе утомляютъ глазъ *палеографа* (разбирателя старинныхъ почерковъ), что онѣ отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ и нерѣдко форма ихъ зависитъ отъ личнаго вкуса переписчика. Съ вязью, представляющею собственно курсивный почеркъ, соединяются сокращенія, превращающія иногда цѣлое слово въ одинъ росчеркъ пера. Все это дало возможность уписывать на одной страницѣ то, что

иначе заняло бы десять; конечно, это было большое сбереженіе бумаги, но вмѣстѣ съ тѣмъ и значительное увеличеніе пытки при чтеніи, на примѣръ, рукописей, предназначенныхъ для торговли, или тетрадей съ замѣтками, писанныхъ учениками. Но разъ это вошло въ привычку (на что требовалось много времени), кажется, ни съ чьей стороны не раздавалось жалобъ.

Другимъ средствомъ для ограниченія расходовъ на бумагу служило употребленіе такъ называвшихся тогда *тироновскихъ знаковъ*, по нынѣшнему *стенографіи*. Но это требуетъ нѣкоторыхъ объясненій.

Греки можетъ быть, а римляне ужъ навѣрное очень рано употребляли знаки сокращенія (*notae*) для записыванія рѣчей во время ихъ произнесенія. Разсказываютъ, что Ксенофонтъ, знаменитый историкъ и ученикъ Сократа, записалъ такимъ образомъ бесѣды своего учителя о нравственности и политикѣ, которыя онъ изложилъ затѣмъ въ сочиненіяхъ, дошедшихъ до насъ. Вотъ другой еще болѣе замѣчательной примѣръ: сапожникъ Симонъ, у котораго Сократъ любилъ иногда непринужденно побесѣдовать съ своими учениками, также придумалъ знаки, съ помощію которыхъ онъ сочинялъ, по весьма распространенной тогда модѣ, *сократовскіе діалоги*. Полагаютъ, что нѣкоторыя изъ этихъ вещей находятся въ діалогахъ, приписываемыхъ Платону. У римлянъ честь изобрѣтенія первой системы знаковъ для такого употребленія принадлежала отпущен-

нику и другу Цицерона, Туллію Тирону; такимъ образомъ эти знаки сохранили имя своего изобрѣтателя. Самъ Цицеронъ пользовался иногда этими знаками въ перепискѣ со своими друзьями. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ судахъ и въ сенатѣ секретари имѣли для своихъ услугъ стенографовъ, которые назывались *notarii*. Очень низкая должность этихъ *notarii* мало-по-малу приобрѣла большое значеніе. Изъ простыхъ записывателей они превратились въ секретарей, въ собственномъ смыслѣ этого слова, затѣмъ въ хранителей подлинныхъ дѣлъ, и вотъ такимъ образомъ ихъ названіе перешло къ намъ для обозначенія очень почтеннаго класса общественныхъ дѣятелей, *notarijсовъ*. Съ IV вѣка послѣ Р. Х. стенографы, подъ только-что объясненнымъ латинскимъ названіемъ, или подъ греческимъ названіемъ *тахиграфовъ* (скорописцы), занимали видное мѣсто въ канцеляріяхъ Рима и Константинополя. Поэтъ Авзонъ въ прелестныхъ стихахъ воспѣлъ эту быстроту письма, лившагося столь-же быстро, какъ и самое слово. Поэтому неудивительно, что до насъ дошло нѣсколько образцовъ этого письма, нѣсколько судебныхъ процессовъ, каковы, напримѣръ, тѣ, на которые нерѣдко ссылаются *Дѣяніе мучениковъ*. Но мы не можемъ не удивляться тому, что встрѣчаются записанными *тироновскими знаками* и чисто литературныя произведенія, въ родѣ рѣчей Василия Великаго, нѣкоторые списки которыхъ, греческими буквами, дошли до насъ. Неужели ради того, чтобы на-

бить себѣ руку, греческіе переписчики дѣлались безъ всякой пользы стенографами? Подобныя книги, можетъ быть, попадали въ руки учениковъ тахиграфовъ, которые такимъ образомъ въ короткое время узнавали значеніе *знаковъ*, сравнивая *тироновскій* текстъ съ тѣмъ же самымъ произведеніемъ, писаннымъ по-латыни или по-гречески.

Легче угадать и понять, что стенографія иногда оказывала плохія услуги ораторамъ и даже профессорамъ. Квинтиліанъ, искусный риторъ, жалуется, что часть его уроковъ, записанныхъ такимъ образомъ, попала въ руки публики, благодаря нескромности учениковъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ исправить ихъ. Говорятъ, подобное же непріятное обстоятельство случилось съ однимъ христіанскимъ ораторомъ. Иногда, впрочемъ, случалось также, что рукопись исторіи, до окончательнаго исправленія ея авторомъ собственноручно, попадала къ переписчикамъ и, благодаря нескромности ихъ, распространялась среди публики. Діодоръ Сицилійскій, написавшій, во времена Цезаря и Августа, подъ названіемъ *Исторической библіотеки*, краткую всеобщую исторію, объявилъ въ концѣ сороковой и послѣдней книги, что нѣсколько частей его труда были украдены у него, что онъ пущены въ обращеніе въ невѣрныхъ спискахъ и что онъ не желаетъ принимать на себя отвѣтственность за распространеніе такихъ списковъ. Солинъ, сократившій Плинія Старшаго, о которомъ уже было говорено выше, жалуется, въ предисловіи

къ своему сочиненію *Polyhistor*, на то, что его небольшая книга пущена въ обращеніе подъ названіемъ *Collectanea* въ очень искаженномъ списокѣ; чтобы поправить зло, онъ долженъ былъ приступить къ строгому пересмотру и новому изданію этого труда.

ГЛАВА IX.

КНИГИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

(Окончаніе)

Извиненіе автора предъ своими читателями за методъ, усвоенный имъ въ этой исторіи.—Произведеніе Плутарха о *Способъ слушать*. Каллиграфы, иллюминаторы, миниатюристы, переплетчики и пергаментщики въ Парижѣ, въ началѣ XV столѣтія.—Образованіе библіотекъ.—Роскошныя книги для любителей и дешевыя книги для студентовъ какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка. —

Новый толчекъ, данный изобрѣтеніемъ тряпичной бумаги.

Старый профессоръ, бесѣдующій съ вами изъ глубины своего кабинета о предметѣ довольно серіозномъ, по опыту знаетъ, съ какимъ уваженіемъ должно относиться къ вниманію самаго благосклоннаго слушателя или читателя. Есть много способовъ быть внимательнымъ въ аудиторіи. Приковываются глазами и ушами; иногда слушаютъ съ большимъ равнодушіемъ; бываетъ, слушаютъ и просто изъ приличія и ради того, чтобы не оказаться невѣжливымъ относительно того, чьи лекціи слушаютъ. Почтенный Плутархъ, одинъ изъ древнихъ авторовъ, наиболѣе

извѣстныхъ молодежи, написать нѣсколько прелестныхъ страницъ о *Способѣ слушать*, гдѣ онъ описываетъ всѣ положенія, которыя можетъ принимать ученикъ предъ кресломъ учителя и гдѣ онъ даетъ превосходные совѣты слушателямъ публичной лекціи. То, что онъ говоритъ относительно лекцій, которыя слушаютъ, не менѣе справедливо и для лекцій, которыя читаютъ. Если вниманіе аудиторіи утомляется, то въ этомъ виноватъ, несомнѣнно, ораторъ столько же, какъ и почтенные слушатели, пришедшіе къ нему поучиться; и въ нихъ онъ долженъ поддерживать усердіе, стараясь держаться на высотѣ ихъ пониманія. Успѣли-ли мы въ этомъ предъ вами, дорогой читатель? Этого мы желаемъ больше, чѣмъ, можетъ быть, надѣмся.

Всякая исторія имѣетъ свои терніи. Даже въ самыхъ прелестныхъ странахъ большая дорога или желѣзная дорога, если только существуютъ такія сколько-нибудь значительной длины, не всегда идетъ среди зеленѣющихъ луговъ или прелестныхъ лѣсовъ; попадаютъ болотистыя пространства и однообразныя равнины, и приходится выносить нагоняемую ими тоску. Мы, можетъ быть уже миновали, нѣсколько такихъ равнинъ и болотистыхъ пространствъ. Но, слава Богу, мы добираемся до мѣстностей, гдѣ нѣтъ недостатка ни въ живописныхъ мѣстоположеніяхъ, ни въ пріятныхъ сюрпризахъ на поворотахъ дороги.

Занявшись средними вѣками, которые нерѣдко называютъ вѣками варварства и мрака, мы встрѣ-

тили уже и тамъ больше свѣта, чѣмъ надѣялись. Въдь если наука тогда и сузилась, за-то литература и особенно поэзія не дремала. Когда работаетъ чловѣческій умъ, перо также живо слѣдуетъ за нимъ въ его дѣятельности. Всѣ теологи того времени, всѣ ораторы, всѣ поэты пользовались услугами цѣлыхъ легіоновъ переписчиковъ и другихъ работниковъ, различнымъ образомъ способствовавшихъ производству книгъ. Въ XIV вѣкѣ, въ началѣ XV Франція была одною изъ странъ, въ которыхъ наиболѣе процвѣтало производство хорошихъ и красивыхъ книгъ. Каллиграфы, иллюминаторы, миниатюристы, переплетчики, переплетчицы, пергаментщики и т. д. составляли въ Парижѣ промышленныя корпораціи пользовавшіяся извѣстностью во всей Европѣ. Роскошь хорошо написанныхъ, изящно украшенныхъ и переплетенныхъ книгъ была въ модѣ у студентовъ парижскаго университета. Важные господа, принцы и нѣкоторые изъ французскихъ королей начинали уже составлять себѣ библіотеки. Существуютъ каталоги двухъ или трехъ такихъ библіотекъ. Библіотека короля Карла V состояла приблизительно изъ тысячи двухсотъ томовъ, цифра значительная для того времени. Нѣкоторые изъ этихъ томовъ существуютъ еще и теперь и принадлежать въ самымъ драгоценнымъ сокровищамъ французской національной библіотеки, особенно если они сохранили свой старый переплетъ съ подписью короля, которому они принадлежали. Многіе другіе, необладающіе этимъ

особеннымъ достоинствомъ, отличаются красотою велена, красотою почерка и многочисленными рисунками, которыми они украшены. Къ счастью, французскія хранилища рукописей имѣютъ большое число этихъ образцовыхъ произведеній искусства, которое было по преимуществу французскимъ и дѣлаетъ величайшую честь Франціи.

Рядомъ съ красивыми книгами не слѣдуетъ забывать книгъ болѣе скромныхъ, но болѣе доступныхъ, по своей невысокой цѣнѣ, массѣ студентовъ и любителей. Уже въ древности существовали книги дорогія и книги дешевыя; въ руки школьникамъ не давали роскошныхъ рукописей; существовали даже изданія нѣкоторыхъ авторовъ, столь дорогія, что любители, не имѣвшіе средствъ для ихъ покупки, пользовались только ими у книгопродавца за известную плату; поэтому въ такихъ случаяхъ лавка книгопродавца очень походила на нынѣшній кабинетъ для чтенія. Найденные въ Египтѣ папирусные свертки могутъ намъ дать понятіе объ этомъ. Въ числѣ свертковъ, содержащихъ рѣчи греческаго оратора Гиперида, есть три очень красиво написанные, въ которыхъ столбцы отдѣляются большими полями. Папирусъ превосходнаго качества; ничего не было упущено для того, чтобы сдѣлать чтеніе легкимъ; четвертый сверткъ, содержащій надгробную рѣчь, произнесенную тѣмъ же ораторомъ въ 323 году до Р. Х., имѣетъ совсѣмъ иной видъ: грубый папирусъ, небрежный почеркъ, множество описокъ, стра-

ницы отдѣлены только черною чернильною чертою: пожалуй, можно бы даже подумать, что это работа какого-нибудь мемфисскаго или александрійскаго школьника, которому, въ наказаніе за какую-нибудь вину, задали задачу переписать двѣсти или триста строкъ греческаго текста. Подобные же образцы находятся въ числѣ рукописей на различныхъ языкахъ, оставшихся намъ отъ среднихъ вѣковъ; и ничего не можетъ быть естественнѣе этого. Въ особенности въ то время, до котораго мы дошли въ своей исторіи, торговыя отношенія, нерѣдко разстраиваемыя войною, должны были затруднять дѣла книгопродавцевъ и ихъ сотрудниковъ.

Къ счастью, открытіе, о которомъ еще не было говорено, способствовало пониженію стоимости книгъ: можетъ быть уже съ XIII и навѣрное въ XIV столѣтіи; открытіе это—холщевая или тряпичная бумага; при этомъ мы разумѣемъ холстъ или тряпки превращенными въ тѣстообразную массу; этого рода бумагу надо тщательно различать отъ холста, употреблявшагося для письма въ видѣ ткани (*libri lintei*), о чемъ было уже говорено выше.

✓ Съ точностію неизвѣстно ни время, ни мѣсто изобрѣтенія бумаги изъ тряпичной массы, ни какому искусному человѣку слѣдуетъ приписать это изобрѣтеніе. Но оно несомнѣнно способствовало распространенію книгъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, а впоследствии оно сдѣлало возможнымъ замѣну труда переписчиковъ печатнымъ станкомъ, т. е. сдѣлало

возможнымъ искусство книгопечатанія, о которомъ мы и будемъ говорить теперь.

Думали-ли вы когда-нибудь, сколько изобрѣтательности, замысловатости предполагаетъ это искусство? У васъ, можетъ быть, бывалъ въ рукахъ игрушечный типографскій приборъ, въ которомъ типографія приведена къ самымъ простѣйшимъ элементамъ ея и освобождена отъ всѣхъ усложненій, накопившихся въ четыре вѣка. Даже во всей его простотѣ сравните этотъ печатный станокъ, представляющій не болѣе, какъ игрушку, съ древней каллиграфіей, съ орудіями и матеріалами, которыми она располагала, и вы увидите, какъ великъ геній Гутенберга и какое громадное разстояніе онъ долженъ былъ перешагнуть между старыми приѣмами и новымъ приѣмомъ, изобрѣтателемъ котораго былъ онъ.

Чтобы напечатать страницу книги, подобно тѣмъ, которыми мы располагаемъ нынѣ, нужны: 1) буквы, вырѣзанныя или вычеканенныя на твердомъ металлѣ; 2) чернила, которыя могли бы приставать къ буквамъ и черезъ ихъ посредство отпечатываться на какомъ-либо веществѣ, могущемъ воспринимать чернила; 3) это послѣднее вещество; 4) приборъ для того, чтобы наложить чернила на всѣ буквы; 5) другой приборъ, чтобы прижать ихъ къ поверхности, на которой печатаютъ. Изъ этихъ пяти элементовъ древняя промышленность знала только первый; идея второго не была для нея чужда, но она не думала соединить съ ними три другихъ.

Дѣло вполне заслуживаетъ того, чтобы мы объяснили его подробно.

Нѣтъ почти музея, въ которомъ вы не видѣли бы бронзовыхъ печатей, съ помощію которыхъ отпечатывали или на мягкой глинѣ, или даже на металлѣ, болѣе мягкомъ, чѣмъ бронза, собственныя имена, иногда то, что нынѣ называется фабричными марками. Въ кабинетѣ медалей парижской національной бібліотеки находится кусокъ серебристаго свинца, добытаго римлянами изъ рудниковъ въ Испаніи, за сто лѣтъ до христіанской эры; на этомъ кускѣ отпечатаны крупными буквами имена двухъ предпринимателей разработки рудниковъ. Нѣкоторые отпечатки на древнихъ вазахъ заставляютъ даже подозрѣвать, что печать представляла собою не одинъ предметъ, а состояла изъ отдѣльныхъ буквъ, такъ что получался инструментъ, похожій на называемый нынѣ компостеромъ. Нѣсколько примѣровъ этого рода мы видимъ на ручкахъ большихъ вазъ изъ терракотты, происходящихъ изъ древней Греціи. Вы, конечно, не забыли еще, какъ читали выше, что нѣкоторые вавилонскіе кирпичи, относящіеся къ десятому вѣку до нашей эры, имѣютъ клинообразные тексты, отпечатанные на мягкой въ то время землѣ съ помощію деревянной дощечки, на которой они были вырѣзаны рельефно. Въ луврскомъ музеѣ есть нѣсколько такихъ кирпичей.

Наконецъ, самая чеканка монетъ знакомила народы древняго міра съ обычаемъ переносить посредствомъ

давленія фигуры и буквы азбуки съ болѣе твердаго вещества на вещество болѣе мягкое.

Что касается краски, то вотъ удивительный анекдотъ, относящійся къ четвертому вѣку до Р. Х. Одинъ греческій полководецъ, собираясь дать сраженіе, захотѣлъ внушить увѣренность своимъ войскамъ предсказаніемъ вѣрной побѣды по внутренностямъ жертвъ. Онъ написалъ на ладони одной изъ своихъ рукъ слово Nika (побѣда) и написалъ его наоборотъ; затѣмъ, оперевшись этою рукою на печень жертвы, онъ беретъ ее въ другую руку и показываетъ своимъ солдатамъ слово Nika, отпечатанное и читаемое слѣва направо. Для насъ все равно, удалась-ли эта уловка; но она указываетъ намъ, конечно, на первую идею *печатанія на тканяхъ*, сдѣлавшагося одною изъ главныхъ новѣйшихъ промышленностей.

Идея рельефныхъ буквъ и идея красящаго вещества навели на мысль объ окрашиваніи другого вещества. Папирусъ, тонкій и хрупкій, что мы видимъ по многочисленнымъ дошедшимъ до насъ его образцамъ, былъ негоденъ для этого; онъ оказывалъ бы слишкомъ малое сопротивленіе рукъ или инструменту, которыми стали бы нажимать буквы на страницу. Пергаментъ обладалъ противоположнымъ недостаткомъ. Не было чернилъ для этого. Черныя чернила, составъ которыхъ на самыхъ древнихъ извѣстныхъ рукописяхъ опредѣленъ химическимъ анализомъ, представляютъ собою простую смѣсь сажи съ новыдмъ растворомъ камеди; они плохо приставали

къ буквамъ, посредствомъ которыхъ должны были переводить ихъ на бумагу.

Теперь вы видите, что оставалось сдѣлать генію Гутенберга и его товарищамъ, чтобы устроить хотя бы маленькій станокъ, которымъ нынѣшній школьникъ, забавляясь, отпечатываетъ нѣсколько строкъ.

Даже для изобрѣтательнаго ума остававшееся сдѣлать не могло быть дѣломъ одного дня: потребовалось много времени, много дорогихъ опытовъ и движеній оцупью.

Хотя приборъ съ металлическими подвижными буквами, можетъ быть, и очень древняго происхожденія, но не онъ первый пришелъ на мысль. Начали съ того, что стали вырѣзать страницу письма на поверхности деревянной дощечки или таблички, такъ что буквы выходили выпуклыми и въ обратномъ видѣ, и, слѣдовательно, всю страницу на доскѣ надо было читать справа налѣво. На эти буквы каткомъ наводили черныя чернила, приготовленныя особымъ способомъ, какъ это дѣлаютъ еще и нынѣ при гравированіи на деревѣ; на доску накладывали листъ бумаги достаточно плотной и достаточно тонкой, чтобы не разрываться подъ усиленіемъ извѣстнаго давленія. Давленіе производилось сначала посредствомъ ручного прессы, а впослѣдствіи винтоваго *прессы*, машины довольно простой. Такой способъ, повидимому, практиковался во Фландріи за нѣсколько лѣтъ до того, какъ Гутенбергъ устроилъ въ Майнцѣ заведеніе, изъ котораго вышла типографія въ собственномъ смыслѣ

этого слова. Искусство Гутенберга скоро превратило вырѣзанныя страницы въ подвижныя буквы, которыя сначала дѣлались изъ дерева, а потомъ изъ металла. Затѣмъ, такъ какъ было очень долго готовить буквы по одной штукѣ, вырѣзывали ихъ на очень твердомъ металлѣ; съ помощію этихъ буквъ получали, какъ при чеканкѣ монеты, на металлѣ болѣе мягкомъ, во вдавленномъ видѣ, цѣлую форму каждой изъ буквъ азбуки; оставалось только наливать въ эти ямочки, называемыя матрицей, жидкій металлъ для того, чтобы получить по своему желанію тысячи буквъ, которыя и раскладываются по отдѣленіямъ *кассъ*. Оттуда *наборщику* остается только брать ихъ и класть въ *верстатку*, а затѣмъ распредѣлять строки въ равномъ числѣ для полученія страницъ. Эти сверстанныя страницы, вставленныя въ рамы и заключенныя въ нихъ, составляли двѣ формы: одну для лицевой страницы, а другую для оборотной страницы; затѣмъ ихъ ставили подъ прессъ, такъ чтобы получить оттискъ послѣдовательно на обѣихъ сторонахъ бумаги; затѣмъ листъ складывали вдвое, вчетверо, въ восемь разъ, и такимъ образомъ получали тетради *in-folio*, *in-quarto*, *in-octavo*. Вотъ какимъ образомъ создана была типографія.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ

КНИГА ПОСЛѢ ИЗОБРѢТЕНІЯ КНИГОПЕЧАТАНІЯ

ГЛАВА I

ПЕРВОЕ ВРЕМЯ КНИГОПЕЧАТАНІЯ

Переворотъ, произведенный въ жизни цивилизованныхъ народовъ буссолью, порохомъ и книгопечатаніемъ.—Фабрикація бумаги въ Китаѣ.—Почему книгопечатаніе въ этой странѣ не пошло дальше табличнаго способа.—Изобрѣтеніе Гутенберга находится сначала въ подчиненіи каллиграфіи. — Новыя типографскія литеры. — Успѣхи въ приготовленіи печатныхъ книгъ.—Обнародованіе древнихъ рукописей.

Типографія появилась, какъ мы уже сказали въ предыдущей главѣ. Это случилось между 1440 и 1450 годами нашей эры.

Два другихъ нѣсколько предшествовавшихъ этому изобрѣтенію должны были произвести переворотъ въ жизни цивилизованныхъ народовъ. Буссоль, управлявшая на морѣ движеніями мореходовъ, сдѣлала возможными морскія путешествія на большое разстояніе отъ береговъ, чрезъ океанъ; она подготовила открытія, подобныя открытію Америки Христофоромъ

Колумбомъ, а со стороны Востока она открыла мореплавателямъ путь въ Индію и Китай. Порохъ, въ первый разъ, будто бы, появившійся въ Европѣ въ битвѣ при Креси, долженъ былъ измѣнить строй армій, способы обороны и нападенія на укрѣпленныя мѣста.

Но замѣчательно, что относительно этихъ трехъ изобрѣтеній Европу опередилъ одинъ изъ народовъ крайняго Востока. Уже за много вѣковъ до этого, китайцы знали и пользовались, при направленіи путешественниковъ, свойствомъ магнитной стрѣлки направляться на сѣверъ; они имѣли взрывчатый порохъ, похожій на нашъ; за нѣсколько до этого вѣковъ они знали и пользовались *книгопечат-
нымъ*.

Не будемъ слишкомъ гордиться нашими талантами и нашимъ знаніемъ. Во многихъ вещахъ китайцы опередили насъ, а въ нѣкоторыхъ они и теперь еще превосходятъ насъ. Ихъ литература, изумительно плодovitая, очень рано нашла орудія, которыми и пользовалась для увеличенія количества книгъ. Въ Китаѣ приготавливали бумагу различнаго размѣра и толщины изъ бамбуковаго стебля, изъ рисовой соломы и изъ нѣкоторыхъ другихъ растительныхъ веществъ. Китайцы также очень рано уже пользовались старой негодной бумагой для приготавливанія бумаги худшаго качества, какъ это дѣлается и у насъ. На листахъ писчей бумаги кисточка переписчика выводила буквы рѣдкаго изя-

щества: каллиграфія въ Небесной имперіи не представляла собою только ремесла нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ ремесленниковъ или артистовъ; это искусство входило въ составъ воспитанія на всѣхъ его ступеняхъ и во всѣхъ классахъ общества. Всякій грамотный человѣкъ, а ужъ тѣмъ болѣе писатель, представляетъ собою въ то же время и каллиграфа. Открытое, съ точностью неизвѣстно кѣмъ и когда, но навѣрное въ первые вѣка нашей эры, книгопечатаніе, несмотря на особенную любовь китайцевъ къ искусству каллиграфіи, нашло себѣ хорошій приѣмъ у всѣхъ людей; покупавшихъ или читавшихъ книги, въ громадной имперіи, населеніе которой достигло уже 300,000,000 душъ. Но только книгопечатаніе все еще остается тамъ вѣрнымъ табличному способу, и вотъ почему. Китайская письменность не имѣетъ азбуки, какъ наша; для образованія слова у китайцевъ элементарные знаки или *ключи* чаще всего соединяются другъ съ другомъ и сплетаются, а не становятся рядомъ одинъ за другимъ, какъ у насъ ставятся одна за другою буквы азбуки. Слѣдовательно, для воспроизведенія страницы на китайскомъ языкѣ, гораздо удобнѣе и легче вырѣзать ее на деревѣ, чѣмъ употреблять подвижныя буквы. Эту граверную работу китайскій рабочий выполняетъ съ изумительною ловкостью, вѣрностью руки и быстротою. Поэтому, хотя китайцы и знали въ XI вѣкѣ употребленіе подвижныхъ буквъ, но всегда предпочитали табличный способъ, вполнѣ

удовлетворявшій потребностямъ изумительно дѣятельной производительности. Чтобы дать вамъ объ этомъ понятіе, достаточно сказать, что въ главныхъ городахъ этой страны уже болѣе десяти вѣковъ печатаются многочисленныя сочиненія всякаго рода, что въ Пекинѣ издается *Имперская Газета* *) и что иная китайская энциклопедія, составленная только изъ извлеченія изъ различныхъ авторовъ, содержитъ въ себѣ до тысячи томовъ.

Въ Европѣ, даже послѣ перехода отъ табличнаго способа къ употребленію подвижныхъ буквъ, искусство типографщика долго оставалось близкимъ къ искусству переписчика. Чего же онъ добивался вначалѣ? Подражать письменности рукописей, изображать ее съ достаточною вѣрностью, однимъ словомъ *поддѣлывать* ее на столько хорошо, чтобы читатель могъ ошибиться. Поэтому первыя печатныя произведенія были поддѣлками, и хотя секретъ книгопечатанія сдѣлался общеизвѣстнымъ, хотя общее изумленіе привѣтствовало Гутенберга и его учениковъ, но искусство переписчиковъ не сложило своего оружія передъ этой искусной конкуренціей; оно продолжало производить прекрасныя рукописи, находившія покупателей. Впрочемъ, самъ типографщикъ, для окончанія своей работы, нуждался еще въ рукѣ каллиграфа: онъ не могъ сначала воспро-

*) Въ родѣ нашего «Правительственнаго Вѣстника» и другихъ правительственныхъ изданій.

изводить, съ помощію буквъ и печатнаго станка, заглавныхъ буквъ красными или синими чернилами какія обыкновенно ставили въ началѣ книгъ и главъ. Еще меньше онъ могъ сдѣлать арабески, раскрашенныя рамки, какъ на копіяхъ, писанныхъ перомъ. Для всего этого онъ нуждался въ каллиграфѣ. Благодаря этому союзу двухъ искусствъ, печатныя произведенія, до конца XV столѣтія, имѣли внѣшній видъ очень похожій на внѣшній видъ рукописей; печатаемыя въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ и очень медленно получая свой окончательный видъ, они не скоро могли понизиться въ стоимости до умѣренныхъ цѣнъ.

Мало-по-малу, однакоже типографія освободилась отъ рабства, препятствовавшаго быстротѣ ея работы. Она перестала рабски копировать фигуру буквъ, употребляемыхъ переписчиками. Печатныя буквы получили форму отличную отъ той, какую они имѣли на письмѣ, и глаза, читавшіе бѣгло печатное, какъ мы это видимъ нынѣ, должны были пріучаться читать почеркъ рукописей. Въ то же время типографщики перестали ставить свою подпись и время печатанія на послѣдней страницѣ каждаго тома внизу; они стали ставить ихъ на первой страницѣ въ видѣ особаго заголовка. Въ скоромъ времени за этимъ заголовкомъ начали ставить еще предисловіе, въ которомъ излагали происхождение печатаемой книги, хлопоты, съ которыми было сопряжено составленіе и печатаніе ея. Болѣе и болѣе

занятый матеріальнымъ выполненіемъ, совершенствовавшимся съ каждымъ днемъ, типографщикъ долженъ былъ приглашать къ себѣ на помощь ученаго по профессіи, грамматика, который былъ *издателемъ*, обязаннымъ выбирать наиболѣе точныя рукописи, раздавать ихъ наборщикамъ, поправлять *корректуру*, т. е. пробные оттиски, на которыхъ было можно, при внимательномъ просмотрѣ, отмѣчать ошибки, сдѣланныя наборщикомъ при наборѣ и разстановкѣ буквъ, — ошибки, которыя типографщикъ, въ свою очередь, обязанъ былъ исправить до окончательнаго печатанія. Филологъ - издатель также получилъ свою долю выгодъ и почестей въ занятіи новымъ искусствомъ.

Каковы были эти первые шаги и успѣхи, вы это увидите и будете удивляться, что они были такъ быстры. И дѣйствительно, они были такъ быстры, что во время Медичисовъ въ Италіи и Франциска I-го во Франціи книгопечатаніе достигло такого совершенства, котораго во многихъ отношеніяхъ не превзошло и въ наше время.

Многознаменательное событіе, возрожденіе древнихъ наукъ, сильно способствовало этому благодѣтельному перевороту.

Уже съ давняго времени на Западѣ обнаруживалась большая любознательность относительно образцовыхъ произведеній греческой и латинской древности. Взятіе турками Константинополя, въ 1453 году, сообщило новый толчекъ этой дѣятельности умовъ.

При видѣ въ рукахъ невѣрныхъ богатѣйшаго изъ греческихъ городовъ, заключавшаго въ себѣ величайшія литературныя сокровища, обнаружилась сильная страсть собирать книги, которымъ угрожала опасность отъ мусульманскаго варварства. Греки, бѣжавшіе въ Италію и Францію, возбудили всеобщее состраданіе къ своимъ соотечественникамъ, удвоили любовь къ изученію ихъ родного языка. Они привезли съ собою много рукописей; нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ Іоаннъ Ласкарисъ, были отправлены на Востокъ за другими рукописями. Владѣтельные особы спорили въ соревнованіи съ лицами, дававшими мѣсто въ своей библіотекѣ этимъ литературнымъ сокровищамъ. Типографія поспѣшила воспроизвести труды греческихъ классиковъ, избѣгнувшіе столькихъ бѣдствій. Даже латинскіе классики, менѣе забытые и чаще воспроизводимые западными переписчиками, не безнаказанно пережили многіе вѣка и подверглись большой опасности совсѣмъ погибнуть. Пора уже было книгопечатанію спасти обломки отъ всѣхъ этихъ крушеній. Иной древній писатель сохранился не болѣе какъ въ одной рукописи, да иной разъ и эта рукопись не переживала изданія, воспроизводившаго ея текстъ; это именно и случилось съ Веллеемъ Патеркуломъ, изящно сократившимъ римскую исторію. Поэтому первые типографщики, равно какъ папы, владѣтельные особы, частныя лица, поощрявшія ихъ труды, имѣютъ полное право на нашу вѣч-

ную признательность за услуги, оказанныя ими чело-
вѣческому знанію.

Въ то же время умножались какъ латинскіе переводы произведеній, писанныхъ на греческомъ или на восточныхъ языкахъ, такъ и переводы на новѣйшіе языки многихъ оригинальныхъ сочиненій, Искусство комментирования, дополняя искусство переводчика, выставило въ болѣе яркомъ свѣтѣ иныя произведенія ученыхъ и философовъ древности, которыя уже давно читались безъ правильнаго пониманія ихъ. Въ этой многочисленной семьѣ типографщиковъ и ученыхъ періода возрожденія были люди съ большимъ талантомъ, героическіе характеры по своей преданности наукѣ. Не много ученыхъ пользуются съ болѣшимъ правомъ славою, чѣмъ Альдъ Мануцій въ Италіи, чѣмъ Робертъ и Генрихъ Этьеннъ во Франціи. Самые скромные труженики въ этомъ обновленіи знаній трогаютъ насъ своимъ простодушнымъ рвеніемъ и своимъ безкорыстіемъ. Напримѣръ, нельзя читать нынѣ безъ душевнаго волненія, въ первомъ изданномъ во Франціи учебникѣ греческаго языка разсказа о всѣхъ тѣхъ трудахъ и расходахъ, которыхъ онъ стоилъ издателю, а также горячія мольбы, съ которыми онъ обращается къ студентамъ, чтобы пробудить въ нихъ прилежаніе и получить отъ нихъ средства на продолженіе своего труда. Иные дѣятели этой славной исторіи нашли себѣ достойныхъ біографовъ; извѣстный французскій типографщикъ

Фирмень-Дидо съ большимъ знаніемъ дѣла описалъ жизнь Альда Мануція; еще недавно одинъ молодой историкъ Вастъ написалъ на латинскомъ языкѣ исторію Іоанна Ласкариса, бывшаго поставщика библіотеки Медичисовъ и библіотеки французскаго короля Франциска I; онъ написалъ также съ любопытными подробностями исторію грека Виссаріона, его усилія въ пользу соединенія обѣихъ, восточной и западной, церквей и его другіе труды, благодаря которымъ Виссаріонъ, сдѣлавшись кардиналомъ римской церкви, былъ самымъ дѣятельнымъ сподвижникомъ возрожденія греческой литературы въ Италіи. Онъ далъ намъ возможность оцѣнить необыкновенныя богатства библіотеки, составленной этимъ ученымъ мужемъ. Но остается еще нарисовать общую картину столь памятнаго движенія. Извѣстный авторъ *Путешествія Анахарзиса*, аббатъ Бартелеми, поставилъ задачею описать блестящій періодъ, во время котораго, подъ вліяніемъ просвященныхъ государей, книгопечатаніе получило толчекъ и распространило въ цѣлыхъ тысячахъ экзemplаровъ столь еще рѣдкіе тексты древнихъ классическихъ авторовъ. Пожелаемъ же, чтобы нашелся другой подобный Бартелеми, который предпринялъ бы трудъ во всей его совокупности и полнотѣ,—трудъ, интересъ и серьезное значеніе котораго мы могли здѣсь опредѣлить лишь въ очень немногихъ словахъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія или по крайней мѣрѣ

весьма поучительныя статистическiй данныя относительно все увеличивающейся дѣятельности типографiй въ первые вѣка ея существованiя можно найти въ книгѣ *Recherches sur les bibliothèques anciennes et modernes*, сочиненiи, изданномъ въ 1819 г. Пэти-Раделемъ.

ГЛАВА II.

УСПѢХИ и РАЗЛИЧНЫЯ СУДЬБЫ КНИГОПЕЧАТАНІЯ.

Общій обзоръ.—Чудесное примѣшивается къ исторіи всякаго великаго изобрѣтенія.—Мнимо-божественное происхожденіе *Руны* у скандинавскихъ народовъ.—Книги, приписанныя египтянами богу Тоту.—Преданія о сверхъ-естественномъ происхожденіи санскритскаго языка.—Книгопечатаніе вначалѣ считается дѣломъ колдовства.—Гравюра на деревѣ.—Газеты.—Покровительство высокихъ особъ не всегда обезпечиваетъ свободу авторовъ.

Великія изобрѣтенія признательностью народовъ охотно приписываются какой либо сверхестественной причинѣ. Греки приписываютъ богу Аполлону, Мнемозинѣ, богинѣ памяти, и Музамъ, ея дочерямъ, изобрѣтеніе музыки, стихотворнаго искусства и исторіи.

На другомъ концѣ Европы, самая древняя, употребляемая у скандинавовъ письменность, *руническая*, приписывается ими богу Одину, котораго они считали также и отцомъ ихъ племени. Хотя и встрѣчаются сотни надписей руническими буквами на скалахъ Норвегіи, Швеціи, Даніи, и даже въ различныхъ странахъ, куда норманскіе пираты дѣлали свои

набѣги, но значеніе этихъ буквъ очень рано утрачено, и суевѣріе не разъ приписывало имъ волшебный смыслъ.

Египтяне приписывали изобрѣтеніе письма своему богу Тоту или Теуту,—Гермесу грековъ и Меркурію римлянъ. Они предполагали, что это таинственное лицо сочинило цѣлую кучу наукъ, одни говорятъ въ 36,525 книгъ, а другіе—въ 20,000 книгъ. Одинъ древній писатель утверждаетъ, что онъ знаетъ 1,200 произведеній, касающихся одной только исторіи боговъ. Отъ этой, по правдѣ сказать, баснословной энциклопедіи въ III вѣкѣ нашей эры оставалось только сорокъ двѣ книги, сохранявшіяся съ религіознымъ уваженіемъ въ египетскихъ храмахъ. Точно также, въ своемъ поклоненіи прекрасному языку браминовъ, старшему брату бѣльшей части нашихъ европейскихъ языковъ, индійцы рассказывали, что правила этого языка были нѣкогда изложены богомъ Брамой въ миллионѣ *словъ* или двустипій, слѣдовательно въ двухъ миллионахъ стиховъ; что другой богъ, Индра, сократилъ ихъ въ 100,000 *словъ* или 200,000 стиховъ. Лицо менѣе баснословное, грамматикъ Панини, сократилъ это первое сокращенное руководство до 8,000 *словъ* или 16,000 стиховъ. Третье сокращеніе привело это удивительное ученіе къ болѣе скромнымъ размѣрамъ, въ какомъ видѣ оно и сохранилось до насъ. Эти цифры и эти преданія даютъ вамъ понятіе о преклоненіи прежнихъ людей предъ благодѣтелями человѣчества.

Когда было изобрѣтено книгопечатаніе, свѣтъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы у насъ могло оставаться мѣсто для подобныхъ басенъ. Говорятъ, что суевѣрный умъ нынѣшнихъ французовъ встрѣтилъ сначала съ недовѣріемъ первыхъ учениковъ Гутенберга, перенесшихъ во Францію свое ремесло въ 1470 году; книгопечатаніе казалось дѣломъ колдовства, и на этомъ основаніи чуть было не было осуждено формальнымъ приговоромъ парижскаго парламента; лишь только благодаря свѣтлому уму короля Людовика XI оно получило законное право на существованіе и пользовалось его покровительствомъ; король Людовикъ XII идетъ еще дальше: въ своемъ указѣ отъ 9 августа 1513 года онъ, далеко не считая типографщиковъ служителями сатаны, называетъ «искусство и науку тисненія изобрѣтеніемъ болѣе божескимъ, чѣмъ человѣческимъ». Король Людовикъ XII не одинъ говорилъ въ то время подобнымъ языкомъ; вообще, не обоготворяя изобрѣтателя, какъ это дѣлалось въ языческой древности, прославляютъ на всѣ лады, въ стихахъ и въ прозѣ, чудо, сотворенное его гениемъ. Это было лишь должною данью справедливости; вы это сейчасъ увидите изъ послѣдующихъ успѣховъ, о которыхъ мы и будемъ теперь бесѣдовать.

Съ книгопечатаніемъ идетъ объ руку гравюра. Собственно говоря, послѣдняя опередила книгопечатаніе на нѣсколько лѣтъ, такъ какъ тѣ деревянные доски, на которыхъ вырѣзывали цѣлую страницу

буквъ и фигуръ, чернили чернилами и затѣмъ получали оттискъ на бумагѣ, представляютъ собою настоящія гравированныя доски, откуда произошло и самое слово *ксилографія* (рѣзьба на деревѣ). Но кажется вполне достовѣрнымъ, что это искусство существовало въ Голландіи уже въ началѣ XV столѣтія. Лоранъ Костеръ напечаталъ въ Гарлемѣ (въ 1430 году) картины съ приложеніемъ легендъ, слѣдовательно, почти за двадцать лѣтъ до Гутенберга и его двухъ сотоварищей. Скоро начали дѣлать *наръжки* на металлической доскѣ. Гравюра и типографія естественно соединились вмѣстѣ для печатанія книгъ съ рисунками. Такимъ образомъ произведенія, встарину раскрашенные рукою писцовъ и рисовальщиковъ, стали раскрашиваться рукою гравировъ и типографщиковъ; такимъ образомъ, распространилось употребленіе *штемпелей*, замѣнившихъ подписи типографовъ, *виньетокъ заглавныхъ* или *титульных листовъ*, затѣмъ всякаго рода рисунковъ, которые или на отдѣльныхъ страницахъ, или внутри текста служили для большаго объясненія послѣдняго и удваивали его пользу, въ особенности въ математическихъ сочиненіяхъ или въ естественной исторіи, а также въ произведеніяхъ, касающихся различныхъ методовъ рисованія. Тутъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, первые опыты были грубы и нѣсколько просты: затѣмъ исполненіе усовершенствовалось и въ XVI столѣтіи оно уже не было недостойно великихъ артистовъ, архитекторовъ, скульпто-

ровъ и художниковъ, имена которыхъ прославлены множествомъ образцовыхъ произведеній.

Здѣсь умѣстно будетъ указать именно на нѣкоторыхъ людей, которымъ книгопечатаніе и гравюра много обязаны своими успѣхами. Жоффруа Тори, какъ грамматикъ и какъ типографъ, введшій во французскій языкъ нѣсколько новыхъ практическихъ приемовъ, родился въ концѣ XV столѣтія и умеръ около 1554 года. Весьма искусный граверъ, онъ въ послѣдніе годы своей жизни занимался исключительно гравернымъ искусствомъ, въ особенности же иллюстрированіемъ виньетками, и заглавными буквами книгъ, изданныхъ другими типографами. Еще болѣе извѣстенъ Жанъ Кузенъ. Въ скромномъ званіи живописца образовъ, онъ обнаружилъ разнообразныя таланты скульптора, архитектора, художника и гравера; но какъ граверъ, онъ въ особенности заслуживаетъ вниманія. Развѣ не интересно узнать, что человекъ, котораго иногда ставили на ряду съ Микель Анджелло, рисовалъ и нерѣдко гравировалъ самъ, и почти всегда безъ своей подписи, фигуры въ слѣдующихъ печатныхъ произведеніяхъ: *Livre de perspective*;—*l'Eloge et le tombeau de Henri II*;—*le Livre des coutumes de Sens*, и наконецъ, *le Livre de la Lingerie, enrichi de plusieurs excellents et divers patrons*.

Эту изумительную дѣятельность артиста по всякаго рода работамъ можно сравнить только съ дѣятельностью его современника философа и типографа Генриха Этьенна.

Однако не одна Франція представляла въ то время такіе примѣры. Знаменитый Гольбейнъ украсилъ фигурами, особенно цѣнными знатоками, одно изданіе *Похвалы мупости*, его друга Эразма, и *Анатомію* Везалія, не считая знаменитой серіи рисунковъ, изображающихъ такъ - называемую «Пляска мертвецовъ».

Съ самаго начала ксилографическій рисунокъ шелъ объ руку съ трудами первыхъ типографовъ. Но ксилографы XV вѣка были не болѣе какъ простыми работниками; въ XVI вѣкѣ мы видимъ уже между ними артистовъ, и даже геніальныхъ артистовъ.

Самая гравюра, какъ мы это видимъ, получила опредѣленную роль и воспроизводила или портреты и картины, или цѣлыя серіи рисунковъ, составлявшихъ сами по себѣ отдѣльные томы, каковы, на примѣръ, географическія карты и планы, на которыхъ цѣлыми сотнями изображены типы медалей и монеты, портреты знаменитыхъ личностей, анатомическія фигуры и т. д.

Но исторія гравюры сама по себѣ можетъ составить предметъ особаго сочиненія, котораго мы не можемъ набросить здѣсь даже въ общихъ чертахъ. Возвращаясь и ограничиваясь *типографскимъ* книгопечатаніемъ, мы не можемъ не сказать, что нельзя вспомнить безъ глубокой признательности къ изобрѣтателямъ книгопечатанія о многочисленныхъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ ими цивилизованнымъ

народамъ. Въ числѣ работъ мысли сколько есть такихъ, которыя оно улучшило, сколько другихъ, которыя оно одно сдѣлало возможными.

Напримѣръ, бросьте взглядъ на древній географическій трактатъ, какъ, напримѣръ, трактатъ Птолемея, въ которомъ положеніе мѣстъ опредѣлено пересѣченіемъ долготъ и широтъ: вы увидите тамъ тысячи цифръ, которыя рука переписчиковъ должна была нерѣдко измѣнять и которыя, будучи разъ поставлены послѣ тщательной провѣрки, при печатаніи подверглись лишь рѣдкимъ случайностямъ. То же самое должно сказать и о геометрическихъ книгахъ, въ которыхъ около фигуръ поставлены буквы, на которыя ссылается текстъ, и гдѣ малѣйшая ошибка въ этихъ ссылкахъ можетъ сдѣлать доказательства непонятными. Астрономическія таблицы, таблицы логарифмовъ, еслибы воспроизводились только одними переписчиками, пестрѣли бы многочисленными ошибками. Древніе, какъ мы уже видѣли, имѣли, *толковники* (*glossarii*) и *словари* (*lexicae*), которые, однакоже, нельзя сравнить по вѣрности воспроизведеній и удобствамъ, представляемымъ ими для читателей, съ нашими новѣйшими словарями. *Сокровище греческаго языка*, 4 тома in-folio, изданное въ 1572 году (изданіе это совпадаетъ съ годомъ Вареломеевской ночи) французскимъ филологомъ и типографомъ Генрихомъ Этьенномъ, было бы трудомъ почти невозможнымъ до Гутенберга. Ни одна рукопись не могла достигать, и въ особенности со-

хранять долгое время, при многочисленныхъ переписываніяхъ, степень точности и ясности, возможныхъ при типографскомъ способѣ воспроизведенія книгъ. Оглавленія къ ученымъ и историческимъ книгамъ, столь облегчающія отысканіе какого-либо нужнаго мѣста въ книгѣ, были почти неизвѣстны древности, нынѣ же они составляютъ обычное дополнение къ тексту автора. Обычай прилагать къ книгѣ оглавленіе или index установился въ концѣ XV столѣтія; можно указать на такой index къ большой изданной Альдами книгѣ, представляющей чудо богатства и точности.

Другое затрудненіе для древнихъ писателей, особенно для историковъ, представляла почти полная невозможность дополнять свои рассказы ссылками на книгу и на страницу авторовъ, которыми они пользовались: это слишкомъ увеличило бы объемъ рукописей и создало бы для переписчиковъ много трудностей; поэтому примѣчанія замѣняли отступленіями, или вносными словами, слишкомъ часто вредившими ясности изложенія. У насъ примѣчаніе, вынесенное на поле или внизъ страницы, позволяетъ ученому читателю дѣлать справки, когда ему вздумается, и не причиняетъ никакого беспокойства заурядному читателю, ищущему только пріятнаго и поучительнаго чтенія. Краткое изложеніе содержанія каждой части книги, поставленное также на поляхъ, поставленные на верху страницъ заголовки, перемѣняющіеся съ перемѣною содержа-

нія, также представляют важныя удобства. Съ успѣхами цивилизаціи, число книгъ всякаго рода умножается до безконечности; но, къ сожалѣнію, дни не удлинились ни на одну минуту и самый прилежный изъ людей долженъ беречь свое время и щадить свои силы. Цицеронъ писалъ въ свое время: «Если бы моя жизнь продлилась вдвое дольше, то и тогда мнѣ все-таки не хватило бы времени на прочтеніе... (угадайте, чего?) на прочтеніе лирическихъ поэтовъ». Слѣдовательно, ихъ было уже много. Но сколько отпрысковъ было, въ теченіе тысячи девятисотъ лѣтъ, у одной этой отрасли поэзіи, а сколько еще другихъ отраслей было плодоносныхъ вокругъ этой. Что сказали бы нынѣ великій писатель, ораторъ и немного поэтъ (такъ какъ Цицеронъ писалъ очень красивые стихи), что сказали бы онъ во время Людовика XIV, если бы онъ имѣлъ возможность войти въ библіотеку кардинала Мазарини, въ библіотеку Кольбера, или въ библіотеку какой-либо изъ ученыхъ французскихъ духовныхъ конгрегацій, наконецъ въ королевскую библіотеку, которая уже начинала тогда опережать другія библіотеки числомъ и великолѣпіемъ своихъ богатствъ? Онъ увидѣлъ бы тамъ установленными длинными рядами, кромѣ томовъ, оставшихся отъ его произведеній, и другихъ сочиненій, ускользнувшихъ отъ великаго крушенія древности, можетъ быть, сотню тысячъ томовъ науки и новѣйшей литературы, напечатанныхъ съ большей или меньшей роскошью

и тщательностью, но легко могущихъ однимъ своимъ числомъ смутить до нѣкоторой степени самую похвальную любознательность.

И дѣйствительно, книгопечатаніе не только облегчило, улучшило, преобразовало приготовленіе книгъ; оно сдѣлало возможными изданія, о которыхъ наши отдаленные предки не могли имѣть даже понятія. Таковы сборники хроникъ, хартій и дипломовъ, мемуары академій и ученыхъ обществъ, объемистые біографическіе словари, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ десяти, двадцати, тридцати томовъ in-quarto или in-folio и которые навѣрное никакая армія переписчиковъ или каллиграфовъ не была бы въ состояніи переписать и пустить въ обращеніе въ достаточно большомъ числѣ экземпляровъ для удовлетворенія потребности ученаго міра.

Другое нововведеніе, сдѣлавшееся возможнымъ только благодаря одному книгопечатанію, представляютъ журналы и газеты, по крайней мѣрѣ въ той формѣ и распространеніи, какое они получили съ XVII вѣка.

Римляне, при имперіи и даже во время республики, имѣли ежедневную газету съ официальными объявленіями; объ этомъ мы уже говорили выше. Но хотя названіе и самое дѣло восходятъ къ такой далекой древности, газетная дѣятельность, въ собственномъ смыслѣ этого слова, составляетъ совершенно особую и совершенно новую форму литературы. Редакторъ древне-римской газеты *Acta populi*

romani могъ распространять свою газету въ 500, самое большее въ 1000 экземпляровъ, между тѣмъ какъ книгопечатаніе дало возможность распространять газеты въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ! Во время экспедиціи въ Италію французскаго короля Карла VIII, бюллетень походовъ и побѣдъ французской арміи, не рѣдко доставлявшійся ко двору съ той стороны Альпъ, печатался въ типографіи и распространялся на листкахъ, печатавшихся готическими буквами; нѣсколько экземпляровъ этихъ листовъ сохранилось донинѣ, и они недавно перепечатаны французомъ Де-ла Пилоржері подѣ слишкомъ громкимъ названіемъ: *Campagne et Bulletin de la grande armée d'Italie*. Но то были лишь очень слабыя зачатки. Въ XVI вѣкѣ укоренился этотъ обычай распространенія новостей, которыя однако появлялись не въ одинаковые промежутки времени. Только въ первой половинѣ XVII столѣтія мы видимъ настоящіе органы гласности, издающіеся правильно подѣ различными названіями ежемѣсячныхъ или двухнедѣльныхъ листовъ, а потомъ и ежедневныхъ, сообщавшихъ всѣ новости, какія только могли интересовать публику, не оскорбляя никого изъ государственныхъ дѣятелей. Таковы были во Франціи *Mercure françois*, *Gazette de France* (1631 года), *Muse historique* или *Gazette burlesque* (послѣдняя газета издавалась въ стихахъ, собраніе которыхъ содержитъ не менѣе 400,000 стиховъ въ 3 томахъ in folio), затѣмъ *Journal des savants*, продолжающій выходить

подъ тѣмъ же самымъ названіемъ еще и нынѣ и такимъ образомъ являющійся, въ своемъ родѣ, старшиной всѣхъ своихъ собратій. Всѣ эти листки, будучи одинаковаго формата, съ одинаковымъ заголовкомъ, а иногда и соединенные вмѣстѣ съ одинаковою помѣткою страницъ, превратились въ очень толстыя книги.

Но здѣсь будетъ кстати замѣтить, что одного условія для процвѣтанія недоставало литературѣ, а иногда и наукъ того времени, а именно: свободы.

Многія владѣтельные особы любятъ писателей и ученыхъ, покровительствуютъ и поддерживаютъ ихъ; Францискъ I, король французскій, жалуетъ особый титулъ и привилегіи Роберту Этьенну, котораго онъ дѣлаетъ своимъ типографомъ. Съ того времени во Франціи постоянно существуютъ королевскіе типографы. Въ теченіе даже нѣсколькихъ лѣтъ ихъ станки работали въ Луврѣ, и именно оттуда вышло очень много прекрасныхъ книгъ, между прочимъ коллекція византійскихъ лѣтописцевъ. Эти красивыя книги нерѣдко получали прочныя и блестящія переплеты. При дворѣ Медичи и Валуа, а впослѣдствіи при Генрихѣ IV и его преемникахъ, процвѣтала школа особенно искусныхъ переплетчиковъ. Французская національная библіотека владѣтъ громадной и неоцѣненной коллекціей этихъ роскошныхъ томовъ, въ которыхъ видны всѣ тонкости утонченнаго вкуса. Но раскройте эти книги, и за рѣдкими исключеніями, вы найдете на первой или на послѣдней

страницѣ одобреніе цензора. Хотя цензура и не всегда была правильно организована, тѣмъ, не менѣе за изданіемъ книгъ былъ учрежденъ тщательный надзоръ; нерѣдко оно испытывало на себѣ всю строгость судовъ, если авторъ касался политическихъ или религіозныхъ вопросовъ. Говоря короче, въ то время при тогдашнемъ европейскомъ монархическомъ режимѣ не существовало той свободы печати, какою мы пользуемся нынѣ.

В. В. В. В.
В. В. В. В.

ГЛАВА Ш.

КНИГИ АНОНИМНЫЯ И ПСЕВДОНИМЫ.

Книги, приписываемыя классической древности. — Сибиллинскіе оракулы. — Мнимая переписка Сенеки съ апостоломъ Павломъ. — Апокрифическое Евангеліе. — Сатира Мениппа. — Маленькія письма. — Комедія Академики. — Шарлатанство ученыхъ. — Литературныя поддѣлки Горациа Вальполя, Макъ-Ферсона и Чаттертона — Піеса, ложно приписанная Шекспиру. — Юній и авторъ Вэверлей.

Даже при своей узкой, подчиненной роли, изданіе газетъ оказало не одну услугу литературѣ. Газеты изо дня въ день отмѣчали выходъ новыхъ книгъ и имена ихъ авторовъ; онѣ содѣйствовали этимъ послѣднимъ въ дѣлѣ обезпеченія ихъ права собственности на сочиненія, появившіяся за ихъ подписью. Такимъ образомъ книга, едва появившись, уже была рекомендуема вниманію ея будущихъ читателей. Впрочемъ, уже офиціальное разрѣшеніе, напечатанное на ея первой или послѣдней страницѣ, указывало время ея появленія, за исключеніемъ случаевъ поддѣлки. Въ этомъ заключался уже важный успѣхъ, заслуживающій нѣкотораго вниманія.

Много книгъ, во все времена, обращалось въ публикѣ *анонимными*, т.-е. безъ имени автора; многія выходили въ свѣтъ подъ *псевдонимами*, т.-е. подъ вымышленными именами. Въ политическихъ и религиозныхъ спорахъ, и даже въ литературныхъ, нерѣдко авторъ какой-нибудь брошюры скрывалъ свое имя, или ради того, чтобы избѣжать судебного преслѣдованія, или чтобы возбудить любопытство публики, которую вообще завлекаетъ анонимъ. Уже въ древности встрѣчаются примѣры подобныхъ уловокъ, не всегда впрочемъ бывшихъ безобидными. Такъ, знаменитому историку Теопомпу злые языки приписали памфлетъ, касающійся соперничества Фивъ, Афинъ и Лакедемона. Иному писателю поддѣлыватели приписывали нѣкоторыя, впрочемъ почтенныя, произведенія, отъ авторскихъ правъ на которыя онъ отказывался. Почти все сборники писемъ, дошедшіе до насъ, носятъ вымышленныя имена; таковы предполагаемыя письма знаменитаго полководца Фемистокла, Фалариса, тиранна Агригентскаго, философовъ Діогена и Кратеса, комическаго поэта Менандра и т. д. Переписка Цицерона, по справедливости замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, представляется первою, которую можно назвать безусловно достовѣрною. Самъ Цицеронъ приготовилъ ее къ обнародованію при содѣйствіи Помпонія Атика, самаго богатаго и самаго преданнаго изъ его друзей, который и сдѣлался ея *издателемъ*. Послѣ него, этому примѣру подражали нерѣдко; но это не

предохранило древнюю книжную торговлю отъ многихъ поддѣлокъ. Христіанское общество знало много случаевъ подобныхъ поддѣлокъ, когда приписывались знаменитымъ лицамъ произведенія невѣдомаго происхожденія (откуда происходитъ и самое названіе *апокрифы*). Таковы сборники *сибилинскихъ* оракуловъ, которые были приписываемы сибилламъ или языческимъ пророчицамъ; въ нихъ заключались предсказанія главныхъ событій греческой и римской исторіи, въ связи съ библейскими пророчествами. Такова также поддѣльная переписка Сенеки философа съ св. апостоломъ Павломъ. Многія апокрифическія *Евангеліе*, многія *Дѣянія мучениковъ* включаютъ въ себѣ такія преданія, которыя, не будучи достовѣрными, заслуживаютъ вполнѣ того, чтобы сохранять ихъ, какъ интересныя свидѣтельства нравовъ и состоянія умовъ въ христіанскомъ обществѣ первыхъ вѣковъ нашей эры. Средніе вѣка оставили много произведеній подобнаго рода, которыя, благодаря неопытности первыхъ типографовъ, были распространены, безъ всякаго критическаго изслѣдованія, по библіотекамъ и поддѣльность которыхъ признана лишь впослѣдствіи. Но въ средніе вѣка появлялись также хроники, теологическіе трактаты, душеспасительныя книги безъ обозначенія имени автора или по безпечности, или вслѣдствіе скромности. Безъ всякаго сомнѣнія, именно по скромности авторъ *Подражанія Іисусу Христу* не оставилъ намъ своего имени и до сихъ поръ еще

остается неизвѣстнымъ, несмотря на постоянно возобновляемая усилія открыть его.

Новѣйшіе поддѣльватели находили также, и очень часто, типографовъ, соглашавшихся быть соучастниками въ ихъ обманахъ, иногда безобидныхъ, по иной разъ опасныхъ и преступныхъ, когда дѣло шло о важныхъ вопросахъ, касавшихся религіи, нравственности и государства. Во Франціи, во время Лиги, появилась въ такой формѣ *Сатира Мениппа*, составляющая одинъ изъ историческихъ документовъ и одинъ изъ памятниковъ французской литературы. Во время войнъ Фронды, Парижъ и почти вся Франція были наводнены анонимными или псевдонимными брашюрами, вышедшими изъ тайныхъ типографій; страсть и ненависть не знали предѣла и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ искупались умомъ и краснорѣчіемъ, какъ у авторовъ *Мениппа*. При Людовикѣ XIV, сдѣлавшимся настоящимъ королемъ послѣ смуты, происходившихъ въ его дѣтствѣ, свобода писанія, строго ограниченная во Франціи, нашла себѣ пріютъ внѣ ея предѣловъ. Швейцарія и особенно Голландія предоставляли свои станки къ услугамъ свободныхъ писателей всѣхъ партій, которые широко пользовались ими.

Между произведеніями, вышедшими подъ псевдонимами и нашедшими способъ къ распространенію во Франціи вопреки цензурѣ, находятся знаменитыя, *Маленькія Письма*, или, какъ ихъ долго называли, *Письма къ провинціалу* или *Провинціальныя Письма*,

авторъ которыхъ знаменитый геометръ, Блезъ Паскаль, скрылъ свое настоящее имя подъ псевдонимомъ Луи де-Монтальта; вскорѣ послѣ своего выхода они были переведены на латинскій языкъ подъ другимъ псевдонимомъ, Петра Вендрока, другомъ автора, теологомъ и моралистомъ Николемъ.

Были во Франціи и другія подобныя же произведенія, хотя и менѣе надѣлавшія шума, но одно время пользовавшіяся популярностью, напримѣръ, *Письмо парижскаго буржуа о Сидѣ* Корнеля, красивый маленький томикъ, высокоцѣнимый любителями. Это письмо играетъ важную роль въ большомъ литературномъ спорѣ, возбужденномъ наиболѣе древней французской драмой.

Немного лѣтъ спустя, труды французской академіи, тогда еще только возникавшей, были осмѣяны въ комедіи или фарсѣ *Академики*, который, въ продолженіе десяти лѣтъ, ходилъ по рукамъ въ рукописныхъ спискахъ и наконецъ былъ напечатанъ въ 1650 году, но безъ имени автора и типографа, насколько опасались высокихъ покровителей сорока безсмертныхъ! Эта комедія принадлежала перу Сень-Эвремонта, остроумнаго нормандскаго писателя, оставившаго много замѣчательныхъ произведений.

Въ XVIII столѣтіи изъ французскихъ писателей болѣе всего злоупотреблялъ анонимами и псевдонимами Вольтеръ или ради того, чтобы поиздѣваться надъ читателями, или для того, чтобы избѣжать строгости преслѣдованій закона за невоздержность

ѣдкой сатиры, то признавая своими анонимныя произведенія, то упорно отказываясь отъ нихъ смотря по своему капризу и требованіямъ полемики, занимающей столько мѣста въ жизни этого писателя.

Однажды Вольтеръ самъ сдѣлался жертвою обмана подобнаго рода, и при томъ въ дѣлѣ важномъ. По рукописи, хранившейся въ королевской библіотекѣ, онъ познакомился съ изданнымъ однимъ миссіонеромъ произведеніемъ, подъ названіемъ *Эзуръ-Вейдамъ*, въ которое были введены нѣкоторыя библейскія идеи, изъ желанія указать общность браминизма съ христіанскою религіею. Онъ нѣсколько разъ цитировалъ эту книгу, между прочимъ въ главѣ IV своего *Essai sur les mœurs*, считая ее произведеніемъ древняго индійскаго мудреца, жившаго еще до завоеванія этой страны Александромъ Македонскимъ. Названіе *Эзуръ-Вейдамъ* ни что иное, какъ искаженное слово *Іаджуръ-Веда*, означающее по-санскритски одинъ изъ сборниковъ священныхъ гимновъ индійцевъ. Теперь уже давно доказано, что это ни больше ни меньше, какъ поддѣлка, хотя еще Сэнъ-Круа не считалъ ее таковою и издалъ въ 1778 г. на французскомъ языкѣ точный переводъ этого апокрифическаго сочиненія.

Иной разъ псевдонимъ представляетъ ни что иное, какъ анаграмму, т.-е. настоящее имя автора, но только написанное наоборотъ. Такимъ образомъ, во Франціи, въ 1748 году, вышло сочиненіе за под-

писью *Телліамеда* (*Telliamed*), сдѣлавшееся впоследствии знаменитѣмъ, въ которомъ Бенуа де-Мэлле (*de Maillet*) первый излагаетъ новыя и нерѣдко весьма справедливыя мысли объ исторіи земного шара; мысли эти были оспариваемы Вольтеромъ, но одобрены Бюффономъ, а впоследствии и великимъ геологомъ и натуралистомъ Кювье. Иногда также псевдонимъ представляемъ анаграмму другого псевдонима. Такимъ образомъ Паскаль, скрывшійся подъ именемъ *Луи-де-Монтальта* (*Louis de Montalte*), при изданіи своихъ *Писемъ къ провинціалу*, впоследствии цитировалъ самъ себя въ *Мысляхъ* подъ именемъ *Саломона де Тульти* (*Salomon de Tultie*), представляющимъ только анаграмму предыдущаго псевдонима. Издатели долго доискивались, кто могъ быть такой таинственный теологъ Саломонъ де Тульти, и лишь при второмъ изданіи *Мыслей*, въ 1866 году, Эрнестъ Гавэ могъ разрѣшить эту загадку.

Одинъ изъ многочисленныхъ враговъ Вольтера, Сэнъ-Гиацинтъ, издалъ (въ 1714 г.), подъ именемъ доктора Златоуста Матаназіуса, въ двухъ маленькихъ томахъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Образцовое произведеніе незнакомаго*. Комментируя слово за словомъ пѣсню въ сорокъ стиховъ, авторъ хотѣлъ осмѣять злоупотребленіе комментаріями,—злоупотребленіе, слишкомъ частое у ученыхъ всѣхъ вѣковъ; въ своихъ примѣчаніяхъ онъ помѣщаетъ длиннѣйшія разсужденія въ напыщенной формѣ, въ свою очередь представляющія пародію на отсту-

пленія (*excursus*), обычныя у издателей и толкователей древнихъ авторовъ. Около того же времени была издана, за подписью Іоанна Бурхарда Менкена, интересная книжечка на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *De Charlataneria eruditorum*, касающаяся шарлатанства ученыхъ, не разъ заслуживавшихъ ѣдкихъ нападокъ сатиры. Начиная съ глубокой древности извѣстны педанты, распространявшіе въ публикѣ историческія книги, испещренныя ссылками на авторовъ и на сочиненія, никогда не существовавшія. Двѣ книжечки подобнаго рода носятъ имя знаменитаго Плутарха, который, разумѣется, никогда не былъ ихъ авторомъ.

Другія европейскія литературы также изобилуютъ апокрифами и псевдонимами, по всякаго рода предметамъ; приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія Англія представила нѣсколько примѣровъ литературныхъ поддѣлокъ, получившихъ извѣстность благодаря обнаруженному ихъ авторами таланту и достигнутому ими большому успѣху. Первая поддѣлка принадлежитъ Горацію Вальполю, (*Valpole*), который издалъ, какъ переводъ итальянскаго автора XIV столѣтія, сочиненный имъ самимъ романъ подъ названіемъ *Отрантскій замокъ*. Другой примѣръ—поэтическія произведенія Оссіана, барда шотландскихъ героическихъ легендъ, мнимымъ переводчикомъ которыхъ былъ Макъ-Ферсонъ и подлинниковъ которыхъ никогда не существовало. Третій примѣръ—

поэмы, написанныя, языкомъ XV столѣтія, Томасомъ Чатартонемъ, едва достигшимъ восемнадцатилѣтняго возраста и приписавшимъ ихъ какому-то средневѣковому монаху. Сюда-же слѣдуетъ отнести попытку С. Айрленда, поддѣлавшаго мнимые автографы Шекспира и одно время даже успѣвшаго выдать трагедію своего издѣлія за вновь открытое произведеніе великаго поэта. Наконецъ, въ 1772 году появились *Письма Фальстафа*, которыя издатель или скорѣе сочинитель, Джемсъ Уатъ, посвятилъ Дж. Джаланду. На этотъ разъ авторъ не предполагалъ ввести въ обманъ публику, но желалъ показать, что онъ обладаетъ значительною долей ума и юмора поэта, создавшаго типъ Фальстафа. *Политическія письма Юніуса*, печатавшіяся съ 1769 по 1772 годъ въ журналѣ *Public Advertiser*, можетъ быть представляютъ собою наиболѣе замѣчательное изъ этихъ псевдонимныхъ произведеній, такъ какъ ихъ поочередно приписывали восьми или десяти писателямъ, и, несмотря на произведенное ими впечатлѣніе, ихъ настоящій авторъ и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ.

Въ началѣ текущаго столѣтія, знаменитый Вальтеръ Скоттъ дебютировалъ анонимно романомъ *Вэверлей*, имѣвшимъ такой успѣхъ, что, продолжая издавать свои романы, онъ постоянно отмѣчалъ на титулѣ: *сочиненіе автора Вэверлея*. Но великій незнамецъ, какъ его называли тогда, былъ скоро открытъ и его имя не миновало заслуженной имъ славы.

Наше время не менѣе богато анонимными и псевдонимными произведеніями. Такъ, знаменитая французская писательница Жоржъ Зандъ не написала ни одного произведенія подъ своимъ собственнымъ именемъ. Въ русской литературѣ тоже много авторовъ, которые укрывались подъ псевдонимами, напр. Козьма Прутковъ, Щедринъ (Салтыковъ) и др. Библіографамъ приходится много трудиться надъ всѣми этими переодѣваньями. Мы еще не говорили о книгахъ, подписанныхъ просто начальными буквами имени и фамиліи, по которымъ не всегда бываетъ легко возстановить полное имя авторовъ.

Чтобы дать понятіе о представляемыхъ этимъ трудностяхъ, скажемъ, что французскій словарь анонимовъ и псевдонимовъ, составленный ученымъ библіотекаремъ Барбье для одной только Франціи состоитъ изъ четырехъ большихъ томовъ, которые впоследствии пришлось дополнить еще пятымъ, что, однако, не помѣшало приступить ко второму изданію, болѣе полному, чѣмъ первое.

ГЛАВА IV.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТОРГОВЛИ КНИГАМИ.

Распространеніе книгопечатанія внѣ предѣловъ родной его земли.—Распространеніе книгъ въ англійскій Индіи.—Введеніе книгопечатанія въ Константинополь.—Книжная торговля въ Гондартѣ, въ Абиссиніи.—Умственная дѣятельность и общественныя школы въ Австраліи.—Новѣйшіе успѣхи книгопечатанія.

До сихъ поръ мы слѣдили преимущественно во Франціи за успѣхами чуднаго искусства, изобрѣтеннаго на границахъ Франціи Гутенбергомъ и его товарищами. Чрезвычайно интересно распространить такое изученіе и на другія страны. Многіе города весьма тщательно сохранили время напечатанія въ нихъ первой книги. Еще недавно Лондонъ праздновалъ годовщину основанія его первой типографіи. 12 (24) марта 1878 года газета *Journal de Genève* сообщала о четырехсотлѣтіи первой книги, вышедшей изъ-подъ женевскихъ печатныхъ станковъ. Если бы мы могли остановиться на этомъ, то настоящая глава нашей исторіи должна бы была содержать въ себѣ много любопытныхъ эпизодовъ:

здѣсь проявляется противодѣйствіе рутины; тамъ, напротивъ, почти восторженная поспѣшность воспользоваться для услугъ мысли новымъ орудіемъ, представляемымъ печатнымъ станкомъ. Въ срединѣ XVI столѣтія миссіонеры-проповѣдники Евангелія занесли съ собою книгопечатаніе въ Индію, гдѣ оно нынѣ, при англійскимъ владычествѣ, развилось до громаднхъ размѣровъ, даже среди мусульманъ и индусовъ.

Разумѣется, не легкое было дѣло привить привычки нашей цивилизаціи на этомъ громадномъ полуостровѣ, на которомъ англичане считаютъ болѣе двухсотъ милліоновъ подданныхъ нехристіанъ, и все-таки это дѣло прогресса осуществилось на нашихъ глазахъ съ изумительной быстротой. Мусульмане, равно какъ и туземцы, съ каждымъ днемъ проникаются большею любовью къ распространенію просвѣщенія, въ томъ видѣ, какъ понимаемъ его мы, въ Европѣ: они заводятъ и содержатъ школы, даже женскія школы; они имѣютъ политическія и литературныя газеты; типографія распространяетъ среди нихъ переводы нашихъ книгъ и даже нѣкоторыхъ классиковъ древности.

Нѣкоторыя страны въ Европѣ узнали книгопечатаніе не раньше Индіи: въ Россіи первая книга была напечатана въ 1563 году. Но вотъ еще болѣе поразительный фактъ: на той самой почвѣ, гдѣ прежде процвѣтала эллинская цивилизація, мусульмане долго не желали слѣдовать примѣру своихъ

сосѣдей. Кто бы могъ повѣрить, если бы на это не имѣлось неоспоримыхъ доказательствъ, что книгопечатаніе было введено въ Константинополь только въ 1727 году? До начала текущаго столѣтія оно оставалось чрезвычайно стѣсненнымъ въ своихъ примѣненіяхъ, ревнивый глазъ турокъ смотрѣлъ подозрительно на него даже у ихъ греческихъ подданныхъ, обнаруживавшихъ между тѣмъ желаніе учиться.

Мы не должны удивляться, что книгопечатаніе до сихъ поръ еще неизвѣстно даже въ такой христіанской странѣ, какъ, напримѣръ, Абиссинія. Между тѣмъ, и тамъ существуетъ извѣстная культура. И тамъ имѣются школы и книжныя лавки, но каковы онѣ въ сравненіи съ нашими! Одинъ путешественникъ, заслуживающій полного довѣрія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ магазинъ выдающагося книгопродавца въ Гондарѣ: «Задняя комната освѣщена только дверью изъ другой комнаты, выходящей на улицу; въ этой задней комнатѣ, на каждой стѣнѣ прикрѣплены коровьи рога; къ каждому рогу на веревкѣ привѣшена коробка, въ которой лежитъ одна, двѣ, или, самое большее, три рукописи; число всѣхъ этихъ предлагаемыхъ въ продажу книгъ не достигаетъ и сотни. А между тѣмъ тамъ мы находимся очень близко отъ великихъ центровъ цивилизаціи народовъ, окружающихъ бассейны Средиземнаго моря. Надо сказать въ оправданіе абиссинскихъ книгопродавцевъ, что литера-

тура, которой они служатъ, бѣдна и мало оригинальна. Сколько извѣстно, она не превосходитъ даже 300 томовъ.

На Западѣ открытіе Америки очень рано открыло европейскимъ типографамъ мѣсто для сбыта своихъ работъ. Число тамошнихъ потребителей быстро возрастало, и скоро европейскіе типографы нашли себѣ соперниковъ, особенно въ англійскихъ колоніяхъ Сѣверной Америки, сдѣлавшихся могущею республикою Соединенныхъ Штатовъ; но тамъ еще не остановилась подавляющая дѣятельность англійскаго генія. Берега Австраліи, гдѣ пятьдесятъ лѣтъ назадъ существовали только исправительныя колоніи для преступниковъ, сдѣлались осѣдлостью свободнаго населенія, столько же государственнаго, сколько и многочисленнаго, среди котораго процвѣтаютъ сотни школъ, университеты и всякаго рода журналы. Даже классическіе народы представляются тамъ эллинистами и латинистами, учениками и уже соперниками ихъ европейскихъ учителей.

ГЛАВА V.

НОВЫЕ УСПѢХИ КНИГОПЕЧАТАНІЯ И КНИЖНОЙ
ТОРГОВЛИ.

Замѣчанія о принадлежностяхъ письма.—Металлическое перо.—Новѣйшая каллиграфія.—Тироновскіе знаки и стенографія.—Стенографія въ Англіи, а затѣмъ во Франціи.—Читаемъ-ли мы рѣчи греческихъ и римскихъ ораторовъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были произнесены?—Рѣчь Цицерона за Милона.—Электрическій телеграфъ и телеграфный языкъ.—Новыя потребности книгопечатанія.—Преимущества и неудобства механическаго приготовленія бумаги.—Сѣтованія библіофиловъ.

Можно сказать, что въ теченіе одного столѣтія орудія ума человѣческаго (если можно такъ выразиться) преобразились на всѣхъ ступеняхъ и во всѣхъ направленіяхъ.

Начиная съ среднихъ вѣковъ гусиное перо, а можетъ быть и вороново перо, замѣнили *calamus* или тростниковую палочку древнихъ писцовъ. Въ XVII столѣтіи мы уже находимъ упоминаніе, у монахинь Портъ-Рояль, объ употребленіи металлическихъ перьевъ. Это изобрѣтеніе, подобно многимъ другимъ, не произведя тотчасъ надлежащаго дѣйствія, разви-

лось только въ наши дни, и вы всѣ знаете, до какого разнообразія формъ. Металлическое перо, можетъ быть, и не улучшило письма, но, несомнѣнно, оно сберегаетъ время у всѣхъ пишущихъ, потому что они получаютъ его изъ рукъ фабриканта совсѣмъ расщепленнымъ и очиненнымъ. Впрочемъ, нельзя не признать, что письмо много утратило своего значенія со времени изобрѣтенія книгопечатанія. Нѣкоторыя дѣла, въ общественныхъ или частныхъ учрежденіяхъ, требуютъ еще руки искусныхъ каллиграфовъ; такимъ образомъ, тексты мирнаго договора, законовъ и многіе другіе подлинныя документы, само собою разумѣется, должны быть написаны четкимъ и даже пріятнымъ для глаза почеркомъ. Въ одномъ греческомъ циркулярѣ на папирусѣ, временъ Птолмеевъ, рекомендуется чиновникамъ птолмеевской канцеляріи «писать четко», и такой совѣтъ иногда повторяется еще и нынѣ въ нашихъ министерствахъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ въ особенности нуждается въ опытныхъ каллиграфахъ. При своихъ сношеніяхъ между собою, канцеляріи обязаны оказывать другъ другу такую любезность и отвѣчать только бумагами, написанными тщательнымъ почеркомъ; текстъ международныхъ договоровъ, само собою разумѣется предназначенный на храненіе въ архивахъ, обыкновенно исполняется съ истинною роскошью; это нѣкоторымъ образомъ «лебединая пѣснь» великой каллиграфіи. Въ обыденной жизни, и въ особенности для

дружеской или коммерческой переписки хорошій почеркъ дѣло также не безразличное. Но всякая рукопись, текстъ которой поступить въ обращеніе среди публики только въ видѣ печатнаго произведенія, не нуждается уже въ каллиграфическомъ переписываніи ея авторомъ или переписчикомъ.

Равнымъ образомъ сбереженіе времени и труда обезпечено намъ стенографіей или способомъ сокращеннаго письма. Въ этомъ еще видно странное неравенство народовъ. *Тироновскіе знаки*, настоящая стенографія, о происхожденіи которой было уже говорено выше, постоянно употреблялись въ средне-вѣковыхъ канцеляріяхъ. Можно сказать, что они послѣ возрожденія наукъ и литературы у насъ были почти забыты. Затѣмъ мы видимъ ихъ снова появившимися въ Англіи, въ началѣ XVII столѣтія. Примѣромъ служить рѣчь, произнесенная на эшафотѣ несчастнымъ королемъ Карломъ I, передъ плахой, на которой онъ долженъ былъ сложить свою голову, записанная какимъ-то досужимъ стенографомъ. Съ того времени англичане не переставали пользоваться стенографическимъ письмомъ для записыванія рѣчей, произносимыхъ ихъ ораторами въ собраніяхъ.

Теперь стенографы играютъ выдающуюся роль у всѣхъ свободныхъ націй. Однажды нѣкій путешественникъ французъ, войдя въ залу палаты общинъ въ Англіи, выразилъ удивленіе, что видитъ только депутатовъ и никакихъ мѣстъ для посто-

ронныхъ слушателей; депутатъ, которому онъ высказалъ это удивленіе, указалъ ему въ ложѣ стенографовъ, занимавшихся записываніемъ всего, что говорилось въ собраніи.

«Завтра, прибавилъ онъ, благодаря этимъ людямъ, Англія узнаетъ все, что мы говорили, все, что мы сдѣлали для ея интересовъ и для ея чести». Имѣя такимъ образомъ своимъ назначеніемъ воспроизводить слово во всѣхъ случаяхъ, когда оно произносится публично, стенографія сохраняетъ для исторіи массу драгоценныхъ документовъ, которые иначе погибли бы для нея. Подхваченныя на лету рѣчи ораторовъ, со всѣми ихъ красотами и почти неизбѣжными погрѣшностями противъ языка, воспроизводятся въ ежедневныхъ газетахъ, откуда онѣ, болѣе или менѣе исправленныя переходятъ въ собранія рѣчей, которыя издають ораторы. Историкъ находитъ въ нихъ цѣнные матеріалы. Литературная критика съ интересомъ слѣдитъ за работой ума у великаго оратора; она любила слѣдить за усиліями, которые дѣлаетъ мысль, чтобы вылиться въ рѣчь.

Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего интереснѣе, какъ сравнить напечатанный такимъ образомъ по стенографическому отчету текстъ съ передѣлками и поправками, которыя дѣлаетъ ораторъ въ своихъ рѣчахъ если онъ пожелаетъ сохранить текстъ ихъ для потомства. Такого сравненія мы не можемъ сдѣлать относительно древнихъ ораторовъ. Когда Демосѣенъ говорилъ съ каеэдри, никакой писецъ не записывалъ его

словъ, и потому онъ является предъ нами нынѣ лишь со всею отчетливостью слога, исправленнаго на досугѣ, долгое время спустя послѣ собранія, на которомъ блестялъ его ораторскій талантъ. Въ Римѣ, можетъ быть, одинъ только разъ (это было въ сенатѣ, во время знаменитыхъ преній о Катилинѣ и его сообщникахъ) были приглашены стенографы для записыванія рѣчей Катона, Цезаря, Цицерона. Двухъ первыхъ Саллюстій сохранилъ для насъ прекрасный разборъ, но слишкомъ короткій и слишкомъ точный, чтобы можно было считать его вѣрнымъ; что же касается Цицерона «*Рѣчей противъ Катилины*», то хотя онѣ и дышатъ жаромъ его благороднаго патріотизма, но ясно чувствуется, что онѣ передѣланы ихъ въ тиши кабинета со вниманіемъ и знаніемъ опытнаго писателя.

Одинъ хорошо извѣстный анекдотъ лучше всего показываетъ намъ различіе между произнесенной рѣчью и изданной впоследствии послѣ тщательнаго просмотра на досугѣ. Когда Цицеронъ защищалъ своего друга Милона, обвинявшагося въ убійствѣ Клодія, онъ былъ нѣсколько взволнованъ воинственною обстановкою, которую имѣлъ въ тотъ день судъ, и на его рѣчи, какъ извѣстно, сильно отразилось его волненіе; но въ дошедшей до насъ рѣчи за Милона нѣтъ и слѣда этихъ погрѣшностей. Разсказываютъ также, что Милонъ, осужденный вопреки усиліямъ своего защитника, по полученіи въ ссылкѣ экземпляра рѣчи, исправленной Цицерономъ послѣ засѣданія суда, на-

писалъ ему съ дружескою ироніей: «Если бы ты за-
щищалъ меня такъ хорошо предъ судомъ, то не ѣлъ
бы я такихъ хорошихъ устрицъ въ Марсели». Рѣчь,
произнесенная Цицерономъ, была записана стеногра-
фами, и она находилась еще въ рукахъ Асканія,
который написалъ комментаріи къ рѣчамъ этого ора-
тора въ первомъ вѣкѣ христіанской эры.

Стенографія напоминаетъ намъ о другомъ способѣ,
который имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ книгопе-
чтанію,—а именно о телеграфѣ, и главнымъ обра-
зомъ электрическомъ телеграфѣ, единственно упо-
требляющемся нынѣ.

Электрическій телеграфъ, въ случаѣ надобности,
можетъ передавать цѣлыя страницы письма, но та-
кого рода передача обходится очень дорого: надо
разсчитывать слова, такъ какъ каждое лишнее слово
увеличиваетъ стоимость телеграммы. Поэтому, вся-
кій пишущій телеграмму старается сжать ее въ нѣ-
сколько словъ, безусловно необходимыхъ для выра-
женія его мысли. Такимъ образомъ составилось что-
то похожее на краткую грамматику для подобнаго
рода письменныхъ сношеній; телеграфный слогъ не
всегда отличается ясностью, не только вслѣдствіе
своей чрезмѣрной краткости, но и потому, что въ
немъ зачастую не употребляютъ знаковъ препина-
нія, а между тѣмъ знаки припенанія всегда были
и остаются болѣе чѣмъ когда-либо необходимыми
для ясности письменнаго языка.

Приготовленіе бумаги также подверглось значи-

тельнымъ перемѣнамъ. Разъ принято было за основу приготовленія бумаги жидкая масса, пришлось думать о примѣненіи различныхъ веществъ для приготовленія этой массы. Начиная съ 1765 года въ библиографіяхъ упоминается объ одной странной въ этомъ отношеніи книгѣ, изданной въ Ратисбоннѣ, типографомъ Шефферомъ; каждый листъ былъ напечатанъ на бумагѣ различнаго вещества: изъ хлопка, мха, различныхъ породъ дерева, виноградныхъ вѣтвей, соломы, тростника, капустныхъ кочерыжекъ и т. д., и т. д. Современная промышленность сдѣлала выборъ въ этой роскоши разнообразія. Для полученія бумажной массы или тѣста, она употребляетъ нѣсколько растительныхъ веществъ, смѣшанныхъ въ различныхъ пропорціяхъ; но она продолжаетъ все-таки оказывать предпочтеніе тряпкѣ, позволяющей получать самую лучшую и самую прочную бумагу. Впрочемъ, чрезвычайно большой спросъ и легкость, съ которою возобновляются книги по мѣрѣ того, какъ онѣ приходятъ въ ветхость, дѣлаютъ потребителей менѣе требовательными относительно прочности бумаги. Во времена Альдовъ Мануціевъ и Этьенновъ изданія выходили въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, вотъ почему многія книги того времени составляютъ теперь чрезвычайную рѣдкость. Нынѣ же количество, въ которомъ печатаются изданія, достигаетъ цифъ, которыя поразили бы нашихъ предковъ; это сдѣлалось возможнымъ благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ типографіи.

Эти усовершенствованія двоякаго рода: одни—въ отливкѣ шрифтовъ, другія въ механизмѣ печатныхъ машинъ.

Но истинные любители не совсѣмъ довольны всѣми этими успѣхами, наносящими нѣкоторый ущербъ изяществу книгъ: не только основное вещество бумаги не такъ хорошо, какъ прежде, но оно еще измѣнилось вслѣдствіе примѣси минеральныхъ веществъ, дѣлающихъ бумагу менѣе долговѣчною. Нѣкоторыя книги временъ Альдовъ и Этьенновъ, спустя четыре столѣтія сохранили всю свою свѣжесть, между тѣмъ какъ нынѣ въ книгахъ, не существующихъ еще и пятидесяти лѣтъ, бумага покрывается пятнами, разлагается и рвется безъ малѣйшаго усилія. Чтобы достать бумагу столько же прочную, сколько и красивую для какого либо особенно изящнаго изданія, приходится поневолѣ платить за нее бѣшенныя деньги, и фабриканты, вслѣдствіе конкуренціи, понижаютъ цѣны на свои фабрикаты, почему и снабжаютъ типографовъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ бумагою, могущею соперничать съ бумагою, которую производили въ прежнія времена.

ГЛАВА VI.

ПОСЛѢДНИЕ УСПѢХИ КНИГОПЕЧАТАНІЯ И КНИЖНОЙ
ТОРГОВЛИ.

Стереотипія Гэрана.—Клише.—Примѣненіе пара къ книгопечата-
нію.—Медленность нѣкоторыхъ націй, какъ, на примѣръ, китайцевъ
и японцевъ, въ дѣлѣ усвоенія этихъ нововведеній.—Противопо-
ложные примѣры.—Успѣхи книгопечатація въ Индостанѣ.—Еже-
мѣсячныя и еженедѣльные современные изданія во французской
національной библіотекѣ.—Распространеніе сношеній между наро-
дами посредствомъ телеграфа.—Печать въ Говолулу.—Возрастаю-
щее вліяніе повременныхъ изданій.—Обозрѣнія.—Новыя затрудне-
нія для библіографовъ и библіотекарей.

Къ концу XVIII столѣтія французу Гэрану при-
шла въ голову мысль употребить для набора шриф-
ты вогнутые, вмѣсто выпуклыхъ; положивъ на на-
бранную такимъ образомъ страницу металлическую
пластинку и подвергнувъ ее сильному давленію, по-
лучаютъ рельефною, и притомъ въ одномъ кускѣ,
цѣлую страницу, которая, будучи заключена въ
печатный станокъ, можетъ служить для напечатанія
безчисленнаго множества оттисковъ. Какъ мы
видимъ, такой пріемъ представляетъ нѣкоторымъ

образомъ возвращеніе назадъ къ табличному или ксилографическому книгопечатанію XV столѣтія. Этимъ способомъ, на который изобрѣтатель взялъ привилегію, было напечатано много книгъ.

Нѣкоторое время спустя, французскій типографъ Дидо (Didot) воспользовался для этого обыкновенными, выпуклыми, вылитыми изъ очень твердаго вещества буквами, съ которыхъ онъ дѣлаетъ вогнутый отпечатокъ на сплавѣ, медленно охлажденномъ и остававшемся мягкимъ до своего совершеннаго охлажденія; сдѣлавшись твердою, эта металлическая пластинка служила формой, въ которую и вливали расплавленный металлъ, почему, по охлажденіи послѣдняго, получалась въ выпукломъ видѣ цѣлая страница, первоначально набранная изъ отдѣльных буквъ. Нынѣ пластинку мягкаго металла замѣнили сначала гипсомъ, а затѣмъ картонною массою или тѣстомъ. Полученная такимъ путемъ страница называется *клише*, съ котораго можно получать на машинѣ сорокъ или пятьдесятъ тысячъ оттисковъ, безъ всякаго чувствительнаго поврежденія его, за исключеніемъ развѣ случайной порчи.

Вы, само собою разумѣется, поймете, что отличія въ клише страницы, имѣя въ толщину не болѣе нѣсколькихъ миллиметровъ, занимаютъ сравнительно мало мѣста въ кладовыхъ. Отъ этого проистекаетъ двойная выгода: шрифты, служившіе для перваго набора, освобождаются и могутъ быть употреблены для набора какого-либо другого произведенія,

а клише могутъ ждать, безъ излишняго бремени для типографа, той минуты, когда разойдется первое изданіе и потребуется выпустить второе. Поэтому книги, могущія разсчитывать на большое распространеніе, гораздо выгоднѣе печатать съ клише, чѣмъ съ набора.

Въ свою очередь, и самый печатный станокъ участвуетъ въ благодѣяніяхъ, которыя распространяетъ механика, въ приложеніи ко всѣмъ отраслямъ нашихъ ручныхъ искусствъ. Руку человѣка замѣнила сила пара, а благодаря удобному способу отливанія клише, который, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, можетъ удвоить, утроить и учетверить наборъ, сдѣланный изъ подвижныхъ буквъ, паровая печатная машина совершаетъ такое чудо, что въ теченіе одной ночи печатаетъ по пятидесяти, по сто и даже по полутора ста тысячъ экземпляровъ ежедневной газеты.

Вы сами догадываетесь, что для типографіи, работающей съ такою изумительной быстротой, нужна и такая бумажная фабрика, которая работала бы съ неменьшею быстротою. И дѣйствительно, вотъ нѣкоторыя цифры, показывающія, что бумажная фабрика, приводимая въ движеніе водою (гидравлическій двигатель), или паромъ, достигаетъ также чрезвычайной производительности. Бумажная фабрика Сореля, во Франціи, одна, производитъ среднимъ числомъ отъ семи тысячъ до восьми тысячъ километровъ бумаги въ день, или два милліона шесть-

сотъ тысячъ километровъ (километръ равенъ почти нашей верстѣ) въ годъ. Машины производятъ въ минуту по двадцати метровъ бумаги, или по двадцати восьми тысячъ восемьсотъ метровъ въ сутки. А земля, подъ нашей широтой, имѣетъ шесть тысячъ триста семьдесятъ миль въ окружности, или двадцать пять тысячъ четыреста восемьдесятъ километровъ; слѣдовательно, съ тремя машинами такой силы можно меньше, чѣмъ въ десять мѣсяцевъ, окружить земной шаръ сплошною бумажною лентою, имѣющею полтора метра въ ширину. И это еще не слишкомъ много, чтобы удовлетворить всѣмъ потребностямъ типографіи, въ особенности же потребностямъ ежедневныхъ газетъ. Уже французскія газеты, въ особенности *Jurnal officiel* къ концу каждаго года, представляютъ громадную массу печатной бумаги. Но въ Англіи и Америкѣ нѣкоторыя газеты, какъ, напримѣръ, *Times*, *Daily Telegraph*, *New-York-Herald* и другія, рассылаютъ ежедневно своимъ подписчикамъ, среднимъ числомъ, по цѣлой книжкѣ въ восьмую долю листа. Для каждой изъ этихъ газетъ нужны сотни рабочихъ. Помимо даже ежедневныхъ газетъ, нѣкоторыя типографіи на западѣ Европы и въ Америкѣ успѣваютъ ежедневно печатать по нѣсколько сотъ томовъ. Типографія Дидо въ Парижѣ, въ 1846 году, печатала отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ томовъ; эта цифра, тридцать лѣтъ спустя, дошла почти до пяти тысячъ томовъ въ каждые двадцать четыре часа работы. Національ-

ная типографія въ Парижѣ, исполняющая массу работъ для всѣхъ французскихъ административныхъ общественныхъ учреждений, не считая заказовъ частныхъ лицъ, работаетъ постоянно на семидесяти пяти ручныхъ печатныхъ станкахъ и на тридцати пяти паровыхъ; среднимъ числомъ она производитъ около десяти тысячъ томовъ въ каждый рабочий день.

Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній печати, не будучи ежедневными газетами, требуетъ тѣмъ не менѣе чрезвычайной быстроты исполненія. Таковы, напримѣръ, бюджеты разныхъ министерствъ. Но еще больше дѣлаетъ чести этимъ прекраснымъ заведеніямъ, какъ общественнымъ, такъ и частнымъ, возможность печатать съ рѣдкимъ совершенствомъ артистическія и научныя книги, требующія или чрезвычайнаго богатства типографскихъ шрифтовъ, или сочетанія типографіи съ другими родственными ей искусствами, какъ-то литографіей, фотографіей и др.

Французская національная типографія имѣетъ нынѣ *пуисоны* и *матрицы* буквъ 138 иностранныхъ азбукъ и 153 коллекціи шрифтовъ одной французской азбуки.

Слѣдовательно, она можетъ печатать книги, болѣе чѣмъ на сто языкахъ, шрифтами, употребляемыми каждою націей. Немного типографій (однако уже указываютъ на типографію въ Лейденѣ) могутъ соперничать съ нею въ этомъ отношеніи.

Изъ-подъ станковъ парижской типографіи появи-

лось на свѣтъ много образцовыхъ произведеній, и между прочимъ, знаменитая *восточная коллекція*, содержащая нѣсколько индійскихъ или персидскихъ произведеній съ французскими переводами,—коллекція, лучше которой по изяществу не существуетъ. Всемирныя выставки въ Парижѣ (1855-1867-1878-1889 гг.), въ Лондонѣ (1862 г.), въ Вѣнѣ (1873 г.), въ Филадельфіи (1876 г.) представили намъ зрѣлище всего, что могли произвести наиболѣе совершеннаго типографіи великихъ цивилизованныхъ народовъ; несомнѣнно, типографское дѣло представляетъ одну изъ самыхъ благородныхъ промышленности, въ которой выразилось могущество человѣческаго генія. Одинъ, или скорѣе два народа, китайцы и японцы *), несмотря на свои счастливыя способности, какъ будто не освоились еще съ успѣхами, достигнутыми европейскою промышленностью, на европейской-ли почвѣ, или въ Индіи и въ Америкѣ. Письменность у этихъ двухъ народовъ, какъ мы уже сказали выше, дѣлаетъ чрезвычайно труднымъ употребленіе всякаго другого типографскаго способа, кромѣ способа табличнаго; какая бы тонкость и какая бы быстрота ни была тамъ присуща рукъ рабочаго, но типографія съ одною только этою помощью не можетъ производить книги такъ бы-

*) Надо имѣть въ виду, что это относится къ японцамъ въ 1881 г. Нынѣ они смѣло могутъ соперничать съ любой просвѣщенной націей.

Прим. переводчика.

стро, какъ при содѣйствіи многочисленныхъ машинъ нашей типографіи. Умъ китайскій, впрочемъ, не имѣетъ всѣхъ потребностей любознательности, которыми удовлетворяютъ наши типографіи и наши книгопродавцы. На всемъ пространствѣ небесной имперіи печатаютъ, правда, много книгъ и этого рода торговля пользуется тамъ безусловною свободою, но ежедневныхъ газетъ издается тамъ всего четыре, включая въ то число и пекинскую *Официальную газету*. Какъ въ Китаѣ, такъ и въ Японіи услуги типографіи далеко не такъ многосложны, какъ въ Европѣ и въ Америкѣ. Писатель (слѣдовало бы сказать художникъ, потому что онъ работаетъ кистью) пишетъ страницу; послѣдняя, положенная на деревянную доску, тщательно выструганную другимъ артистомъ, получаетъ типографскія чернила и переходитъ на очень простую машину, которою управляетъ одинъ рабочій. Бумага получаетъ обыкновенно оттискъ только съ одной стороны: она слишкомъ тонка, чтобы можно было печатать на ней съ обѣихъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе написанное читается по страницамъ, имѣющимъ лицевую и оборотную сторону: ибо, напримѣръ, первая и вторая стриницы печатаются одна подлѣ другой, затѣмъ бумага сгибается, представляя для разрѣза промежутокъ въ двѣ страницы. Въ такомъ же порядкѣ слѣдуютъ третья и четвертая, пятая и шестая страницы, и т. д. Такимъ образомъ, книга состоитъ изъ цѣлаго ряда двойныхъ листовъ, которые могутъ принадлежать

къ одной и той же лентѣ бумаги, которая можетъ быть, по желанію, удлинена до безконечности. Это придаетъ китайской книгѣ видъ *ширмъ*. Должно прибавить, что какъ въ Китаѣ, такъ и въ Японіи, эти книги имѣютъ весьма изящный видъ. Какъ японскія такъ и китайскія книги, подобно нашимъ книгамъ, иногда иллюстрированы своеобразными рисунками, которые, впрочемъ, значительно не увеличиваютъ расходовъ по ихъ изданію. Трудъ художника такъ дешевъ въ этихъ странахъ, гдѣ такъ многочисленно и такъ нуждающееся въ заработкѣ народонаселеніе, что книгоиздатели здѣсь имѣютъ возможность выпускать въ свѣтъ книги по болѣе низкимъ и вслѣдствіе того болѣе доступнымъ для публики цѣнамъ, чѣмъ у насъ.

Впрочемъ, эти два народа, сознавая всѣ преимущества письма и печати посредствомъ отдѣльныхъ буквъ, дѣлали уже неоднократно попытки ввести у себя *латинскій алфавитъ*. Однако типографское искусство гораздо скорѣе прививается въ странахъ, гдѣ оно не встрѣчаетъ такихъ препятствій. Въ Индостанѣ мы насчитываемъ очень много типографій, которыя удовлетворяютъ потребностямъ какъ мусульманъ, такъ и индусовъ и проживающихъ тамъ европейцевъ. Тамъ издаются сотни журналовъ.

Во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, въ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ штатахъ ежедневныя газеты приходится считать тысячами. Въ одномъ Парижѣ выходитъ болѣе тридцати ежедневныхъ

или еженедѣльныхъ изданій по одной медицинѣ и хирургіи. Кромѣ журнала, посвященнаго книжной торговлѣ «Journal de la librairie», тамъ еще имѣются четыре сборника, посвященные типографскимъ работамъ. Число періодическихъ ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ, ежедневныхъ и другихъ изданій, получаемыхъ парижскою Національною бібліотекою, простирается по меньшей мѣрѣ до 3000. Легкость перевозки при посредствѣ пара вызвала чрезвычайно большой спросъ на ежедневныя новости, и печать удваиваетъ усилія для удовлетворенія этого спроса.

Телеграфъ еще болѣе увеличилъ эти уже и безъ того изумительныя средства сообщенія. Сначала въ продолженіе болѣе, чѣмъ полувѣка, — оптический, затѣмъ — электрическій, онъ даетъ возможность различнымъ новостямъ обойти въ нѣсколько часовъ вокругъ земного шара. Тридцать лѣтъ назадъ, въ Лондонъ пріѣхалъ директоръ телеграфовъ въ Турціи; директоръ такого же управленія въ Англіи сдѣлалъ ему любезность и обратился по телеграфу съ вопросомъ къ англійскимъ властямъ въ Калькуттѣ; отвѣтъ не заставилъ себя ждать. На обѣ операціи потребовалось всего девять часовъ. Такимъ образомъ, нынѣ исторію можно писать, такъ сказать, изъ часа въ часъ, подѣ диктовку самыхъ событій. Ежедневныя газеты, получая свѣдѣнія обо всемъ, происходящемъ во всѣхъ четырехъ концахъ міра, при посредствѣ телеграммъ, писемъ своихъ корреспондентовъ, стенографическаго воспроизведе-

нія преній всѣхъ судовъ, всѣхъ государственныхъ собраній, иногда лекцій, читаемыхъ въ университетахъ, собираютъ и накаплиютъ такимъ образомъ для историковъ матеріалы, самое обиліе и разнообразіе которыхъ становится для нихъ истиннымъ бременемъ.

Подивитесь на примѣръ, взятомъ случайно изъ тысячи, этому развитію цивилизаціи, международныхъ сношеній и историческихъ свѣдѣній въ странахъ наиболѣе далекихъ отъ нашей старой Европы. Не прошло еще и ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ католическіе или протестантскіе миссіонеры стали посѣщать Гавайскій архипелагъ, гдѣ въ 1779 году погибъ знаменитый капитанъ Кукъ, какъ уже нынѣ онъ представляетъ маленькое королевство съ конституціоннымъ правленіемъ, съ избираемыми палатами, отвѣтственными министрами и т. д. Въ столицѣ этого маленькаго королевства Гонолулу, городъ съ 6,000 жителей, выходитъ восемь періодическихъ изданій; европейскія газеты аккуратно получаютъ оттуда извѣстія о выборахъ, о министерскихъ перемѣнахъ, цифровыя данныя о ежегодномъ бюджетѣ, статистическія свѣдѣнія о школахъ. Это, если вамъ угодно, Англія въ миниатюрѣ, которая скоро займетъ свое мѣсто въ концертѣ другихъ культурныхъ народовъ; очень скоро она будетъ имѣть, если уже не имѣетъ, своихъ историковъ, для которыхъ ежедневно накапливаются многочисленные и разнообразные документы.

А вотъ еще другое не менѣ любопытное явленіе: не только новѣйшее книгопечатаніе сдѣлалось наиболѣе дѣятельнымъ орудіемъ человѣческой мысли, но оно создало функціи, ученія и литературныя професіи, о которыхъ въ древности не могли имѣть даже и понятія. Редакторъ римской *Официальной Газеты* былъ почти не болѣе какъ писецъ, состоявшій на службѣ въ республиканской или императорской канцеляріи. Въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ столѣтій, французскіе журналисты были ни чѣмъ инымъ, какъ болѣе или менѣ остроумными редакторами анекдотовъ и пустыхъ разсказовъ. Однако со временемъ въ Голландіи и въ Англіи журналистъ мало по малу приобрѣлъ болѣе серьезное и болѣе независимое положеніе. Великая французская революція 1789 года, предоставивъ полную свободу его перу, превратила его въ дѣятеля во всѣхъ драмахъ общественной жизни. Нынѣ, хотя и при свободѣ болѣе ограниченной мудростію законовъ, роль журналиста не перестала расти. Редакторъ политическаго отдѣла ежедневной газеты въ Западной Европѣ представляетъ собою оратора, ежедневно говорящаго своимъ перомъ съ сотнею тысячъ слушателей, имѣющаго иногда гораздо большее значеніе, чѣмъ ораторъ, говорящій съ кафедры, вслѣдствіе сильнаго давленія, производимаго имъ на общественное мнѣніе. Если онъ одаренъ истиннымъ талантомъ, то онъ можетъ рассчитывать на занятіе самаго высокаго положенія не только въ литературѣ, но на по-

прищѣ общественной дѣятельности. Такъ, напри-
мѣръ, Бенжаменъ Констанъ и Шатобрианъ были
журналистами; правда, они были авторами нѣсколь-
кихъ прекрасныхъ сочиненій. Уже въ теченіе мно-
гихъ лѣтъ французская академія постоянно замѣ-
щаетъ нѣсколько мѣстъ изъ сорока «безсмертныхъ»
выдающимися журналистами.

Толстые журналы или такъ называемыя на За-
падѣ Европы Обзорѣнія (*Revue*) представляютъ
еще новый родъ изданія, сдѣлавшійся возможнымъ
только благодаря книгопечатанію. Именно въ этихъ
обзорѣніяхъ первокласные англійскіе критики соз-
дали особый видъ сочиненій, называющійся у
нихъ *опытами* (*Essays*), откуда произошло и самое
названіе *эссэистовъ* для лицъ, которыя посвятили
себя этого рода литературѣ. Эти періодическіе сбор-
ники залучаютъ многихъ талантливыхъ людей въ
число своихъ сотрудниковъ и иной изъ этихъ людей
никогда не обращался ни къ какой другой пуб-
ликѣ, помимо читателей «Обзорѣнія». Въ предѣлахъ
статьи, въ 40 — 50 или, самое большое, въ 100 стра-
ницъ, можно поговорить еще съ большимъ толкомъ
о многихъ предметахъ. Можно написать въ этой
формѣ цѣлый рядъ статей, которыя впослѣдствіи
почти безъ всякихъ перемѣнъ превратятся въ раз-
личныя главы отдѣльной книги.

Въ началѣ своихъ *Характеровъ* (*Caractères*) фран-
цузскій писатель Ла-Брюйеръ сказалъ: «До настоя-
щаго времени почти не видано было образцоваго

произведенія ума, которое было бы трудомъ нѣсколькихъ лицъ: Гомеръ создалъ *Илиаду*, Вергилій *Энеиду*, Титъ-Ливій свои *Декады*, а римскій ораторъ свои *Речи*». Писавъ эти строки, коварный авторъ, какъ говорятъ, думалъ объ одной литературной газетѣ, первые нумера которой только что вышли и, вѣроятно, послужили поводомъ къ его заключенію. И дѣйствительно, еженедѣльный или ежедневный сборникъ не можетъ быть названъ самъ по себѣ образцовымъ произведеніемъ. Но при видѣ успѣха иного обозрѣнія, или иной газеты нашего времени Ла-Брюйеръ благосклонно призналъ бы, что союзъ нѣсколькихъ прекрасныхъ и ученыхъ умовъ можетъ создать долговѣчныя произведенія, и что между различными сотрудниками періодическаго сборника иной разъ существуетъ извѣстное единство таланта и мысли, которое дѣлаетъ изъ ихъ коллективнаго труда живой организмъ въ томъ же смыслѣ, какъ и произведеніе одного человѣка. Но это еще не все: кто знаетъ, не было ли даже во времена Ла-Брюйера такого романа, который было бы удобно дать публикѣ въ видѣ отдѣльно напечатанныхъ главъ, на столбцахъ ежедневной или еженедѣльной газеты, какъ это дѣлается теперь въ продолженіе уже цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ? Я думаю, что романы Ля-Кальпренеды и де-Скюдэри, выпускаемые въ свѣтъ подобнымъ образомъ маленькими отрывками, должны были бы имѣть громадный спросъ. Совершенно справедливо, что нѣкоторые изъ романистовъ поль-

зуются этимъ нынѣ для того, чтобы привлекать и поддерживать любопытство публики. Поэтому ихъ романы по объему не менѣе книгъ, веселыхъ книгъ, полны иной разъ совершенно драматическаго интереса. Такой способъ, правда, вводитъ авторовъ въ искушеніе растягивать чрезмѣрно свои рассказы, но намъ извѣстно, что и прежніе романисты были не менѣе многорѣчивы романистовъ нашего времени, чему доказательствомъ служатъ предлинныя романы, увлекавшіе салоны при Людовикѣ XIV, а затѣмъ, въ слѣдующемъ вѣкѣ, объемистые рассказы Ричардсона.

Но стоитъ ли долго останавливаться на подобномъ предметѣ? Человѣческая мысль и въ особенности воображеніе имѣютъ потребность воспроизводиться на свободѣ во всѣхъ видахъ, и въ томахъ всевозможныхъ размѣровъ. Уже у древнихъ было велико разнообразіе книгъ. Отъ *Иліады* и *Одиссеи* Гомера до книжонки, въ которой какой-нибудь грамматикъ на цѣлыхъ двадцати страницахъ разсуждалъ о значеніи какого-либо одного слова *Иліады*, отъ 127 книгъ, въ которыхъ Титъ Ливій разсказалъ лѣтописи Рима, до тощаго сокращенія, въ которомъ Флоръ передаетъ содержаніе ихъ на ста страницахъ, какое громадное разстояніе! Приходится отказаться отъ созданія, для произведеній столь не похожихъ одно на другое, формъ и классификацій, подъ которыя они не могутъ вполне подходить. Вѣчнымъ мученіемъ для нашихъ бібліотекарей будетъ служить невозможность строгой классификаціи всѣхъ

сокровищъ, ввѣренныхъ ихъ надзору; съ этимъ должно примириться, такъ какъ нѣтъ никакихъ средствъ противъ этого недуга.

Это замѣчаніе заставляетъ меня сказать еще и слѣдующее. Всякая библіотека, достаточно обширная, въ особенности публичная библіотека, не можетъ обойтись безъ каталога, иногда даже безъ двухъ каталоговъ: одного въ алфавитномъ порядкѣ и другого по порядку предметовъ. Первый не представляетъ почти затрудненій для редакторовъ, хотя иной разъ и приходится останавливаться надъ тѣмъ какую часть заголовка книги слѣдуетъ поставить въ алфавитномъ порядкѣ. Составленіе каталога предметнаго, напротивъ, представляетъ массу трудностей. Хранители большихъ складовъ книгъ вкладываютъ въ этотъ трудъ все свое усердіе и всѣ свои способности. Иные ученые книгопродавцы, какъ, напр., въ наше время Мэрлэнъ, когда имъ поручаютъ продажу какой-нибудь значительной библіотеки, допускаютъ извѣстное подраздѣленіе, позволяющее любителямъ отыскивать безъ большого труда въ ихъ каталогахъ главу, въ которой помѣщены интересующія ихъ книги. Но, вѣдь, сколько главъ близко подходятъ одна къ другой по своему содержанию такъ что даже невозможно установить между ними точнаго разграниченія. Иное теологическое или философское сочиненіе есть въ то же время и историческимъ; иной переводъ, если къ нему не приложенъ подлинный текстъ, съ одинаковымъ правомъ

можетъ быть поставленъ какъ подъ именемъ переводчика, такъ и подъ именемъ оригинальнаго автора; въ иной книгѣ одновременно находятся и грамматика и словарь того же языка; куда слѣдуетъ отнести такую книгу: къ грамматикамъ или къ словарямъ? Существуютъ сборники мемуаровъ, *смѣси*, въ которыхъ или одинъ и тотъ же писатель, или нѣсколько трактуютъ о совершенно различныхъ предметахъ. Для этихъ послѣднихъ сборниковъ нѣкоторыя библіотеки имѣютъ дополнительный каталогъ, указывающій томъ и страницу, на которой трактуется о каждомъ предметѣ. Я даю вамъ лишь очень поверхностное понятіе о трудѣ, котораго требуетъ хорошій каталогъ; но и этого, кажется, будетъ достаточно для того, чтобы вы сумѣли оцѣнить заслуги человѣка, способнаго, при посредствѣ такого труда поддерживать порядокъ въ тысячахъ книгъ и дать возможность трудолюбивымъ людямъ легко отыскивать имъ нужное. Каталогъ однѣхъ только книгъ, касающихся исторіи Франціи составлялъ, въ минувшемъ столѣтіи, пять томовъ in folio въ *Исторической библіотекѣ Франціи* отца Лелонга. Если бы мы пожелали довести этотъ каталогъ до нашего времени, пришлось бы увеличить его до одиннадцати толстыхъ томовъ. Изъ этого вы поймете, сколько терпѣнія и искусства должны обнаруживать ученые, посвящающіе себя такому труду.

ГЛАВА VП.

РАЗЛИЧНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Иллюстрированныя книги.—Приложеніе фотографіи къ воспроизведенію рукописей.—Примѣненіе типографіи къ печатанію музыкальныхъ произведеній.—Чрезвычайное увеличеніе числа книгъ; его удобства и опасности.—Литературная собственность и плагиатъ.—Заимствованія Мольера у Сэнъ Эврэмонта и Сирано де Бержеракъ.—«Конакса» и «Два зятя» Этіэнна.—Что выигрываютъ авторы отъ поддѣлокъ ихъ произведеній.—Распространеніе знанія языковъ посредствомъ книгъ.—Академія въ Берлинѣ наполовину французская въ XVIII столѣтіи.—Французскій языкъ внѣ Франціи.—Что дѣлается съ языками безъ литературы.—Распространеніе Священнаго писанія миссіонерами католическими и Библейскимъ обществомъ.

Выше было уже говорено о романахъ, сцены изъ которыхъ, постепенно печатаемыя въ фельетонахъ газетъ или въ книжкахъ толстыхъ журналовъ, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ читателями. Нужно-ли упоминать здѣсь о другой приманкѣ, присоединяемой новѣйшею печатью къ этого рода литературѣ? Мы разумѣемъ тутъ иллюстраціи съ помощью гравюръ на деревѣ, гравюръ о-фортвъ, фотографій, которыя, будучи приложены къ каждой сценѣ романа или

исторіи, дѣлають въ нашихъ глазахъ болѣе живыми фізіономіи дѣйствующихъ лицъ и мѣсто, въ которомъ происходитъ дѣйствіе. Это служитъ какъ бы художественнымъ дополненіемъ для большей ясности, чего вообще недоставало у всякаго рода книгъ до изобрѣтенія книгопечатанія. Въ особенности нуждаются въ этомъ научныя сочиненія, которыя и пользуются нынѣ всѣми средствами, предоставляемыми въ ихъ распоряженіе фотографіей и искусствами, происшедшими отъ этого плодотворнаго изобрѣтенія. Сравните древнія естественно-историческія книги съ книгами, которыми вы пользуетесь нынѣ, даже при своемъ начальномъ обученіи; какая разница въ точности и правдивости рисунка! Разсказы о путешествіяхъ почти не менѣе нуждаются въ такой помощи. Вы улыбнетесь, когда увидите, въ донесеніяхъ нашихъ древнихъ путешественниковъ, карты, изображенія личностей и памятниковъ, или пейзажи, которыми они украшали свои книги; это нерѣдко лишь грубые эскизы, въ которыхъ вы видите, что когда артистъ хотѣлъ пойти дальше, то его глазъ измѣнялъ ему не менѣе его руки. Напримѣръ, рисуя контуры древняго памятника, какъ-то: бюста, статуи или храма, онъ противъ всякаго своего желанія, придавалъ современный отпечатокъ этимъ изображеніямъ. Намъ извѣстно описаніе Аеинъ Бабина, изданное въ 1614 году, въ которомъ скала Акрополя, съ памятниками, украшавшими ее въ то время, представлена такъ, что

напоминаетъ Монмартрскій холмикъ, въ Парижѣ, и его древнюю церковь. Надо признаться, что и самый аппаратъ фотографа—инструментъ не безупречный: онъ не всегда даетъ вѣрный рельефъ или размѣры тѣлъ; но въ искусныхъ рукахъ, и въ особенности благодаря быстротѣ, съ которою онъ позволяетъ получать изображенія, онъ представляетъ для путешественника—географа, для антикварія и даже для художника пособие весьма драгоцѣнное.

Еще очень недавно весьма удачно примѣнили его къ воспроизведенію цѣлыхъ древнихъ рукописей, съ которыхъ гравюра до сихъ поръ воспроизводила лишь короткіе отрывки. Если угодно, то вотъ еще какую выгоду можетъ представить подобный способъ для обогащенія всѣхъ большихъ библіотекъ. С.-Петербургъ, Парижъ и Римъ владеютъ рукописями, не имѣющими себѣ цѣны по своей древности, красотѣ буквъ, по изяществу рисунковъ, украшающихъ ихъ. Почти всѣ эти рукописи имѣются въ единственныхъ только экземплярахъ, каждая въ своемъ родѣ. Предположите, что Парижъ подалъ примѣръ и снялъ нѣкоторыя изъ нихъ на мѣстѣ фотографическимъ способомъ и затѣмъ снятыя копіи разослалъ въ библіотеки римскую и петербургскую; послѣднія, въ свою очередь, могли бы оказать подобную же услугу парижской библіотекѣ; и такимъ образомъ, каждое изъ большихъ хранилищъ рукописей, въ Европѣ, увеличивало бы свои богатства и предлагало бы любителямъ

гораздо болѣе многочисленные предметы для изученія. Спѣшимъ прибавить, что это не предположеніе и что уже начали прибѣгать къ подобнымъ полезнымъ международнымъ обмѣнамъ.

Другое искусство, о которомъ мы до сихъ поръ не сказали ни слова, не менѣе обязано успѣхамъ типографіи; искусство это—музыка, которая долгое время пользовалась гравированіемъ на мѣди. Затѣмъ къ ней примѣнили типографію съ подвижными буквами, которая нынѣ почти совсѣмъ оставлена, какъ дорого стоящая и не совсѣмъ удобная. Короткое время спустя два старыхъ способа замѣнили третьимъ, получившимъ названіе отъ своего изобрѣтателя, Жилло: музыкальную ноту сначала пишутъ на камнѣ, затѣмъ написанные знаки вытравливаютъ кислотой и получаютъ нѣкоторымъ образомъ клише. Такимъ образомъ получается возможность печатать ноты, сравнительно недорогоимъ способомъ, въ весьма значительномъ числѣ экземпляровъ.

Разнообразіе, обиліе средствъ, которыми мы располагаемъ нынѣ для распространенія, во всѣхъ видахъ, произведеній науки, литературы и искусствъ, даютъ новѣйшимъ обществамъ легкую возможность для дешеваго распространенія образованія среди всѣхъ классовъ гражданъ. Трудно сказать, на сколько улучшилось въ этомъ отношеніи состояніе нашихъ школъ. Пусть сравнятъ въ библіотекахъ любителей нѣкоторыя изъ книгъ, по которымъ учились наши предки греческому и латинскому языку,

исторіи и географіи, съ тѣми, которыя предлагаютъ намъ нынѣ магазины для учебныхъ пособій, то первыя книги покажутся просто жалкими. Западно-европейскіе народы далеко ушли въ этомъ отношеніи и дѣлаютъ просто чудеса. Англійская и американская книжныя торговли неумоимо распространяютъ, въ видѣ маленькихъ, очень недорогихъ книжечекъ, всевозможныя политическія, религіозныя, промышленныя свѣдѣнія, поддерживающія и направляющія дѣятельность умовъ у народа, наиболѣе ревниваго изъ всѣхъ къ тому, что англичане называютъ *self-government*. Намъ пришлось недавно видѣть полное собраніе сочиненій Шекспира въ *одномъ* томѣ, и этотъ Шекспиръ, иллюстрированный нѣсколькими гравюрами, продается въ Англіи по одному шиллингу (около двадцати девяти копѣекъ на рускія деньги). Французская книжная торговля точно также старается привлечь читателей дешевизною; но только она не такъ искусна и въ особенности не достаточно шепетильна въ выборѣ, распространяемыхъ ею по дешевой цѣнѣ произведеній. Сверхъ того, изданія, столь поспѣшныя и столь громадныя, дѣлаются всего чаще небрежно. Но происходитъ это не отъ недостатка средствъ для хорошаго изданія книги. Публика сдѣлалась жадна до чтенія, но большинство читателей не желаютъ платить за книги дорого. Ея нетерпѣніемъ пользуются, а книги сильно страдаютъ отъ этой лихорадочной поспѣшности. Тысячи наборщиковъ, работающихъ

на газетахъ, привыкають скорѣе быстро, чѣмъ хорошо работать. Старинная корпорація типографовъ на Западѣ обучала строже своихъ учениковъ; если она имѣла неудобства ассоціацій, слишкомъ ревниво заботящихся о своихъ привилегіяхъ, за то имѣла также и свои преимущества. Свобода, которою пользуется новѣйшая печать, ослабила эти преданія добросовѣстнаго и скромнаго знанія. Изданіе безъ опечатокъ было всегда рѣдкостью, а нынѣ оно еще больше прежняго сдѣлалось рѣдкостью. Находится очень немного книгъ, въ которыхъ опытный глазъ знатока не могъ бы отыскать хотя одной опечатки. Во всякомъ случаѣ, очень можетъ быть, что типографскія погрѣшности не сдѣлались многочисленнѣе въ XIX столѣтіи, чѣмъ онѣ были въ XVI, если принять во вниманіе увеличеніе количества книгъ.

и книги такъ и такъ

Возрастающая дѣятельность умовъ и разныхъ видовъ промышленности, способствующихъ ей, поражаютъ болѣе важныя затрудненія.

Въ предыдущей главѣ уже было сказано о литературной собственности и о правѣ автора извлекать для себя выгоды изъ своихъ книгъ. Чѣмъ болѣе книги распложаются, тѣмъ быстрѣе онѣ переходятъ изъ одной страны въ другую, тѣмъ труднѣе становится автору ихъ охранять права на свой трудъ. Изданная во Франціи книга не только можетъ быть перепечатана тамъ безъ разрѣшенія и въ прямой ущербъ автору, но точно также

она могла бы быть перепечатана и за границей, гдѣ законы уже не охраняли бы права собственности на нее, если бы народы особыми договорами не обязывались взаимно охранять ее. Но это еще не все. Ученое или литературное произведеніе, если оно имѣло нѣкоторый успѣхъ у себя на родинѣ, нерѣдко переводится на другіе языки, и чтобы авторъ не утратилъ правъ собственности на него, необходимо еще освященіе его правъ на производство переводовъ его труда. Въ этомъ отношеніи законодательство усложняется съ каждымъ днемъ по мѣрѣ того, какъ развиваются сношенія между цивилизованными народами. Въ этомъ отношеніи Европа представляетъ уже почти одно семейство, въ которомъ всѣ авторы уговорились взаимно гарантировать другъ другу законную прибыль отъ своего знанія и отъ своего таланта. Но эти гарантіи менѣе удовлетворительно опредѣлены, или менѣе дѣйствительны между Европою и другими частями свѣта. Впрочемъ, есть нѣкоторыя произведенія ума, нерѣдко по самой своей природѣ ускользающія отъ всякихъ усилій, отъ всякихъ, такъ сказать, уловокъ по охраненію ихъ.

Возьмемъ два примѣра этого, въ совершенно различныхъ родахъ. Латинско-французскій словарь былъ составленъ съ большею тщательностью хорошимъ латинистомъ; но двадцать лѣтъ спустя другой латинистъ, считая этотъ словарь несовершеннымъ, составляетъ другой, по необходимости содер-

жацій тѣ же самыя слова, за немногими исключеніями и большею частію тѣ же самыя выраженія. Если бы нельзя было поступать такимъ образомъ, не прослывъ за посягателя на чужую собственность, тогда для ученыхъ сочиненій не былъ бы возможенъ какой-либо прогрессъ. Французскій ученый Бюффонъ въ рѣчи, произнесенной имъ при вступленіи въ члены французской академіи (въ 1752 г.), справедливо замѣтилъ, что научныя истины, разъ открытыя и доказанныя гениальнымъ человѣкомъ, переходятъ въ общее достояніе и принадлежать всему міру. «Эти вещи, сказалъ онъ, вѣтъ человѣка; слогъ это самъ человѣкъ». А слѣдовательно, это и собственность, которой нельзя лишать писателя безъ его позволенія, даже переводя его труды на другой языкъ. Впрочемъ, произведеніе фантазіи цѣнится не по одному только слогу, оно цѣнится также по достоинствамъ самаго сочиненія, вымысла, на которые первый авторъ долженъ сохранить по преимуществу право собственности, и однако не разъ случалось, что разными уловками ее отнимали у него. Плагіатъ (это слово первоначально означало уводъ чужого невольника, а потомъ похищеніе чужой собственности) не новѣйшее изобрѣтеніе. Уже въ вѣкъ Перикла комическіе поэты упрекаютъ другъ друга въ этого рода литературной кражѣ, состоящей въ заимствованіи или главной мысли сочиненія, или какой-либо части, которую, слегка измѣнивъ, присвоивали себѣ. Позднѣе христіанскіе ученые

нерѣдко обвиняли (очень несправедливо, правда) Платона и Аристотеля въ заимствованіи нѣкоторыхъ изъ ихъ положеній изъ священныхъ книгъ евреевъ. У новѣйшихъ писателей нѣтъ ничего обыкновеннѣе подобнаго обвиненія, и много разъ оно было вполне заслуженнымъ. Странное дѣло, какъ есть плагіаты предумышленные, такъ есть плагіаты и не предумышленные: такъ, иной поэтъ встрѣчается съ однимъ изъ своихъ предшественниковъ въ выраженіи прекрасной мысли одинаковымъ стихомъ. Такъ Вольтеръ, говоря о Богѣ, написалъ одинъ стихъ дословно такой же, какой уже былъ у другого французскаго писателя, Шаплена.

Подобныя встрѣчи легко объяснимы. Бываютъ и другія болѣе важныя и менѣе невинныя, отвѣтственность за которыя падаетъ иной разъ на автора, потому что онъ не всегда самъ работалъ и неосторожно довѣрялся сотрудничеству своего секретаря. Иные изъ нашихъ современниковъ, люди вполне честные и почтенные, издали такимъ образомъ, за своимъ собственнымъ именемъ, много страницъ, принадлежащихъ другимъ, чего они даже и не подозрѣвали.

Бываютъ плагіаты и до извѣстной степени извинительные. Говорятъ, что гениальный французскій драматическій писатель Мольеръ, хотя и самъ обладавшій богатой фантазіей, заимствовалъ у посредственнаго писателя своего времени, Сирано-де-Бержерака, цѣлыхъ двѣ сцены; поэтому поводу онъ

сказалъ смѣясь, что онъ взялъ свое добро, гдѣ его нашель. *Комедія академиковъ*, Сень-Эвремона, появившаяся въ 1650 году, имѣетъ прелестную сцену между двумя писателями, Годо и Коллетъ, въ которой они, наговоривъ сначала другъ другу всякихъ похвалъ, кончаютъ нанесеніемъ другъ другу жестокихъ оскорбленій; эта сцена послужила идеей для весьма забавнаго діалога Триссотена и Вадіуса въ комедіи *Ученія женщины* Мольера (1672); однако нельзя не признать, что, воспользовавшись этой идеей, Мольеръ распорядился ею совершенно оригинально, съ большою комическою самобытностью.

Въ наше время французскому писателю Этьенну, автору извѣстной комедіи „*Два зятя*“, было неопровержимо доказано, что онъ уже очень усердно подражалъ старинной комедіи, подъ названіемъ *Конакса*. Этотъ эпизодъ изъ исторіи французской литературы (1811—1812 гг.) послужилъ для Сентъ-Бэва сюжетомъ одного изъ его прилестнѣйшихъ *Понедѣльниковъ*. Этотъ же послѣдній критикъ однажды указалъ публикѣ на странную личность поддѣльвателя, издавашаго цѣлыхъ десять томовъ мемуаровъ, подъ именемъ маркизы де-Креки. Этотъ мнимый издатель, котораго ни имя, ни біографія неизвѣстны и который принялъ громкій псевдонимъ графа де-Куршанъ, имѣлъ странную участь быть изблеченнымъ въ плагиатъ, когда онъ называлъ себя авторомъ того или другого романа, и въ обманъ, когда приписалъ свои собственныя измышленія

дѣйствительной личности, какою была маркиза де-Креки.

Вообще, драматическія произведенія очень часто подвергаются подобнаго рода поддѣлкамъ, нерѣдко очень невиннымъ. Піеса, переходя на заграничные театры, никогда почти не появляется тамъ безъ многочисленныхъ измѣненій, дѣлаемыхъ для того, чтобы принаровить ее ко вкусу новыхъ слушателей. Есть-ли въ подобныхъ случаяхъ плагіатъ, и можетъ-ли оригинальный авторъ жаловаться на это? Драмы, имѣющія успѣхъ, доставляютъ вообще довольно большіе барыши ихъ авторамъ, такъ что послѣдніе не слишкомъ претендательны относительно своихъ правъ собственности, внѣ границъ страны, въ которой явилось произведеніе. Генію подобаетъ быть щедрымъ и жертвовать малою долею своего состоянія ради увеличенія славы. Распространеніе извѣстности для всякаго солиднаго и хорошаго произведенія представляетъ выгоду, которую не слѣдуетъ высчитывать грошами.

Какъ мы видимъ, если популярность произведеній ума подвергаетъ ихъ иногда опасностямъ, то съ другой стороны, она способствуетъ распространенію ихъ благодѣяній. Умножаясь численно, книги распространяютъ не одну лишь мысль нашу, но онѣ распространяютъ также и нашъ языкъ. Когда Франція завладѣла Канадой и Луизианою, она сдѣлала изъ этихъ двухъ колоній земли съ французскимъ языкомъ; Испанія сдѣлала изъ Мексики новую

Испанію; Бразилія сдѣлалась какъ бы литературной провинціей Португаліи; Англія вотъ уже цѣлыхъ два столѣтія какъ заняла наибольшую часть сѣверной Америки, гдѣ нынѣ преобладаетъ ея языкъ, почти изгнавшій французскій языкъ изъ Луизианы и на половину сократившій его господство въ Канадѣ. А теперь вотъ и Индія предана во власть англійскаго языка; послѣдній, конечно, находитъ тамъ миллионы людей, не покоряющихся языку завоевателей, но мало-по-малу онъ прокладываетъ тамъ себѣ дорогу, какъ орудіе военной и гражданской администраціи, опутывая прочною сѣтью населеніе въ двѣсти миллионовъ душъ. Австралія, уже населенная болѣе значительнымъ числомъ европейцевъ, чѣмъ какое когда-либо было въ ней число туземныхъ жителей, представляетъ собою еще обширный континентъ, открытый для мирныхъ завоеваній Англіи. По всѣмъ берегамъ Индійскаго океана и Китайскихъ морей, англійскій языкъ болѣе и болѣе дѣлается языкомъ торговли и цивилизаціи. И все это сдѣлалось не только путемъ устнаго изученія, но и посредствомъ распространенія книгъ.

Сто лѣтъ назадъ французы имѣли такое же преобладаніе въ Европѣ и чуть было не распространили его и въ Новомъ Свѣтѣ. Въ средніе вѣка французская литература, оригинальная и плодovitая, особенно въ поэзіи, распространялась съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ, почти по всѣмъ напра-

вленіямъ. Французскіе эпическіе романы были предметомъ подражанія или переводились почти на всѣ языки цивилизованной Европы. Одинъ изъ учителей Данте, Брунетто Латини, предпочелъ французскій языкъ итальянскому при составленіи имъ энциклопедіи, названной имъ *Сокровищемъ*, потому что, говоритъ онъ, разговоръ на немъ пріятнѣе и знакомѣе для всѣхъ людей.

Съ возрожденіемъ литературы французскій языкъ приобрѣлъ нѣкоторымъ образомъ нравственное превосходство; онъ сдѣлался общимъ языкомъ для дипломатическихъ сношеній, дипломатическимъ языкомъ. Было время, когда нѣмецкая грамматика чуть было не позаимствовала у французовъ нѣкоторые изъ французскихъ грамматическихъ пріемовъ. Берлинская академія наукъ, при своемъ открытіи, была на половину французская; въ 1784 году она объявила конкурсъ на сочиненіе о всеобщности французскаго языка и два года спустя увѣнчала преміей остроумную записку объ этомъ предметѣ, француза де-Ривароля. До 1804 года, сборникъ ея мемуаровъ состоитъ почти исключительно изъ статей, написанныхъ по-французски. Фридрихъ II свободно говорилъ на французскомъ языкѣ, на которомъ онъ написалъ свои военные и другіе мемуары, дѣлающіе нѣкоторую честь французской литературѣ. Нынѣ дѣло значительно измѣнилось: въ Германіи все еще изучаютъ французскихъ классическихъ авторовъ; комментируютъ, дополняютъ ихъ примѣ-

чаніями для употребленія въ гимназіяхъ; сильно читаются тамъ также французскіе романы, даже самыя пустыя; но все это дѣлается больше изъ любопытства, чѣмъ изъ симпатіи къ французамъ.

Языкъ, не создавшій литературы, языкъ, немѣющийся книгъ, рано или поздно, осужденъ на погибель. Наступитъ день, когда народъ, говорящій на немъ, подчинится націи болѣе образованной, мало-по-малу смѣшается съ нею, очень счастливый, если нѣсколько словъ его родного языка, вошедшія въ языкъ побѣдителя, раздѣлятъ съ нимъ процвѣтаніе. Въ Океаніи и Америкѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе исчезаютъ туземцы, послѣдній членъ которыхъ унесетъ въ могилу языкъ своихъ отцовъ. Ученый путешественникъ Александръ Гумбольдтъ приводитъ трогательный примѣръ этого. Онъ посѣтилъ берега рѣки Ориноко и отыскивалъ тамъ одно туземное племя атуровъ, на которое было раньше еще обращено его вниманіе. «Они всѣ уже перемерли, сказалъ ему кто-то изъ сосѣдняго племени. Но тутъ есть попугай, знающій еще нѣсколько словъ ихъ языка».

Католическіе миссіонеры спасли отъ забвенія до сотни этихъ невѣдомыхъ нарѣчій, воспользовавшись ими для перевода Евангелія или для написанія наставленій въ вѣрѣ для народовъ, которыхъ они желали просвѣтить. Въ Англіи, одно вліятельное богатое общество, цѣль котораго указываетъ и самое имя, Библейское общество, основанное въ 1804

году, ежегодно расходуетъ до пяти миллионъ франковъ на написаніе и печатаніе переводовъ Библии на различные языки и нарѣчія, число которыхъ нынѣ простирается до двухсотъ шестнадцати, и изъ которыхъ нѣкоторые будутъ единственно ему обязаны тѣмъ, что переживутъ народы, говорившіе на нихъ, и останутся предметами изученія для того класса ученыхъ, которые нынѣ называются лингвистами.

Вы сами видите, что говорить, не умѣя писать, да даже и умѣя писать, но не умѣя печатать, нынѣ представляетъ для какого-либо народа лишь плохую выгоду. Человѣчество совершенствуется лишь благодаря практическимъ примѣненіямъ ученыхъ профессій, укрѣпляющихъ мысль и такимъ образомъ сдѣлавшихся необходимымъ орудіемъ цивилизаціи.

Если есть языки, исчезающіе безъ всякаго слѣда и воспоминанія, но есть и такіе, которые называютъ мертвыми языками единственно потому, что на нихъ уже не говорятъ, и они существуютъ только въ книгахъ. Таковы языки древняго Египта и древнихъ народовъ Персіи и Ассиріи, которые нынѣ съ успѣхомъ разбираютъ на памятникахъ и папирусахъ. Таковъ санскритскій языкъ, языкъ Ведъ и древнихъ эпоей въ Индіи. Этотъ послѣдній языкъ частью сохранился въ образовавшихся изъ него нарѣчіяхъ, на которыхъ и нынѣ еще говорятъ въ Индостанѣ. Таковы также латинскій и греческій языки, которымъ вы учитесь еще въ школѣ и

которымъ стоитъ посвятить здѣсь нѣсколько минутъ.

Латинскій языкъ, какъ мы видѣли выше, слѣдую за римскими завоеваніями, вытѣснилъ и погубилъ много народныхъ языковъ на Западѣ; но и самъ онъ мало-по-малу долженъ былъ измѣниться и преобразоваться въ устахъ побѣжденныхъ націй, а потомъ и исчезнуть такимъ образомъ изъ всеобщаго употребленія. Языки: итальянскій, испанскій, португальскій, румынскій и французскій, произошли отъ латинскаго языка и заставили его почти забыть во всѣхъ низшихъ классахъ западнаго общества. Но нѣкоторыя причины поддержали его употребленіе въ высшихъ классахъ этого общества. Прежде всего, прекрасная и богатая литература древняго Рима, даже сокращенная для насъ многими опустошеніями времени, представляетъ еще для всѣхъ образованныхъ умовъ образцы краснорѣчія и поэзіи, къ которымъ привязываются всегда съ вполне справедливою любовью. Затѣмъ, сдѣлавшись офиціальнымъ языкомъ римской церкви, латинскій языкъ сдѣлался необходимымъ посредникомъ для сношеній между всѣми членами значительной католической общины. На немъ еще и нынѣ пишутся всѣ акты, исходящіе изъ папской канцеляріи; на немъ у католиковъ совершается литургія и читаются молитвы. Латинскій переводъ Библии святого Іеронима, сдѣлавшійся *Вулгатой* или офиціальнымъ переводомъ священныхъ книгъ, сохра-

няетъ авторитетъ оригинальнаго текста. Точно также очень долгое время изученіе права и судебная практика, основанные на римскихъ законахъ, удерживали въ школахъ и судахъ употребленіе языка римскихъ юрисконсультовъ. Во Франціи всѣ судебныя акты начали составляться по французски только въ царствованіе Франциска I, съ 1539 года; однако французскіе адвокаты довольно долго еще продолжали произносить свои рѣчи на латинскомъ языкѣ.

Такимъ-то образомъ, несмотря на столько революцій, латинскій языкъ пользовался привилегіей вторичной жизни, даже и помимо религіозныхъ дѣлъ. До конца XVII столѣтія, на латинскомъ языкѣ писали историческія сочиненія, изъ которыхъ нѣкоторыя были довольно важны. Философія, эрудиція, естественныя науки еще пользуются имъ, какъ бы языкомъ общимъ для ученыхъ всѣхъ странъ. Въ Римѣ, въ Туринѣ, въ Лейденѣ есть еще искусные латинисты, читающіе лекціи на этомъ языкѣ. Но, замѣтьте, они не научились этому языку у своихъ родителей или у своихъ матушекъ и нянюшекъ; они изучали его послѣ родного языка въ школѣ. Не будемъ смѣшивать этого искусственнаго приѣма съ естественнымъ изученіемъ языковъ, которые укрѣпляются и развиваются нынѣ путемъ домашняго воспитанія.

Судьбы греческаго языка, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сходныя съ судьбами латинскаго языка, тѣмъ не менѣе весьма различны отъ нихъ. Какъ

языкъ восточнаго христіанства, онъ господствуетъ въ его литургіи, на кафедрахъ, въ теологическихъ школахъ, на такомъ же правѣ, какъ и латинскій языкъ на Западѣ. Но религія не охранила его отъ неустойчивости учрежденій и имперій. Подъ прелестнымъ языкомъ Софокла, Ксенофонта, Демосфена въ древности жили нѣсколько народныхъ нарѣчій, пережившихъ средніе вѣка и дошедшихъ до насъ подъ общимъ названіемъ ромайскаго языка, произведеннымъ [отъ слова *Roma* (Римъ)], потому что Константинополь, древняя Византія, сдѣлавшись второю столицею имперіи, получила названіе Новаго Рима. Но этотъ ромайскій языкъ, хотя и менѣе далекій отъ классическаго греческаго языка, чѣмъ ново-латинскіе языки отъ латинскаго, тѣмъ не менѣе никогда не могъ возвыситься до значенія литературнаго языка. Рѣдко встрѣчается употребленіе его въ книгахъ византійцевъ. Литераторы Восточной имперіи всегда оставались болѣе или менѣе вѣрными преклоненію предъ старымъ языкомъ. Они писали на немъ не совсѣмъ хорошо, загромождали его неологизмами, но, такъ или иначе, они соблюдали грамматику. Съ IV вѣка до взятія турками Константинополя, въ 1453 году, теологи, филологи, лѣтописцы написали сотни томовъ, нерѣдко очень цѣнныхъ, въ которыхъ византійскій грекъ продолжаетъ древнія традиціи ученой литературы. Приведемъ лишь одинъ примѣръ этого: въ XII столѣтіи ессалоникскій архіепископъ Ев-

стаеи, умирая, оставилъ множество сочиненій, которыя почти всѣ дошли до насъ, и изъ нихъ одно, его *Комментарій на Илиаду и Одиссею*, представляетъ пять толстыхъ томовъ въ четвертую долю листа. Какую дѣятельность предполагаетъ у книгопродавцевъ и переписчиковъ воспроизведеніе столь чудовищнаго сборника историческихъ и грамматическихъ замѣчаній, составленныхъ по многимъ другимъ сочиненіямъ, еще существовавшимъ объ этомъ предметѣ!

Съ 1453 года до нашихъ дней традиція, безъ сомнѣнія ослабѣвшая, никогда не прерывалась, и къ ней-то именно привязывается нынѣ съ большимъ, чѣмъ когда-либо, жаромъ патріотизмъ эллиновъ, сдѣлавшихся снова свободнымъ народомъ. Они не желаютъ, чтобы ихъ языкъ считали мертвымъ языкомъ. За исключеніемъ поэзіи, они упорно отказываются отъ народнаго языка ради классическихъ слога и грамматики. Въ городскихъ и сельскихъ школахъ только и изучается одинъ греческій языкъ древнихъ прозаиковъ. Увѣнчаются-ли успѣхомъ эти усилія и близко-ли то время, когда всѣ греки будутъ въ состояніи понимать, если не писать на прелестномъ языкѣ ихъ предковъ? Трудно отвѣчать на такой вопросъ. Но что бы тамъ ни случилось, уже самое зрѣлище этого возрожденія полно для насъ интереса и еще разъ показываетъ намъ, какъ исторія книгъ тѣсно связана съ исторіей народовъ. Скоро будетъ двѣ тысячи лѣтъ, какъ

Цицеронъ, произнося рѣчь въ защиту греческаго поэта Архіа, съ нѣкоторою грустью сравнивалъ популярность, которою пользовался въ то время «во всемъ мірѣ», языкъ этого поэта, съ столь ограниченнымъ господствомъ латинскаго языка. Съ тѣхъ поръ латинскій языкъ пріобрѣлъ область значительно обширнѣе области греческаго языка. Но послѣдній языкъ не исчезъ, подобно первоначальнымъ языкамъ Галліи или Испаніи, при господствующемъ языкѣ побѣдителей. Благодаря богатству и красотѣ своей литературы, онъ продолжалъ господствовать въ школахъ на Востокѣ и сохранилъ въ нихъ до нашихъ дней авторитетъ, который можетъ еще возрасти, если эллинскій народъ окажется способнымъ занять, между западнымъ и восточнымъ міромъ, роль достойную его древнихъ и славныхъ преданій.

Впрочемъ, слѣдующая глава дастъ намъ случай вернуться къ этому предмету.

ГЛАВА VIII.

КНИГИ НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКѢ 1878 ГОДА.

Безконечная бумага.—Гелиография.—Американская книжная торговля.—Успѣхи книгопечатанія у новѣйшихъ грековъ.—Замѣчательныя рукописи.—Библия Улфилы.—Богатства парижской національной библіотеки.

Сколько книгъ, сколько драгоценныхъ святынь, сколько древнихъ и новыхъ орудій, сколько чудесъ письменности, типографскаго и переплетнаго искусства было собрано на парижской выставкѣ 1878 года! Сколько машинъ, часть которыхъ дѣйствовала тутъ же на вашихъ глазахъ и, такъ-сказать, переносила васъ въ мастерскія, изъ которыхъ каждый день выходятъ тысячи томовъ! Зрѣлище въ высшей степени поучительное, могущее представить почти всѣ матеріалы для исторіи книги. Вотъ въ числѣ предметовъ, выставленныхъ одною австрійскою бумажною фабрикою, два громадныхъ цилиндра, сдѣланныхъ каждый изъ одной бумажной ленты; каждая изъ этихъ лентъ имѣла въ длину восемь тысячъ метровъ при одномъ метрѣ ширины. Вотъ наборная

машина, что-то въ родѣ фортепіано, клавиши котораго соединены съ внутреннимъ механизмомъ, который, сообразно игрѣ исполнителя, устанавливаетъ подвижныя буквы въ строки; другой подобнаго же рода механизмъ дѣлаетъ съ этого набора оттиски на бумагѣ; прелестное упрощеніе типографскихъ способовъ. Вотъ книга *сотканная* изъ шелковыхъ нитей. Знаменитый изобрѣтатель машинъ, преобразовавшій фабрикацію тканей, и не подозревалъ, что придетъ день, когда его машина, переходя отъ усовершенствованія къ усовершенствованію, сдѣлается способною воспроизводить цѣлыя страницы письма и такимъ образомъ соперничать съ искусствомъ учениковъ Гутенберга.

Въ Италіи, въ Австріи, въ Англіи, во Франціи результаты, достигнутые по усовершенствованію книжной промышленности, весьма замѣчательны. Картографія въ особенности и географія, иллюстрированныя всѣми способами рисованія, сдѣлали въ нѣсколько лѣтъ изумительные успѣхи. Какого изящества и какой точности достигло воспроизведеніе памятниковъ и даже сценъ изъ природы, благодаря недавнему открытію *фотогравюры* или *гелиогравюры* затѣмъ воспроизведеніе картинъ, рисованныхъ *хромомфотографіей*. До какой степени усовершенствовались учебныя пособія для первоначальныхъ школъ, благодаря умноженію числа дешевыхъ книгъ, которыя при помощи толковыхъ картинокъ, привлекаютъ глаза дѣтей и, шагъ за шагомъ, доводятъ

первоначальныя ихъ знанія до высокаго уже уровня научнаго образованія!

Заботы о народномъ просвѣщеніи въ особенности характеризуютъ американскую книжную торговлю. Книжечка, въ которой были изложены способы ея изданій, разнообразіе ея богатствъ и развитіе ея производительности, въ теченіе полувѣка, представляетъ документъ изъ числа наиболѣе поучительныхъ. Тутъ, на нѣсколькихъ страницахъ, вы узнаете, что выпускаютъ въ свѣтъ каждый годъ три тысячи издателей книгъ, которые имѣются нынѣ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Эта цифра достигаетъ болѣе, чѣмъ сорока милліоновъ книгъ въ годъ. Но всего лучше, можетъ быть, характеризуетъ американскій умъ значительное число и въ особенности порядки публичныхъ библіотекъ. Бостонская библіотека, состоящая немного менѣе, чѣмъ изъ четырехъ сотъ тысячъ томовъ, удовлетворяетъ, благодаря нестѣснительности условій пользованія книгами, болѣе милліона читателей, не считая тѣхъ, которые обращаются въ ея восемь отдѣленій. Европейскія книгохранилища не отличаются такою, можно сказать, неосторожною свободою пользованія книгъ. Въ нихъ не легко выдаютъ древнія или рѣдкія книги, многотомныя или роскошно переплетенныя изданія. Если уже широко распространять это благодѣяніе, то слѣдуетъ выдавать публикѣ только книги, удобныя для справокъ, удобныя для переноски, и въ особенности такія книги, замѣна которыхъ, въ слу-

чаѣ потери, не будетъ стоить дорого. Но въ Соединенныхъ Штатахъ и самыя старыя библіотеки существуютъ не болѣе одного столѣтія, и въ числѣ ихъ очень немного содержащихъ въ себѣ въ изобиліи старыя книги, составляющія самый цѣнный фондъ публичныхъ библіотекъ въ Англіи и на европейскомъ континентѣ. Въ Бостонѣ, Нью-Йоркѣ, Кембриджѣ печатаютъ нынѣ книги, превосходныя въ типографскомъ отношеніи, изящныя и даже роскошныя; но вообще американская книжная торговля и типографія бьютъ на дешевизну, позволяющую быстрое распространеніе ихъ продуктовъ и науки, распространеніе которой они имѣютъ цѣлью. Необходимое и полезное тамъ идетъ впереди роскоши.

Въ числѣ другихъ народовъ имѣли своихъ представителей на выставкѣ и греки. Эллины выставили нѣсколько работъ своихъ художниковъ, своихъ скульпторовъ и фотографовъ; затѣмъ кое-какія книги, набранныя, напечатанныя и переплетенныя въ Аѣинахъ, въ Гермополисѣ (Сирѣ), въ Корфу и т. д. Въ числѣ этихъ произведеній обращали на себя вниманіе многочисленныя сборники древнихъ памятниковъ и надписей, изданные дѣятельнымъ обществомъ археологовъ, которое уже болѣе сорока лѣтъ производитъ раскопки на дѣйствительно неисощимой почвѣ древней Греціи и спѣшитъ знакомить съ ихъ результатами ученый міръ. Шестьдесятъ лѣтъ назадъ греки получили изъ Франціи

первые шрифты и даже бумагу для напечатанія первыхъ книгъ для употребленія въ ихъ школахъ; нынѣ типографія у нихъ сдѣлалась самостоятельной: она уже имѣетъ лить шрифты, готовить нужныя для нея бумагу и чернила; она печатаетъ весьма изящныя книги, не прибѣгая къ помощи иностранцевъ. Очень не велико число оригинальныхъ книгъ, которыя производитъ столица новѣйшей Греціи; за то всѣ авторы, всѣ художники, всѣ граверы, всѣ типографы—ученики древней Эллады. Книга, въ собственномъ смыслѣ этого слова, эллинскаго происхожденія. Когда вы любуетесь красивымъ дубомъ, его высокою вершиною и его богатою листвою, не забывайте жолудь, изъ которой онъ выросъ.

Однако, на выставкѣ собраны были не исключительно чудеса новѣйшей книжной промышленности, но были также образцы искусства и промышленности нашихъ предковъ. Любители изящныхъ и старыхъ книгъ соперничали другъ передъ другомъ въ стремленіи выказать богатства своихъ кабинетовъ, или по крайней мѣрѣ въ выборѣ этихъ богатствъ. Долго было бы перечислять различныя рукописи, различныя избраннѣйшія изданія, изъ которыхъ каждое обозначаетъ собою, такъ сказать, эпоху въ исторіи книги, во всѣ вѣка и во всѣхъ земляхъ. Знатоки этого рода рѣдкостей имѣли случай сдѣлать на выставкѣ много полезныхъ сличеній, а нѣкоторыя изъ такихъ сличеній послужили

поводомъ къ истиннымъ открытіямъ. Такимъ образомъ, ученый палеографъ, Леопольдъ Делиль, управляющій парижскою національною библіотекою, разсматривая рукопись *Политики* и *Нравственности Аристотеля*, переведенныхъ на французскій языкъ Николемъ Оресмомъ, узналъ въ ней второй томъ другой рукописи того же произведенія, принадлежащей брюссельской королевской библіотекѣ; затѣмъ, принадлежащими къ тому же самому семейству оказались два другихъ тома, принадлежащихъ нынѣ: одинъ Вестреенскому музею, въ Гагѣ, а другой брюссельской королевской библіотекѣ. Эти четыре тома составляли когда-то двойной экземляръ, приготовленный въ XIV столѣтіи для библіотеки французскаго короля Карла V; меньшій изъ двухъ экземпляровъ былъ переписанъ дѣятельнымъ и искуснымъ каллиграфомъ Раулэ Орлеанскимъ, отъ котораго осталось еще нѣсколько рукописей, — между прочимъ, два изящныхъ экземпляра Библии.

Много другихъ драгоценныхъ рукописей подверглось подобной же участи, разрозненію по разнымъ рукамъ. Наилучшая часть перевода на готскій языкъ Библии, сдѣланнаго въ IV вѣкѣ епископомъ Улфилой, находится нынѣ въ библіотекѣ упсальскаго университета, въ Швеціи; она была написана чернилами, съ серебрянымъ и золотымъ порошкомъ, на изящномъ окрашенномъ въ пурпуръ пергаментѣ, другія тетради той же рукописи сохраняются въ Вольфенбюттелѣ и Миланѣ. Латин-

скій переводъ Библіи, сдѣланный раньше перевода святого Иеронима, принадлежалъ ліонской библіотекѣ; вслѣдствіе совершенной уже въ нашъ вѣкъ кражи, виновникъ которой умеръ въ Англіи, часть этой рукописи сдѣлалась собственностью богатаго любителя-англичанина, лорда Ашъ-Бурнамъ, купившаго ее, не зная ничего объ ея происхожденіи. Сынъ обладателя этого сокровища, узнавъ недавно о недостойной продѣлкѣ, не замедлилъ принести рукопись въ даръ ліонской библіотекѣ. Можно бы было привести много примѣровъ подобнаго уродованія рукописей, не всегда поправимаго, но эти подробности завели бы насъ слишкомъ далеко.

Парижъ уже въ однѣхъ своихъ публичныхъ коллекціяхъ имѣетъ много достойнаго для обозрѣнія любителямъ книгъ. Парижская національная библіотека, въ своемъ отдѣленіи, называемомъ *резервомъ*, владѣетъ нѣсколькими тысячами безцѣнныхъ образцовъ: всякаго рода рукописей, печатныхъ произведеній и переплетовъ, французскаго и заграничнаго происхожденія. Правда, этотъ резервъ открывается только для избранныхъ любителей; но администрація библіотеки старается удовлетворить любопытству болѣе многочисленной публики. Богатая зала, носящая названіе галлерей Мазарини, уставлена во всю длину витринами, въ которыхъ собраны самые достовѣрные и наилучше выбранные образцы письменности почти всѣхъ народовъ и почти всѣхъ вѣковъ, а также образца

книгопечатанія, съ первыхъ его опытовъ до самыхъ совершенныхъ его произведеній, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ. Два раза въ недѣлю можно прогуливаться по этой галерѣе на просторѣ и осмотрѣть на досугѣ 448 рукописей и 669 печатныхъ произведеній, все замѣчательныхъ въ томъ или иномъ отношеніи. Два католога, купленные при входѣ, служатъ проводниками въ путешествіи, представляющемъ столько же удовольствія, сколько и поучительности. Одна книга привлекаетъ вниманіе красотою пергамента и шрифтовъ, другая—красотою переплета, третья именемъ знаменитаго обладателя, короля-библіофила, или библіофила, обязаннаго своей любви къ книгамъ всею тою извѣстностью, которою онъ пользуется; четвертая поражаетъ совершенствомъ печатанія; пятая, наоборотъ, грубостью исполненія, свидѣтельствующею о первыхъ шагахъ искусства. Иной разъ вы чувствуете себя взволнованными при [видѣ единственной рукописи, въ которой сохранилось одно изъ образцовыхъ произведеній человѣческаго ума, предъ автографами или даже предъ простыми подписями великихъ людей, прославившихъ науку и литературу. Далѣе въ той же галерее, при видѣ книги, которую каталогъ называетъ первою книгою, напечатанною въ маломъ форматѣ, вы подумаете о неогцѣненныхъ преимуществахъ удобнаго формата для успѣховъ популярной науки. Грубые образцы каллиграфіи, относящіеся къ 1400 и 1475 годамъ, но-

сять умилительное названіе *Библіи для бѣдныхъ*. Это изображеніе библейскихъ сценъ, дополненныхъ короткими латинскими легендами и предназначенныхъ для просвѣщенія народа; такимъ образомъ, однимъ изъ первыхъ примѣненій табличнаго книгопечатанія, предшествовавшего типографіи въ собственномъ смыслѣ этого слова, было распространеніе по дешевой цѣнѣ книгъ для просвѣщенія бѣдныхъ людей. И такъ, вотъ въ какомъ порядкѣ слѣдовали первыя типографскія изданія на западѣ Европы: сначала, латинскіе тексты, главнымъ образомъ тексты священныхъ книгъ, затѣмъ языческихъ авторовъ; далѣе греческіе тексты, еврейскіе тексты и, наконецъ, уже тексты на живыхъ языкахъ оригинальные и переводные.

ГЛАВА IX.

ФРАНЦУЗСКАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ И ЕЯ ИСТОРИЯ.

Правила книжной торговли при короляхъ Францискѣ I, Генрихѣ II, Людовикѣ XIII и Людовикѣ XIV.—Уставъ парижской книжной торговли и типографіи. — Исправленіе текстовъ въ древности и въ новѣйшія времена.

Изъ чтенія предыдущей главы вы знаете, что бываетъ съ любознательнымъ человѣкомъ, прогуливающимся по галлереймъ какого-либо музея, гдѣ его вниманіе привлекаютъ много предметовъ, то справа, то слѣва: ему нерѣдко приходится возвращаться назадъ, чтобы лучше разсмотрѣть то, на что онъ кинулъ только одинъ взглядъ, или даже совсѣмъ не обратилъ сначала вниманія. Поэтому не удивляйтесь, что въ исторической галереѣ, по которой мы проходимъ съ вами, намъ иногда приходится возвращаться назадъ и, для лучшаго объясненія, снова говорить о какой-либо части нашего предмета, о которой уже было сказано нѣсколько словъ.

Въ срединѣ XVIII столѣтія производство книгъ

во всей Европѣ находится въ полномъ ходу; и, подобно всѣмъ отправленіямъ соціальнаго тѣла, оно подчиняется законамъ, многочисленнымъ правиламъ, иногда стѣснительнымъ, обыкновенно же охранительнымъ.

Во Франціи, въ концѣ среднихъ вѣковъ, всѣ профессии, касающіяся торговли книгами, зависѣли, въ столицѣ, отъ парижскаго университета, а въ провинціи отъ другихъ университетовъ. Власти съ большою точностью опредѣляли обязанности книгопродавцевъ относительно авторовъ и публики, онѣ назначали условія для продажи; онѣ по возможности требовали, чтобы всякій экземпляръ, пущенный въ продажу, былъ надлежащимъ образомъ исправленъ.

Эти правила, и до введенія книгопечатанія уже очень сложныя, сдѣлались еще болѣе сложными, когда книгопечатаніе умножило въ размѣрахъ, невѣдомыхъ для нашихъ предковъ, число экземпляровъ такого множества древнихъ и новыхъ сочиненій. Столь многосложная и столь быстрая фабрикація, съ каждымъ днемъ занимавшая болѣе и болѣе значительное число рабочихъ рукъ, вызвала необходимость особаго законодательства, и это послѣднее не разъ доводило строгость до крайнихъ предѣловъ.

Въ 1535 году, какъ разъ около того времени, какъ Людовикъ XII оказалъ такое почтеніе искусству Гутенберга, Францискъ I, напуганный безчинствами печати, чуть было не запретилъ ее эдиктомъ, который, къ счастью, не имѣлъ и не могъ имѣть

столь ужасныхъ послѣдствій. Религіозные споры и войны благопріятствовали излишествамъ свободы, которая могла сдѣлаться опасною съ оружіемъ, даннымъ въ ея руки книгопечатаніемъ. Поэтому неудивительно, что въ 1539 году появился королевскій приказъ объ учрежденіи полицейскаго надзора за парижскою типографіей. Рабочимъ было воспрещено носить въ мастерскія шпаги, кинжалы, палки, соединяться въ братства, заводить общія кассы, устраивать забастовки и монополіи, посредствомъ которыхъ они навязывали свою волю патронамъ и не позволяли имъ брать себѣ учениковъ.

Въ приказѣ короля Генриха II, въ 1551 году, предусматриваются другія опасности и опредѣляются главнымъ образомъ обязанности типографовъ. Согласно этому приказу, подписанный экземпляръ всякой предназначенной къ печатанію рукописи долженъ былъ оставаться въ рукахъ цензоровъ, просматривавшихъ книгу и потомъ еще по выходѣ ея изъ печати. На каждомъ произведеніи должно было стоять имя автора и типографа, обозначены его мѣстожителства, его штемпель и время печатанія; нѣкоторыя изъ этихъ распоряженій еще и теперь имѣютъ силу во Франціи.

Лучшія правила оставались безъ примѣненія, въ обществѣ господствовала неурядица, а послѣдняя была велика до вступленія на престолъ короля Генриха IV. Поэтому-то, лишь начиная съ XVII столѣтія, при Людовикѣ XIII, начинаютъ приво-

дятся въ порядокъ законы, касающіеся типографіи и книжной торговли. Приказъ 1618 года освящаетъ возвращеніе къ дисциплинѣ профессіи, столь трудно подчиняющейся ей. Приказъ короля Людовика XIV по этому предмету, 1618 года, представляетъ собою настоящій уставъ. Этотъ уставъ, подобно всѣмъ другимъ, долженъ былъ измѣняться съ теченіемъ времени; онъ былъ измѣненъ въ слѣдующее царствованіе, когда синдикъ парижской книжной торговли Согренъ напечаталъ, въ 1744 году, для употребленія корпорацію, главою которой онъ былъ, книгу подъ заглавіемъ *Уставъ парижской книжной торговли и корпорацій*. Читая этотъ сборникъ, мы знакомимся съ могущественной корпораціей присяжныхъ книгопродавцевъ, ихъ привилегіями, съ ихъ отношеніями ко всѣмъ вспомогательнымъ въ отношеніи ихъ промышленностямъ, съ ихъ подчиненіемъ общей государственной полиціи. Нѣкоторыя условія этихъ подробныхъ до мелочей правилъ заслуживаютъ вниманія. Такъ, выше уже было сказано, что ни одна книга не могла выходить безъ имени типографа и безъ указанія его мѣстожителства; это мѣстожителство типографы и книгопродавцы не были свободны выбирать по своему желанію во всемъ городѣ, а должны были жить только въ опредѣленномъ числѣ улицъ, набережныхъ, мостовъ, (въ то время на мостахъ, въ Парижѣ, стояли нерѣдко дома). Другая особенность: не только никакая книга могла выйти не иначе, какъ съ при-

вилегіей короля, послѣ одобренія цензоровъ, записаннаго въ синдикатъ книжной торговли, но и членъ французской академіи не всегда могъ свободно печатать свои сочиненія безъ разрѣшенія корпораціи, къ которой онъ принадлежалъ; лишь по его просьбѣ академія обыкновенно благосклонно отказывалась отъ привилегіи, предоставленной ей ея правилами.

Во Франціи, когда еще не было королевской типографіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, король выбиралъ изъ числа парижскихъ типографовъ самаго талантливаго для печатанія, подъ его покровительствомъ, изданій вполне совершенныхъ, чтобы они могли служить образцами. Но впрочемъ самыя красивыя книги не всегда бываютъ самыми лучшими. Печатающіе ихъ, кажется, чаще всего заботятся объ удовлетвореніи глаза, думаютъ скорѣе о любознательности любителей, чѣмъ о любознательности людей ученыхъ и съ развитымъ вкусомъ; и дѣйствительно, довольно рѣдки книги, въ которыхъ типографское совершенство сочетается съ наибольшими удобствами для читателей.

Всякій хорошій типографъ долженъ въ особенности заботиться о совершенной точности текста, чего, однако, не легко достигнуть въ книгѣ; для этого требуются совмѣстныя усилія наборщиковъ, корректоровъ, фактора, но они возможны только въ первоклассныхъ типографіяхъ, находящихся подъ добросовѣстнымъ и толковымъ надзоромъ. Мы знаемъ

уже жалобы грековъ и римлянъ на неаккуратность современныхъ имъ переписчиковъ. Но иные и новѣйшіе авторы жаловались, и не безъ основанія, на неряшливость типографій. Можно было бы составить претолстую книгу изъ всѣхъ погрѣшностей, допущенныхъ послѣдними; погрѣшности бываютъ и очень досадныя, бываютъ и очень смѣшныя; приведемъ же этому нѣсколько примѣровъ.

Цицеронъ, жаловавшійся на переписчиковъ, но всегда и самъ доставлялъ рукописи вполнѣ исправленныя переписчикамъ Помпонія Аттика, его издателя и друга. Разъ онъ писалъ ему: «Въ моей рѣчи въ защиту Лигарія я назвалъ, въ числѣ его близкихъ друзей, Корфидія, который уже умеръ. Объ этомъ меня извѣстили со стороны Корфидія». Увы! они ничего не сдѣлали, и несмотря на увѣдомленіе Цицерона всѣ рукописи его рѣчи *pro Ligario* воскрешаютъ мертваго, котораго онъ желалъ вычеркнуть изъ нихъ. Эта неточность древнихъ копій, нерѣдко увеличивавшаяся въ средніе вѣка благодаря крайнему невѣжеству переписчиковъ, доставила много мученій новѣйшимъ издателямъ древнихъ текстовъ; она мало-по-малу вызвала къ жизни почти новую науку, *критику текстовъ*, науку занимающуюся сличеніемъ между собою рукописей одного и того же сочиненія, извлеченіемъ изъ нихъ варіантовъ для выбора наилучшаго чтенія, для возстановленія его путемъ догадокъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ списки составляютъ ошибочное чтеніе.

Съ перваго раза какъ будто кажется, что печатныя книги легко избѣгаютъ подобнаго рода искаженій. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, потому что наборщики, корректоры и факторы иногда отличаются невниманіемъ и небрежностью. Сами авторы нерѣдко отдаютъ наборщикамъ неразборчивыя рукописи, затѣмъ не всегда аккуратно исправляютъ свои корректурные оттиски; вполне основательно винять ихъ въ очень плохомъ исправленіи, потому что они очень часто прочитываютъ текстъ именно такъ, какъ имъ нужно, а не такъ, какъ онъ въ дѣйствительности набранъ. Иные писатели не обладаютъ терпѣніемъ для окончательнаго исправленія своей рукописи. Они отдаютъ въ типографію невыправленную рукопись, и уже въ оттискахъ, или какъ говорятъ по свинцу, дѣлаютъ свои поправки. Отсюда проистекаютъ цѣлыя тысячи всякаго рода случайностей, перечисленіе которыхъ здѣсь потребовало бы очень много мѣста. Достаточно будетъ привести одинъ или два анекдота, не бросая, такъ сказать, камня въ древнихъ переписчиковъ.

Цицеронъ, разсуждая съ своимъ другомъ Аттикомъ объ одномъ изъ своихъ сочиненій, сказалъ, чтобы занялись исправленіемъ въ немъ ошибокъ переписчиковъ (*menda librariorum*). Неопытный переводчикъ, не обративъ вниманія на то, что слово *librarius* въ настоящемъ случаѣ стояло вмѣсто словъ *scriptor librarius* и означало переписчиковъ, написалъ: «ошибокъ книгопродавцевъ». Новѣйшій наборщикъ,

очень хорошо зная, что типографскія ошибки или опечатки ни мало не касаются книгопродавцевъ, не задумываясь перемѣнилъ это слово переводчика и замѣнилъ его словомъ «типографовъ». Такимъ образомъ вышло, что Цицеронъ былъ уже знакомъ съ книгопечатаніемъ.

Какъ разстаться съ этимъ предметомъ о точности книгъ, не выразивъ знаковъ уваженія полезнымъ труженикамъ литературы и книжной торговли, называемымъ *корректорами*?

Думали-ли вы когда-нибудь объ этихъ труженикахъ, перечитывающихъ, вблизи наборной и типографскихъ машинъ, съ утра до вечера, а иногда и цѣлую ночь, корректуры книги или газеты? Ихъ обязанности очень тяжелы и требуютъ не заурядныхъ способностей. Имъ приходится внимательно слѣдить за малѣйшими ошибками, которыя могутъ касаться правописанія словъ, формы шрифтовъ, разстановки знаковъ, нумераціи листовъ и страницъ, и притомъ почти при безконечномъ разнообразіи предметовъ; ему приходится безпрестанно держать въ рукахъ рукопись, словарь, служащій авторитетомъ во многихъ сомнительныхъ вопросахъ. Глаза утомляются скоро и здоровье растрачивается за такой работой. Авторы слишкомъ часто неблагодарны относительно ихъ и слишкомъ скоры на счетъ высказыванія имъ порицаній, тогда какъ они оказываютъ столько другихъ драгоцѣнныхъ услугъ.

ГЛАВА X.

КАКИМЪ ЦѢЛЯМЪ НЕ УДОВЛЕТВОРЯЕТЪ КНИГА.

Книга и устное обученіе.—Драма въ чтеніи и драма на сценѣ.—Рашель и классическая трагедія.—Передача стиховъ Гомера рапсодами.—Энциклопедии, ихъ пробѣлы и несовершенства.—Возвращеніе къ древности.—Надписи на мраморѣ и бронзѣ.—Обычай расклеиванія по стѣнамъ афишъ у древнихъ.—Эпитафii.—Надписи, касающіяся афинской эфебии.—Книги, даже и печатныя, подвержены гибели.

Вполнѣ-ли удовлетворяетъ книга, въ своемъ болѣе высокомъ совершенствѣ, всѣмъ цѣлямъ, для которыхъ ее предназначаютъ люди пишущіе, печатающіе и украшающіе ее всею роскошью искусствъ? Увы! нѣтъ; нельзя приписывать ей безграничныхъ достоинствъ. Уже Варронъ, изъ римлянъ, можетъ быть, написавшій и прочитавшій всѣхъ болѣе книгъ, сказалъ: „Книги лишь очень плохіе помощники знанія; онѣ содержатъ зачатки нашихъ изысканій; отъ нихъ умъ долженъ лишь отправляться, чтобы предаваться труду“. Разовьемъ далѣе его мысль. Книга математическая, физическая или химическая не всегда освобождаетъ людей, читающихъ

ее, отъ слушанія лекцій профессора геометріи, физики или химіи. Слово учителя, умѣющаго хорошо преподавать, производитъ дѣйствіе лучше чтенія наилучшаго учебника. Вообще, несмотря на свои неизбѣжные недостатки, живое слово, въ дѣлѣ обученія и убѣжденія, обладаетъ необычайною силою и ясностью, которой ничто не въ состояніи замѣнить. Наилучшія рѣчи, написанныя лицомъ, пронесившимъ ихъ, тщательно исправленныя, напечатанныя наисовершеннѣйшимъ образомъ, никогда не произведутъ на читателей такого дѣйствія, какое онѣ произвели на слушателей. «Книги нашихъ ораторовъ, сказалъ Цицеронъ, лучшій знатокъ, какой только существовалъ когда-либо, не обладаютъ духомъ, заставлявшимъ вещи казаться болѣе возвышенными, когда слышали ихъ произнесеніе».

Краснорѣчіе, въ драматическомъ произведеніи, подвергается еще болѣе опасному испытанію, когда мы читаемъ его не прибавляя къ нему повышеній тона и ударенія голоса. Расинъ и Корнель остаются замѣчательными писателями для читателя, наслаждающагося ихъ произведеніями въ тиши своего кабинета; но какъ они вырастаютъ на сценѣ театра, когда голосъ талантливыхъ артистовъ съ надлежащею рельефностью отгѣняетъ силу и разнообразіе страстей, волнующихъ ихъ дѣйствующихъ лица! Поэтому нельзя не признать, что образцовыя произведенія древней драмы утратили у насъ весьма значительную долю своего обаянія. Трагедія Со-

фокла, комедія Аристофана или Плавта представляются намъ простыми либретто представлѣнія, котораго мы не можемъ воспроизвести съ его различными эффектами постановки на сценѣ и могущественной звучности. Нерѣдко случается въ новѣйшемъ театрѣ, что иная важная роль остается незамѣтной въ теченіе многихъ лѣтъ, за неимѣніемъ актера, умѣющаго придать ей жизнь и снова воодушевить страстями полумертвую букву печатныхъ словъ. Любители еще помнятъ удивленіе и волненіе, произведенныя знаменитою Рашелью, создавшею у Расина Герміону, Роксану, Федру, достойныхъ генія, нѣкогда создавшаго эти удивительные типы. Это было какъ бы воскрешеніемъ. Даже въ залѣ обаяніе прелестной сцены Мольера или Расина, или какой-либо прелестной страницы другихъ писателей будетъ вдвое сильнѣе, если ихъ прочитаетъ человѣкъ способный понять эту поэзію и искусной дикціей выдвинуть сильныя мѣста и деликатные оттѣнки. Проза оратора также обязана голосу искуснаго чтеца силою и блескомъ, напоминающими и объясняющими великіе успѣхи адвокатовъ и вообще ораторовъ. Древніе живо понимали это различіе, и греческій философъ Платонъ описываетъ въ прелестномъ діалогѣ волненіе *rap-soda*, передающаго внимательной толпѣ безсмертные стихи Гомера. Ионъ (имя этого артиста), декламируя ихъ, какъ будто возвратилъ себѣ почти божественное вдохновеніе поэта. Ораторъ Эсхинъ, по-

бѣжденный въ торжественномъ процессѣ своимъ соперникомъ Демосѣеномъ и сосланный на Радость, послѣ своего пораженія, прочелъ, говорятъ, въ открытой имъ школѣ, рѣчь, передъ которою онъ спасовалъ, и его молодые слушатели апплодировали этому краснорѣчію. «Что же было бы, воскликнулъ Эсхинъ, еслибы вы слышали самый голосъ чудовища?» Перечитывая нынѣ эти двѣ прекрасныя рѣчи, мы понимаемъ сожалѣнія Эсхина и отыскиваемъ того, кто бы могъ сообщить этому мертвому уже столько вѣковъ языку силу, которую отчаялся придать современникъ, одинъ изъ двухъ дѣятелей этого достопамятнаго спора.

Изъ этого краткаго обзора вы видите, что существуетъ искусство произношенія громкимъ голосомъ, чтенія, театральной дикціи, имѣющее свои трудности и свои законы; это искусство можетъ быть выражено въ правилахъ и передаваемо путемъ правильнаго обученія. Это искусство преподается особыми специалистами въ музыкальных консерваторіяхъ и театральныхъ школахъ; о декламации написаны цѣлыя книги.

Есть и другія нужды, которыхъ книга не можетъ удовлетворить вполне. Науки развились до такихъ размѣровъ, что одинъ человѣкъ не въ состояніи, какъ прежде, усвоить все; и по причинѣ еще болѣе основательной невозможно включить въ одно произведеніе или исторію всѣхъ временъ и народовъ, или приобрѣтенныя нами знанія о при-

родѣ и истинахъ, которыми обогатились науки физическія и математическія. Давно уже мечтали и пробовали составлять энциклопедіи, книги, обнимающія *весь кругъ знанія*. *Естественная исторія* Плинія Старшаго была попыткою въ этомъ родѣ. Въ средніе вѣка, наука, упавшая вслѣдствіе чувствительныхъ потерь, не разъ пробовала укладываться, подъ различными названіями, въ энциклопедіяхъ. Въ XVIII столѣтіи великая *энциклопедія*, редактированная Даламберомъ и Дидро, была продуктомъ благородныхъ усилій собрать и привести въ порядокъ всѣ знанія, прибрѣтенныя [съ сотворенія міра и до нашихъ дней.

Она вышла, съ 1751 по 1777 годъ, въ тридцати трехъ томахъ in-folio, включая въ то число двѣнадцатъ томовъ чертежей; въ 1780 году къ этому прибавилось еще два тома аналитическихъ таблицъ. Впослѣдствіи этотъ громадный трудъ подраздѣленъ на столько частей, сколько онъ содержалъ въ себѣ различныхъ наукъ; подъ своимъ новымъ названіемъ *Методической энциклопедіи*, онъ состоитъ не менѣе какъ изъ ста шестидесяти томовъ in-quarto. Но сколько несовершенствъ и пробѣловъ въ этой массѣ работъ, исполненныхъ неодинаково талантливыми руками! Ни одинъ человѣкъ, какъ бы ни былъ силенъ его умъ, не въ состояніи единолично, не говоримъ уже составить, но даже редактировать подобный трудъ. Нынѣ подобное предпріятіе становится все болѣе и болѣе труднымъ, и

едва-ли кто рѣшится на него. Приходится покориться раздѣленію труда и составлять специальные сборники, для греческихъ и римскихъ древностей, для исторіи литературы, для физическихъ и математическихъ наукъ и т. д.; и каждый изъ этихъ трудовъ самъ по себѣ достигаетъ очень большихъ размѣровъ. Исторія народовъ, распространившись на всю Азію, Америку, Океанію съ одного среднего міра, обнимаетъ столь обширные горизонты, что зрѣніе теряется тамъ, и мы отказываемся изслѣдовать ихъ по всѣмъ направленіямъ. Разверните какой угодно сборникъ, называющійся *Всеобщей* или *Всемирной Біографіей*; тамъ вы найдете сотни замѣтныхъ пропусковъ. Повелители Китая, напримѣръ, и ученые китайской имперіи фигурируютъ тамъ лишь въ очень незначительномъ числѣ, если только они совсѣмъ не были забыты. А между тѣмъ одна изъ такихъ біографій (Біографія Мишо) содержитъ болѣе двадцати трехъ тысячъ замѣтокъ, и это число еще болѣе увеличилось въ сборникахъ подобнаго рода, изданныхъ въ послѣдніе годы. Одну изъ наиболѣе интересныхъ компиляцій, составленныхъ въ наше время для распространенія свѣдѣній среди любознательныхъ людей обо всѣхъ странахъ и всѣхъ народахъ, представляетъ *Univers pittoresque* (Живописная вселенная), составленная извѣстными учеными по каждой отрасли всемирной исторіи. Но пятьдесятъ томовъ in-8°, изъ которыхъ она состоитъ, собственно говоря, не составляютъ одной книги; они

представляютъ что-то въ родѣ сокращенной библіотеки, въ которой каждый авторъ изложилъ по своему часть взятаго имъ на себя предмета.

Такова же, но въ размѣрахъ болѣе скромныхъ, *Энциклопедія* или *Собраніе руководствъ*, издаваемое парижскимъ книгопродавцемъ Рорэ. Нынѣ оно состоитъ изъ трехъ сотъ девяносто двухъ томиковъ въ двѣнадцатую долю листа, представляющихъ двѣсти семьдесятъ два произведенія, къ которымъ, гдѣ это требуется, приложены атласы и чертежи. Всѣ науки, всѣ искусства, всѣ профессіи имѣютъ или будутъ имѣть свое мѣсто въ этомъ полезномъ собраніи, исправляемомъ, улучшаемомъ и дополняемомъ каждодневно, сообразно съ успѣхами человѣческаго знанія. Можно задумать сочиненія и болѣе высокаго значенія; но трудно найти болѣе полезныя, потому что они приложимы ко всѣмъ потребностямъ дѣятельнаго и промышленнаго народа.

Представляетъ-ли выгоду это развитіе книгопечатанія, оказывающаго услуги литературѣ и наукѣ? Вотъ вопросъ, естественно являющійся у безпристрастнаго человѣка, въ виду успѣховъ промышленности. Остановимся на этомъ на нѣсколько минутъ.

Способы, существовавшіе до Гутенберга, могутъ показаться намъ мало удовлетворительными относительно сохраненія человѣческихъ знаній. Между тѣмъ, они принесли значительную долю пользы, чего отвергать нельзя. Печатная бумага не можетъ

насъ заставить забыть о мраморѣ и бронзѣ, на которыхъ прежде вырѣзывали, и которые нынѣ еще служатъ у насъ для полезныхъ примѣненій.

Легкость, съ которою книгопечатаніе позволяетъ намъ заносить историческія воспоминанія въ книги, воспроизведеніе которыхъ дѣлаетъ невозможнымъ исчезновеніе и одной страницы, — эта легкость въ концѣ концовъ сдѣлала бесполезнымъ или мало полезнымъ употребленіе надписей, и въ особенности длинныхъ надписей. Египтяне, ассирійцы, греки и римляне имѣли обыкновеніе, какъ уже было сказано выше, записывать на камнѣ или на металлическихъ пластинкахъ многіе факты, которые нынѣ заносятся въ книги и имѣютъ всѣ шансы избѣгнуть забвенія. Поэтому, вотъ уже четыреста лѣтъ, какъ мы не думаемъ болѣе вырѣзывать на своихъ памятникахъ законы, распоряженія, уставы, приходо-расходные счета, какъ это дѣлали древніе цивилизованные народы. Малѣйшіе акты государственной и общественной власти, по обнародованіи тѣмъ или инымъ способомъ, перепечатываются въ сборникахъ. Греки, а вѣроятно и римляне, иногда наклеивали на стѣнахъ афиши съ различными объявленіями. Таковъ, напримѣръ, листъ папируса, относящійся къ 146 году до христіанской эры и содержащій примѣты двухъ рабовъ, бѣжавшихъ изъ Александріи, съ указаніемъ награды, обѣщанной тому, кто приведетъ ихъ къ ихъ господину. Этотъ драгоценный документъ хранится въ египетскомъ музеѣ, въ

Парижѣ. Къ тому же порядку относятся мрачные документы, называемые *проскрипціонными таблицами*. Первый примѣръ для нихъ подалъ въ Римѣ Сулла и ему впослѣдствіи подражали слишкомъ знаменитые триумвиры. Антоній, Октавій, и Лепидъ. Это списокъ гражданъ, приговоренныхъ къ смерти жестокими побѣдителями безъ всякаго суда, причемъ за голову ихъ была обѣщана награда. Но употребленіе подобныхъ афишъ, повидимому, было очень рѣдко. На стѣнахъ древняго города Помпеи встрѣчаются писанныя кистью избирательныя рекомендаціи: *Избираемъ того-то или того-то*.

И такъ, у насъ употребленіе гравюры на камнѣ для официальныхъ документовъ гораздо рѣже, по причинѣ его бесполезности. Тѣмъ не менѣе, все еще вырѣзываютъ на надгробныхъ камняхъ имена умершихъ, иногда съ перечисленіемъ, всегда краткимъ, главныхъ дѣяній ихъ жизни и званій, которыя они носили; не рѣдко также прибавляютъ туда какой-нибудь стихъ изъ священнаго писанія, стихи въ честь покойнаго. Не безинтересно бываетъ пробѣгать эти надгробныя надписи. Онѣ знакомятъ насъ съ нѣкоторыми обычаями нашихъ предковъ, съ нѣкоторыми воспоминаніями объ ихъ частной жизни. Точно также вырѣзываютъ на публичныхъ памятникахъ время ихъ постановки, имена властей, по повелѣнію которыхъ они были поставлены.

Всѣ эти памятники, однако, приносятъ очень мало пользы исторіи, потому что событія, о которыхъ

они повѣствуютъ, почти всегда бываютъ записаны въ другомъ мѣстѣ: въ мемуарахъ, въ общихъ или частныхъ исторiяхъ. Для того, чтобы узнать, когда и кѣмъ были построены наши дворцы, храмы, общественныя зданiя, кѣмъ воздвигнуть тотъ или другой памятникъ въ честь какого-либо великаго человека; намъ рѣдко приходится прибѣгать къ вырѣзанному на нихъ надписямъ. Нельзя того же сказать о памятникахъ болѣе глубокой древности, существовавшей изобрѣтенiю книгопечатанiя, и въ особенности для памятниковъ древнихъ народовъ, историческiя книги о которыхъ погибли. Египетскiя и ассирiйскiя надписи представляютъ намъ нынѣ самую достовѣрную часть лѣтописей Египта и Ассирiи. Порядки греческихъ городовъ, и въ особенности Аѣинъ, религiозныя и политическiя учрежденiя Рима, извѣстны намъ большею частью въ тысячахъ надписей, открытыхъ и открываемыхъ еще каждодневно на почвѣ Грецiи и римскаго мiра. Существуетъ, напримѣръ, цѣлый рядъ греческихъ надписей, часть которыхъ имѣетъ по нѣскольکو страницъ длины; эти надписи рассказываютъ намъ о жизни аѣинской молодежи въ теченiе двухъ лѣтъ того, что называлось въ то время эебей, т. е. заведенiя, похожаго на наши спеціальныя школы. Читатели не могутъ не интересоваться картиною жизни, которую вели воспитанники школъ въ Аѣинахъ. Они найдутъ въ этихъ увидавшихъ свѣтъ едва лишь двадцать лѣтъ документахъ, если взду-

мають обратиться къ нимъ, уставы этой школы, акты, которыми ученики и учителя обоюдно свидѣльствовали о ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей, и узнають, какія чувства соединяли ихъ вмѣстѣ. Тамъ мы видимъ все разнообразіе гимнастическихъ и литературныхъ упражненій, съ помощью которыхъ молодые люди приготавливались ко вступленію въ жизнь; тамъ перечисляются школы, которыя они посѣщали, и подарки книгами, сдѣланные *зѣбеами* гимназіямъ, въ которыхъ они окончили свое воспитаніе.

Это сравненіе между надписями на камнѣ и документами, сохраненными письменностью на различнаго сорта бумагѣ и въ особенности книгопечатаніемъ, не должно вселить въ васъ убѣжденія, что ни одна печатная книга не можетъ исчезнуть. Многія книги печатаются въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ, иногда ихъ остается только два или три въ библіотекахъ; иногда не остается даже и одного: онѣ или были уничтожены, при выходѣ, властями, или же авторъ и его произведеніе не обратили на себя вниманія любителей и въ концѣ концовъ впали въ забвеніе. Вотъ примѣръ. Французскій поэтъ Петръ Пупо, жившій въ XVI столѣтіи и не оставившій послѣ себя прочной извѣстности, нынѣ извѣстенъ лишь по статьѣ, написанной о немъ французскимъ же ученымъ XVII столѣтія Вильгельмомъ Коллете: сборникъ же статей Коллете, никогда не бывшій изданнымъ цѣли-

комъ, погибъ въ 1871 году, во время пожара въ луврской библіотекѣ, въ Парижѣ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что нѣкоторые памятники письменности могутъ погибнуть даже и въ такіе вѣка, когда является такъ много изобрѣтеній для обозначенія долговѣчности работъ человѣческаго ума. Но, благодаря Бога, подобные примѣры довольно рѣдки, и хочется вѣрить, что за четыре послѣдніе вѣка ни одна книга, достойная для передачи потомству, не миновала пологъ нашихъ библіотекъ.

ГЛАВА XI.

ПРОДАВЦЫ И ПОКУПАТЕЛИ КНИГЪ.

Различные товарищества для изданія книгъ — Крупный книго-продавецъ и букинистъ. — Различные классы покупателей. — Греческіе и римскіе предки нашихъ новѣйшихъ библіофиловъ. — Цицеронъ, Плутархъ, Лонгинъ, Кассіодоръ, Карлъ Великій, Алкуинъ, — Латинская Библія Теодульфа. — Каталогъ книгъ Фотія. — Библіотека французскаго короля Людовика Святого. — Раздача книгъ. — Библіотека Сорбонны и библіотека Ричарда Бюри. — Цѣнная коллекція герцога де-Берри.

Послѣ только что сдѣланнаго, хотя и далеко неполнаго, обзора богатствъ, которымъ владѣютъ цивилизованные народы, въ видѣ всякаго рода книгъ, читатели должны чувствовать себя нѣсколько ошеломленными и смущенными всѣми пробуждаемыми этимъ зрѣлищемъ воспоминаніями, всѣми приманками, представляемыми имъ для ихъ любознательности. Многочисленны производители и продавцы книгъ, но еще многочисленнѣе покупатели. Хотѣлось бы распредѣлить ихъ по извѣстному методу, на классы и семейства.

Производство книгъ имѣетъ много причинъ и принимаетъ очень много формъ.

Книга эта выходитъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, представляя знанія и мысли автора; или это бываетъ компиляція, сборникъ, сводъ чужихъ мыслей, или же печатаютъ древній или новѣйшій текстъ, не издавшій еще свѣта и покоившійся, въ большемъ или меньшемъ забвеніи, въ какой-нибудь библіотекѣ; или же воспроизводятъ съ особенной тщательностью и роскошью произведеніе уже извѣстнаго автора. Этимъ различнымъ видамъ изданія посвящаютъ себя книгопродавцы и типографы, сообразно своимъ личнымъ стремленіямъ. Нѣкоторые стремятся не только къ обогащенію, но и желаютъ заслужить уваженіе и полагаютъ свое самолюбіе лишь въ изданіи книгъ, достойныхъ вниманія знатоковъ. Но любители хорошихъ и изящныхъ книгъ не всегда ожидаютъ предложенія ихъ книгопродавцемъ; они дѣлаютъ на изданіе ихъ щедрыя денежныя пожертвованія. Библіофилы, особенно въ наше время, любятъ составлять изъ себя общества для печатанія книгъ по своему вкусу. Эти свободныя сообщества не всѣ имѣютъ одинаковый характеръ. Одни имѣютъ въ виду науку. Другія же преслѣдуютъ болѣе ограниченную цѣль; о наукѣ, въ собственномъ смыслѣ слова, они думаютъ меньше, чѣмъ о любознательности; они печатаютъ или перепечатываютъ, но въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, рѣдкія сочиненія, которыя

даже и послѣ этого остаются рѣдкостями: таково у французовъ *Общество библиофиловъ*, имѣющее свой журналъ, своихъ типографовъ, даже своихъ избранныхъ переплетчиковъ; оно состоитъ изъ членовъ по выбору, но не ограничиваетъ своихъ изданій цифрою своихъ членовъ; оно даетъ возможность постороннимъ любителямъ, если они не слишкомъ бояться расходовъ, украшать свои библіотеки, покупая книги съ такимъ хорошимъ выборомъ, имѣющія за себя гарантію такихъ опытныхъ знатоковъ. Нѣкоторые англійскіе клубы идутъ еще дальше, они, можно сказать, даже ужъ слишкомъ далеко простираютъ эгоизмъ библиофила. Они печатаютъ свои изданія только въ количествѣ равномъ числу членовъ, изъ которыхъ состоитъ каждый изъ нихъ; а такъ какъ каждый членъ обыкновенно человѣкъ богатый, очень дорожающій своей привилегіей и никогда не продающій книги, принадлежащей ему на правахъ подписчика, то вы видите, что эта книга перейдетъ въ общее достояніе лишь послѣ смерти владѣльца. Изъ всѣхъ эгоизмовъ этотъ послѣдній, безъ сомнѣнія, самый невинный, особенно когда напечатанный такимъ образомъ сочиненія отличаются лишь посредственнымъ научнымъ достоинствомъ, а иногда даже и не будутъ никогда прочитаны привилегированнымъ счастливцемъ, владѣющимъ ими.

Что же касается продавцевъ, которыми мы также должны заняться, то ихъ есть нѣсколько классовъ начиная съ богатаго издателя-книгопродавца и кон-

чая простымъ букинистомъ, сваливающимъ на прилавокъ книги всякаго по внѣшности вида, очень часто грязныя и дешевыя. Есть нѣсколько разрядовъ покупателей, запасующихся книгами въ этихъ весьма разнообразныхъ магазинахъ. Есть также много людей, которые, нуждаясь въ книгахъ, но не имѣя денегъ для покупки ихъ, вынуждены ходить для занятій, за нѣсколько копеекъ, въ кабинеты для чтенія. Эти различные промышленники и эти различные читатели заслуживали бы особыхъ главъ въ рассказываемой исторіи, которая въ такомъ случаѣ растянулась бы чрезмѣрно, еслибъ дѣлать подробныя описанія и приводить пикантные анекдоты. Напримѣръ, вотъ статистическія свѣдѣнія за 1857 г. о мелкой торговлѣ книгами въ Парижѣ на открытомъ воздухѣ. Между набережными Орсе и Турнель было 68 букинистовъ, которые имѣли вмѣстѣ около 1020 ящиковъ, каждый длиною въ одинъ метръ; полагая по 75—80 книгъ на каждый ящикъ, общее число выставленныхъ букинистами книгъ будетъ равняться 70,000, отъ продажи которыхъ, по вычисленію компетентнаго судьи, выручается около 400,000 франковъ въ годъ. Но будемъ продолжать нашъ историческій обзоръ библіофиловъ и библіотекъ.

Сенека философъ, въ книгѣ о *Спокойствіи и души*, съ страннымъ презрѣніемъ отзывается о 400,000 томовъ, составлявшихъ большую александрійскую библіотеку: онъ видитъ въ этомъ только роскошь

царскаго тщеславія. Въ этомъ отношеніи онъ могъ бы также презирать богатія библіотеки Рима, представлявшія между тѣмъ столько источниковъ для всѣхъ классовъ любознательныхъ людей; со временемъ въ этихъ библіотекахъ и его собственныя книги должны были фигурировать въ числѣ наиболѣе спрашиваемыхъ читателями; съ большею основательностью онъ надсмѣхается надъ тѣми собирателями книгъ, которые употребляютъ ихъ только на украшеніе своихъ столовыхъ и которые цѣнятъ въ нихъ почти одинъ переплетъ. Наши современныя общества могли бы также представить много примѣровъ такой маніи.

Надо, вообще, признаться, что было бы очень немного большихъ библіотекъ, еслибы только покупали книги, на которыя существуетъ большой спросъ. Когда римлянинъ Ларенцій, во II вѣкѣ христіанской эры, собралъ тридцать пять тысячъ томовъ, то, безъ сомнѣнія, онъ не думалъ прочесть ихъ всѣ; онъ слѣдовалъ просто благородной маніи. Около того же времени Лукіанъ сатирикъ язвить фдкой насмѣшкой богача, собравшаго въ своей библіотекѣ сотни изяшныхъ рукописей и притомъ не могшаго цѣнить ихъ, ни пользоваться ими. Слѣдовательно, библіоманъ (человѣкъ, имѣющій страсть къ книгамъ) не есть лицо, явившееся въ наше время. Компетентный покупатель и любитель тоже имѣютъ себѣ образцы въ древности. Цицеронъ, видимо, былъ изъ такого сорта людей; сочиненія его сви-

дѣлательствуютъ объ его громадной и разнообразной начитанности, и съ помощью своего друга, Аттика, онъ поддерживалъ свою богатую библіотеку въ чрезвычайномъ порядкѣ. Вѣкъ спустя послѣ Цицерона, біографъ и моралистъ Плутархъ долженъ былъ также имѣть просвѣщенный вкусъ къ полезнымъ книгамъ, судя по цѣлымъ сотнямъ авторовъ, которыхъ онъ поочередно цитируетъ въ своихъ, многочисленныхъ, дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи, знаменитый Лонгинъ, бывшій министромъ царицы Зиновіи, получилъ отъ Плотина названіе «живой библіотеки и ходячей академіи». Это предполагаетъ громадную память и любовь знатока къ сокровищамъ, накапливаемымъ въ библіотекахъ.

Впослѣдствіи нашествіе варваровъ, какъ мы уже сказали, внесло много неурядицы и унынія въ литературныя общества, которыми древній міръ изобилдовалъ. Тѣмъ не менѣе, не видно, чтобы любовь къ книгамъ когда-либо совсѣмъ исчезала даже среди самыхъ ужасныхъ социальныхъ и политическихъ потрясеній. Министръ готскихъ королей въ Италіи, Кассіодоръ, устранимый отъ дѣлъ съ паденіемъ своихъ властителей, превратилъ мѣсто своего уединенія въ громадную рабочую комнату для переписчиковъ, въ которой подъ его руководствомъ воспроизводились книги, или религіозныя, или языческія. Карлъ Великій, въ VIII вѣкѣ, окружилъ себя учеными, учредилъ школы и, для употребленія въ

этихъ школахъ, повелѣлъ увеличивать число списковъ древними сочиненіями; ирландскій монахъ Алкуинъ былъ героемъ этого ученаго двора, и его имя заслуживаетъ быть переданнымъ въ вѣчность, какъ истиннаго благодѣтеля ума человѣческаго. Рукописи того времени не отличаются, правда, изяществомъ ихъ исполненія; письму не достаетъ красоты и украшенія въ нихъ чрезвычайно рѣдки. Но скоро мы видимъ, что снова появляется любовь къ каллиграфіи, живописи и богатымъ переплетамъ, которая, можетъ быть, никогда не исчезала на греческомъ Востокѣ и которая снова появилась на Западѣ, при пріемникахъ Карла Великаго. Въ IX вѣкѣ встрѣчается ученый орлеанскій епископъ Теодульфъ, заказывающій для своего употребленія рукописи рѣдкаго изящества. Два экземпляра его латинской Библіи существуютъ еще нынѣ: одинъ въ кафедральномъ соборѣ въ Пуи, другой въ парижской національной бібліотекѣ. Эти двѣ книги, столь похожія одна на другую, что ихъ можно принять за два экземпляра одного и того сочиненія, напечатаннаго какимъ-нибудь Гутенбергомъ или какимъ-нибудь Робертомъ Этьенномъ, написаны отъ начала до конца съ рѣдкимъ совершенствомъ, украшены арабесками и миниатюрами; сверхъ того, онѣ дошли до насъ въ современномъ переплетѣ, что видно изъ довольно плохихъ латинскихъ стиховъ, содержащихъ, кромѣ трогательной просьбы, и самое описаніе обертки. Вотъ переводъ этихъ

стиховъ: „Читатель, будь счастливъ много лѣтъ въ Бозѣ, и не забывай, прошу тебя, своего друга Теодульфа. Вотъ и окончень трудъ; людямъ, купившимъ его, я желаю, равно какъ и тебѣ, читатель, мира, жизни и спасенія. Теодульфъ совершилъ этотъ трудъ изъ любви къ тому, чей благословенный, законъ сіяетъ блескомъ камней, золота и пурпура; а подъ этимъ нарядомъ онъ сіяетъ еще болѣе славнымъ блескомъ“.

Около того же времени, на Востокѣ, знаменитый патріархъ Фотій, главный виновникъ раздѣленія греческой и римской церквей, составилъ себѣ очень большую библіотеку изъ богословскихъ книгъ и изъ языческихъ авторовъ. Онъ самъ составилъ аналитическій каталогъ ея, въ которомъ, мало заботясь о каллиграфіи и переплетѣ, онъ старается только познакомить насъ съ содержаніемъ его книгъ. Это для насъ единственный въ своемъ родѣ и весьма поучительный трудъ, такъ какъ трудолюбивый патріархъ имѣлъ въ рукахъ и «прочитать», какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ это во главѣ каждой статьи, сотни сочиненій, нынѣ потерянныхъ и извѣстныхъ намъ только по оставленнымъ имъ извлеченіямъ.

Четыре вѣка спустя, добрый французскій король Людовикъ IX святой такъ и представляется намъ сидящимъ въ комнатѣ, смежной съ дворцовой церковью, въ которой онъ собралъ, можетъ быть, сотни экземпляровъ Библии и твореній святыхъ Отцовъ. Когда ему представляется случай купить новую

книгу, то «ему больше нравится, говорить онъ, снять съ нея копію, такъ какъ тогда прибавится еще одна лишняя книга, которая будетъ обращаться въ публичкѣ и приносить пользу другимъ читателямъ». Въ свою библіотеку, маленькую въ нашихъ глазахъ, но большую для того времени, онъ охотно допускаетъ постороннихъ читателей. Но не видно, чтобы онъ доходилъ до раздачи книгъ, особой благотворительности, рекомендованной парижскимъ соборомъ (въ 1212 году), но не совсѣмъ безопасной, такъ какъ много разъ оправдывалась пословица: «Книга одолженная—книга потерянная». Но противъ пословицы принимались мѣры предосторожности. Сорбоннская библіотека давала свои книги даже на сторону; и если она не требовала, подобно нѣкоторымъ другимъ, залога въ обезпеченіе сохранности взятой книги, то она по крайней мѣрѣ тщательно вела списокъ розданнымъ книгамъ, въ которомъ каждая книга была указана съ достаточной точностью, чтобы ее не могло подмѣнить взявшее лицо. Этимъ мудрымъ правиламъ подражалъ знаменитый Ричардъ Бюри, епископъ Дургамскій, когда онъ въ 1343 году захотѣлъ обезпечить цѣлость своихъ книгъ въ библіотекѣ оксфордскаго университета, которому онъ принесъ ихъ въ даръ. Впрочемъ тогда какъ и нынѣ нѣкоторыя цѣнныя книги не выдавались совсѣмъ изъ библіотекъ; и даже для охраны ихъ отъ всякаго похищенія, къ ихъ прочному переплету прикрѣпляли цѣпь, которую припечатывали къ пютит-

рамъ, приготовленнымъ для читателей. Нѣкоторые старыя переплеты и нынѣ еще носятъ слѣды этой послѣдней предосторожности, сдѣлавшейся излишнею при надлежащемъ наблюденіи.

Въ концѣ XIV вѣка французскій король Карлъ V, имѣвшій много правъ на прозваніе *Мудраго*, былъ также компетентнымъ бібліофиломъ. Онъ заказывалъ для своего употребленія, различнымъ ученымъ, переводъ нѣсколькихъ латинскихъ и греческихъ сочиненій; эти послѣднія обыкновенно переводились на французскій языкъ по латинскимъ переводамъ. Впрочемъ, Карлъ V заставлялъ работать ученыхъ, переписчиковъ, иллюстраторовъ и переплетчиковъ не только ради того, чтобы окружить себя изящными и хорошими книгами, но онъ любилъ книги для своего личнаго поученія.

Одинъ изъ братьевъ Карла V, Іоаннъ, герцогъ де-Берри, по примѣру своего брата, имѣлъ пристрастіе къ изящнымъ рукописямъ; онъ собралъ ихъ больше 300, какъ путемъ покупки и обмѣна, такъ и заставляя ихъ исполнять талантливыхъ художниковъ на своихъ глазахъ за большія суммы денегъ. Отъ этой драгоценной коллекціи сохранились еще три каталога (помѣченные 1402, 1412 и 1416 годами); но еще лучше можно оцѣнить богатство ихъ по цѣлой сотнѣ томовъ ихъ, сохранившихся или въ парижской національной бібліотекѣ, или въ бібліотекахъ нѣкоторыхъ любителей.

Это воспоминаніе приводитъ насъ близко ко вре-

мени появленія книгопечатанія. Съ того времени, можно сказать, почти всякая библіотека раздѣляется на два отдѣленія: одно для рукописныхъ книгъ, другое для книгъ печатныхъ. Такимъ образомъ для любителей было двойное искушеніе, и двойныхъ расходовъ требовала отъ нихъ любовь къ книгамъ. Но число библіофиловъ возрасло съ удобствами, которыми доставила промышленность Гутенберга; короли папы, аббаты богатыхъ монастырей не одни уже хлопотали объ образованіи библіотекъ: министры королей стремились къ этому благородному честолюбію. Общественные дѣятели и ученые всякаго рода составляли для своего употребленія коллекціи книгъ на всѣхъ языкахъ, заводили правильныя литературныя сношенія съ своими собратами.

ГЛАВА XII.

ПУБЛИЧНЫЯ И ЧАСТНЫЯ БИБЛИОТЕКИ.

Библиотека Мазарини первая открыта для публики во Франціи.— Инкунабулы. — Участъ большей части частныхъ библиотекъ; ихъ разсѣяніе, полезное для науки и литературы. — Эгоизмъ нѣкоторыхъ библиофиловъ. — Домъ заваленный книгами. — Совѣты для составленія библиотеки. — Различныя сочиненія о томъ же предметѣ. — Заключение. — Просьба къ читателю.

Парижская національная библиотека имѣетъ главный фондъ своихъ богатствъ въ рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ, въ коллекціяхъ, составленныхъ или частными лицами, какъ де-Ту, или министрами, какъ великій Кольберъ. Мазарини поступилъ еще лучше въ своей страсти къ великолѣпной библиотекѣ. Если онъ составилъ не имѣвшее въ то время равнаго себѣ собраніе изящныхъ и хорошихъ книгъ, то онъ сдѣлалъ это для того, чтобы открыть его для публики. Латинская надпись, вырѣзанная на дверяхъ одной изъ залъ этой библиотеки и сохранившаяся до нынѣ, свидѣтельствуетъ, что эта библиотека была первымъ примѣромъ подобной щедрости (*Publicarum in Gallia primordia*).

Примѣру, данному Мазарини въ 1643 году, послѣдовала въ 1652 году библіотека аббата Сень-Виктора, а въ 1737 году и французская королевская библіотека. Обычай открывать для публики всякую сколько нибудь замѣчательную библіотеку, принадлежащую государству или ученымъ обществамъ, обычай, относящійся, въ сущности говоря, къ древности, въ значительной степени распространилъ для всѣхъ любознательныхъ умовъ благотворенія этихъ полезныхъ складовъ.

Въ Италіи, со времени возрожденія наукъ, библіотеки римская флорентійская, миланская очень рано открывались, съ большею или меньшею осторожностью, для ученыхъ, могущихъ пользоваться ихъ сокровищами; въ Испаніи съ менѣе широкою готовностью; легче въ Австріи, и въ особенности въ Вѣнѣ; въ центрѣ и на сѣверѣ Германіи; въ Даніи; въ Англіи, въ особенности въ Оксфордѣ; въ Швеціи и въ Норвегіи; наконецъ, въ восточной Европѣ, въ особенности въ Москвѣ и Петербургѣ ученые хранители расширяли и обогащали склады, ввѣренные ихъ попеченіямъ. Иногда они сами составляли каталоги, въ особенности каталоги рукописей, — трудъ, требующій особенныхъ усилій знанія и терпѣнія. Парижская національная библіотека соперничаетъ въ этомъ отношеніи съ самыми громадными библіотеками въ Европѣ. Она состоитъ изъ пяти отдѣленій: рукописей, печатныхъ произведеній, эстамповъ и гравюръ, картъ и плановъ, медалей и

древностей; каждое изъ этихъ отдѣленій расширяется и улучшается, предоставляетъ въ распоряженіе публикѣ болѣе многочисленныя средства изученія, которыми оно владѣетъ. Но въ этомъ прогрессѣ впереди всѣхъ идетъ, кажется, администрація Британскаго Музея въ Лондонѣ, гдѣ щедрое назначеніе денежныхъ суммъ позволило произвести въ очень немного лѣтъ большія улучшенія. Библіотека Британскаго Музея существуетъ лишь съ 1753 года, и основою для нея послужила библіотека сэра Ганса Слоона; въ числѣ другихъ приращеній, она получила въ 1823 году библіотеку, которую получилъ въ наслѣдство отъ своего отца король Георгъ IV. Тридцать четыре года спустя, новыя зданія, построенныя изъ желѣза и кирпича по планамъ талантливаго хранителя Паницци, открылись для 800,000 печатныхъ томовъ, которые она заключала въ себѣ, не считая рукописей, и эти зданія, стоившія не менѣе 3.570,000 франковъ, приспособлены самымъ счастливымъ образомъ для услугъ читателямъ и для предусмотрѣннаго роста, приблизительно по 2,000 томовъ ежегодно.

Мы видимъ, что публичная библіотека почти всегда представляетъ собою лишь развитіе частной библіотеки. Но коллекціи этихъ большихъ любителей, у которыхъ, у самихъ, мало времени для изученія и чтенія, не составляютъ, собственно говоря, частныхъ библіотекъ. Различныя виды послѣднихъ многочисленны и заслуживаютъ вашего вниманія.

Прежде всего имѣть книги не значить еще имѣть библіотеку. Есть ученые, и при томъ очень почтенные, которые покупаютъ сочиненія, необходимыя при ихъ занятіяхъ, и ничего болѣе, которые ни мало не заботятся о томъ, чтобы держать ихъ въ полномъ порядкѣ и въ удовлетворительномъ состояніи, относятся къ нимъ небрежно, а иногда продаютъ ихъ снова, по мѣрѣ того, какъ онѣ дѣлаются для нихъ не нужными болѣе, почти точь-въ-точь какъ старый Катонъ, этотъ герой древняго Рима, пишущій въ своемъ разсужденіи о Земледѣліи: «Пусть хорошій эконокъ продаетъ старое желѣзо, пусть онъ продаетъ вола и раба, не приносящихъ пользы». Это значить не чувствовать уваженія къ книгамъ, значить не имѣть библіотеки.

Другіе не только собираютъ общепользныя сочиненія, но и заставляютъ ихъ переплетать тщательно, если не роскошно, смотря по своимъ средствамъ. Иногда, чтобы доставить себѣ пріятное и легкое развлеченіе, они собираютъ нѣкоторыя сочиненія, чуждыя науки, которою они занимаются; они не пренебрегаютъ тщательно выставлать ихъ въ рядъ на дубовыхъ или орѣховыхъ полкахъ и даже заперать ихъ въ шкапахъ со стеклами для защиты ихъ отъ пыли. Такіе ученые ужъ немножко библіофилы.

Но существуетъ много способовъ «любить книги».

Иной библіофилъ отыскиваетъ первыя изданія каждаго автора, изданія не всегда самыя лучшія.

Иногда также онъ разыскиваетъ такъ называемыя *инкунабулы*, т. е. самые древніе образцы типографіи, печатныя произведенія, появившіяся до или немного послѣ 1500 года нашей эры. Онъ желаетъ прослѣдить по этимъ образцамъ первые опыты и послѣдовательныя усовершенствованія книгопечатанія. Есть библіофилы, привязывающіяся къ какому-нибудь одному классу сочиненій, напримѣръ, къ драматическимъ произведеніямъ; каталоги тѣхъ библиотекъ, составленные или при ихъ жизни, или послѣ ихъ смерти, представляютъ спеціальныя библіографіи и сами по себѣ представляютъ глубочайшій интересъ для историковъ литературы. Вы будете имѣть нѣкоторое понятіе о количествѣ напечатанныхъ театральныхъ пьесъ, если мы скажемъ, что парижская національная библіотека, имѣетъ ихъ *двадцать пять тысячъ*, вышедшихъ отдѣльными изданіями, не считая сборниковъ.

Иные любители чувствуютъ особенную страсть къ одному писателю, или даже къ какому-нибудь одному изъ его сочиненій. Недавно въ Парижѣ продавали коллекцію, состоящую изъ *Провинціальныхъ писемъ* Паскаля, но заключавшую ихъ всѣ.

Философъ и великій писатель нашего времени Викторъ Кузенъ собралъ, путемъ розысковъ и большихъ затратъ, всѣ образцовыя произведенія классическихъ литературъ, всѣ великіе памятники человѣческой мысли. Ему принадлежали самыя лучшія и самыя изящныя изданія, переплетенныя съ

особеннымъ вкусомъ. Его библіотека была настоящимъ музеемъ науки и литературы, и если публика немного пользовалась ею при его жизни, то не потеряла еще надежды, такъ какъ счастливый владѣлецъ передалъ по завѣщанію это сокровище парижскому университету и обезпечилъ сохраненіе его, завѣщавъ денежныя средства, необходимыя для содержанія библіотеки и облегченія доступа къ ней для избранныхъ читателей, подѣ наблюдениемъ библіотекаря. Менѣ изящна и составлена съ менѣ тонкимъ вкусомъ библіотека, завѣщанная ;Леклеркомъ парижскому же университету. Она состоитъ почти изъ пятнадцати тысячъ томовъ и изобилуетъ въ особенности авторами греческими, латинскими, французскими и итальянскими, а также сочиненіями по исторіи литературы. Вотъ два благородныхъ примѣра приношеній новѣйшаго времени. Но, поднимаясь по восходящей ступени вѣковъ, мы нашли бы много примѣровъ завѣщанія такихъ коллекцій книгъ городамъ людьми съ богатыми знаніями и большимъ вкусомъ. Такова была въ древности библіотека, которую Плиній Младшій принесъ въ даръ городу Комамъ отъ своего имени и отъ имени своихъ родителей; онъ сказалъ по этому поводу рѣчь, которую онъ издалъ въ послѣдствіи и пересмотръ которой очень занималъ его, какъ это видно изъ письма, написаннаго имъ по этому поводу одному изъ друзей.

Многія частныя библіотеки, или скорѣе почти

всѣ осуждены силою вещей на расточеніе послѣ смерти ихъ владѣльцевъ. Если послѣдній оставилъ нѣсколькихъ наслѣдниковъ, то бібліотека, въ случаѣ неопредѣленія для нея въ завѣщаніи спеціальнаго назначенія, поступаетъ въ продажу съ аукціона. Не безъ грусти присуствуешь на подобныхъ зрѣлищахъ. Любитель литературы истратилъ значительную долю своего состоянія на составленіе своей прекрасной бібліотеки; онъ тщательно расширялъ ее, украшалъ ее съ любовью, остроумно прилаживалъ ее для своего употребленія, нерѣдко открывалъ для всѣхъ лицъ, имѣвшихъ надобность въ его книгахъ; онъ вложилъ въ нее много своего ума и своей души; иные томы онъ отмѣтилъ своею подписью, или же напечаталъ какой-нибудь прелестный девизъ. И вотъ приходитъ день, когда собранное съ такими хлопотами сокровище раздробляется на части подъ наблюденіемъ аукціониста и когда его остатки перейдутъ въ другія руки для составленія новыхъ коллекцій. Каталогъ останется единственнымъ и несовершеннымъ напоминаніемъ о трудѣ, стоившемъ столькихъ издержекъ и столькихъ усилій. (Но нельзя не признать, что такой дѣлежъ, прискорбный для ученаго, не могущаго предупредить его, не безъ нѣкоторой пользы для науки и литературы; благодаря ему, нѣкоторыя рѣдкія и цѣнныя книги, которыя могли бы быть забытыми въ рукахъ невѣжественнаго наслѣдника или, будучи завѣщаны какой-либо публичной биб-

ліотеки, оставались бы безъ употребленія въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ продажи совершенно справедливо попадаютъ въ руки ученаго, могущаго пользоваться ими.

Впрочемъ, страсть библіофила не всегда свободна отъ эгоизма, и притомъ отъ эгоизма, иногда доходящаго до варварства. У одного ученаго была страсть скупать на публичныхъ аукціонахъ всѣ экземпляры книгъ, о чрезвычайной рѣдкости которыхъ онъ зналъ и которыя онъ съ удовольствіемъ скрывалъ въ закоулкахъ своей библіотеки. Такъ какъ онъ мало раздавалъ книги, то благодаря публичной распродажѣ его книгъ пущено во всеобщее обращеніе много произведеній, которыя до того времени оставались бесполезными, пребывая на полкахъ его рабочаго кабинета. Для любителей подобнаго рода придумано выразительное названіе *библіотифовъ*. Его можно бы приложить ко многимъ разновидностямъ зарывателей книгъ. Эта странная извращенность была извѣстна въ древности и осуждалась, какъ преступленіе. Свидѣтельствомъ этому служить Исидоръ Пелузскій, христіанскій авторъ V столѣтія, который въ письмѣ къ Симплицію упрекаетъ своего друга въ покупкѣ книгъ лишь для зарыванія ихъ въ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ онѣ служатъ только для питанія червей вмѣсто того, чтобы служить для поученія честнымъ людямъ.

Мы напротивъ, уважаемъ богатаго библіофила, любящаго всякаго рода чтеніе, знающаго нѣсколько

языковъ и тѣмъ самымъ могущаго прочесть произведенія многихъ литературъ на ихъ первоначальномъ языкѣ. Въ Парижѣ былъ одинъ такой библиофилъ, который, при своей чрезвычайной страсти, собиралъ безпрерывно книги всякаго рода, такъ что въ концѣ концовъ весь домъ оказался наполненнымъ ими отъ низу до верху. Каждый годъ такимъ образомъ, этотъ любознательный человѣкъ уменьшалъ у жены и дѣтей своихъ помѣщеніе въ этомъ домѣ, который загромаждала громадная семья его книгъ. Каталогъ библіотеки, составленный при ея продажѣ, состоялъ изъ одиннадцати или двѣнадцати томовъ.

Не менѣе интересенъ, или еще болѣе интересенъ хранитель публичной библіотеки, привязывающійся страстно къ складу, охрана котораго ему поручена; онъ старается не только сохранять его въ хорошемъ состояніи, но и обогащаетъ его цѣнными пріобрѣтеніями, онъ способенъ въ точности изучить всѣ полки, составить или исправить каталогъ, вѣрно отыскивать всѣ книги, которыя у него спрашиваютъ, да даже и тѣ, которыя у него не спрашиваютъ, но которыя онъ обязательно указываетъ неопытнымъ читателямъ. Этой послѣдней услуги можно ожидать почти только отъ хранителя какаго-нибудь спеціальнаго книгохранилища (медицины, юриспруденціи, или другихъ наукъ), такъ какъ слишкомъ многочисленныя склады, заключающіе въ себѣ слишкомъ большое разнообразіе книгъ,

подавляютъ самымъ своимъ богатствомъ память и дѣятельность самаго преданнаго дѣлу хранителя. Къ счастью, въ подобныхъ случаяхъ онъ всегда имѣетъ помощниковъ, у которыхъ нѣтъ недостатка ни въ усердіи, ни въ толковости.

Послѣ всего этого читатели могутъ спросить, какимъ образомъ они сами должны составлять себѣ библіотеки.

Парижская національная библіотека заключаетъ въ себѣ около двухъ милліоновъ томовъ; и если она имѣетъ почти всѣ книги, изданныя во Франціи, то во всякомъ случаѣ въ ней нѣтъ многихъ тысячъ произведеній, изданныхъ внѣ Франціи. Органъ французской книжной торговли *Journal de la Librairie*, офиціально извѣщающій о всѣхъ изданіяхъ, появившихся во Франціи, содержитъ 12,764 статьи за 1877 годъ и 12,823 статьи за 1878 годъ. Это вамъ показываетъ, среди какого ужасающаго изобилія приходится нынѣ дѣлать выборъ, если желаютъ составить себѣ библіотеку; но давно уже подобный выборъ сдѣлался затруднительнымъ. Въ предыдущей главѣ было уже говорено о большихъ библіотекахъ, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, находившихся въ главныхъ городахъ древняго міра: Аѳинахъ, Александріи, Пергамѣ и Римѣ. Когда книги считались тамъ тысячами или сотнями тысячъ, покупатель, заботившійся о томъ, чтобы не тратить свои деньги на негодныя приобрѣтенія и свое время на бесполезное чтеніе, очень нуждался

въ компетентныхъ совѣтахъ, чтобы не дать обмануть себя книгопродавцамъ, или не польститься на невинные, но пустые курьезы. Поэтому мы уже очень рано видимъ, что нѣкоторые грамматики ставили себѣ задачею руководить любителями книгъ. Таковъ былъ, въ началѣ христіанской эры, нѣкій Артемонъ, человѣкъ, впрочемъ, очень темный; онъ написалъ руководство по искусству «собирать книги» и другое по «способу пользоваться ими». Этого рода руководства впослѣдствіи сильно размножились. Въ концѣ среднихъ вѣковъ встрѣчается *Philobiblion* Ричарда Бюри.

Въ XVII вѣкѣ голландецъ Сальдонъ издалъ свое разсужденіе *de Libris varioque eorum usu et abusu*, 1688. Въ 1772 году аббатъ Шодонъ издалъ *Библиотеку знатока, или мнѣніе о выборѣ лучшихъ книгъ, написанныхъ на французскомъ языкѣ по всемъ родамъ науки и литературы*; эта книга была нѣсколько разъ перепечатана съ поправками и дополненіями всякаго рода. Это драгоцѣнныя справочныя книги. Громадную услугу оказалъ бы нынѣшней молодежи человѣкъ, который составилъ бы для нея подобную справочную книгу. Мы не беремся выполнить такую задачу. Впрочемъ, слѣдовало бы раздѣлить этотъ трудъ, чтобы сдѣлать такое руководство истинно полезнымъ для всякаго призванія, которое можетъ избрать наша молодежь. Мы же ограничимся здѣсь нѣсколькими немногими общими совѣтами, но которые будутъ, по крайней мѣрѣ, примѣнны ко

всѣмъ возрастамъ и ко всѣмъ отраслямъ знанія. Рассказываютъ, что одна умная женщина раздѣлила своихъ друзей на три разряда: «У меня есть друзья, говорила она, которыхъ я очень люблю и съ которыми никогда не вижу слишкомъ часто; у меня есть друзья, которыхъ я почти не люблю и которые не причиняютъ мнѣ большого огорченія своимъ рѣдкимъ посѣщеніемъ; у меня есть друзья, которыхъ я совсѣмъ не люблю и которые доставляютъ мнѣ удовольствіе, избавляя меня отъ своихъ визитовъ». Такое дѣленіе можно очень удобно приложить къ книгамъ библіотеки. Есть много книгъ бесполезныхъ, которыхъ не слѣдуетъ покупать, которыя могли быть подарены какимъ-либо другомъ и сохраняются изъ вниманія къ дарителю, но никогда не читаются. Есть книги, по самому своему свойству предназначающіяся только для справокъ, тѣмъ не менѣе книги необходимыя, которыя нужно всегда имѣть подъ рукой, если не желаютъ, за малѣйшей справкой, отправиться изъ дому и идти въ публичную библіотеку. Наконецъ и главнѣе всего, есть книги для повсѣдневнаго употребленія, которыя читаютъ и перечитываютъ безпрестанно или для поученія, или для развлеченія. Этихъ книгъ приобрѣтаютъ по нѣскольку экземпляровъ. одинъ экземпляръ, который постоянно ходитъ по рукамъ, въ которомъ можно загигать углы страницъ, писать карандашемъ или даже перомъ замѣтки на поляхъ, вещь не рѣдко очень полезная для зани-

мающагося человѣка; затѣмъ экземпляръ хорошо переплетенный, который можно давать друзьямъ; наконецъ, иногда роскошный экземпляръ, украшенный изящнымъ переплетомъ, къ которому прикасаются не иначе, какъ съ уваженіемъ. Нужно много денегъ, чтобы составить себѣ коллекцію этихъ избранныхъ книгъ, тѣхъ книгъ, которыя составляютъ *резервъ* въ большихъ библіотекахъ; но знатоку всегда доставляетъ удовольствіе собирать настоящіе образцы искусства, которые можно поставить подъ стекло, какъ ставятъ севскій фарфоръ, богемскія стеклянныя издѣлія, изящныя древнія глиняныя издѣлія. Тѣмъ не менѣе, для серьезнаго ума, избравшаго себѣ путь въ разнообразіи человѣческихъ знаній, важно собрать вокругъ себя всѣ истинно полезныя при его работѣ пособія и думать о излишнемъ только послѣ обезпеченія необходимаго.

Займетъ-ли, читатели, въ вашей библіотекѣ мѣсто, и какое, настоящая книга, въ которой собрано все наиболѣе важное относительно исторіи книгъ? Рѣшить это вы должны, конечно, сами; но, припоминая только-что приведенныя слова, авторъ надѣется, что эта маленькая книжка не будетъ отнесена въ послѣдній разрядъ вашихъ друзей; если ужъ она не можетъ занять мѣста въ первомъ разрядѣ, то отведите ей мѣсто во второмъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Часть первая. Книга до изобрѣтенія книгопечатанія

I. Происхожденіе книги.	1
II. Книга папирусная и пергаментная	17
III. Книга у грековъ и римлянъ	29
IV. Книга у грековъ и римлянъ (<i>продолженіе</i>)	43
V. Различныя судьбы древнихъ книгъ	53
VI. Книга въ первые христіанскіе вѣка.	65
VII. Книга въ средніе вѣка	76
VIII. Книга въ средніе вѣка (<i>продолженіе</i>).	87
IX. Книга въ средніе вѣка (<i>окончаніе</i>)	99

Часть вторая. Книга послѣ изобрѣтенія книгопечатанія

I. Первое время книгопечатанія.	109
II. Успѣхи и различныя судьбы книгопечатанія	119
III. Книги анонимныя и псевдонимы	132
IV. Распространеніе торговли книгами	142
V. Новые успѣхи книгопечатанія и книжной торговли.	146
VI. Послѣдніе успѣхи книгопечатанія и книжной торговли	154
VII. Различныя замѣчанія.	170
VIII. Книги на всемірной парижской выставкѣ 1878 года.	190
IX. Французская книжная торговля и ея исторія	199
X. Какимъ цѣлямъ не удовлетворяетъ книга	207
XI. Продавцы и покупатели книгъ	219
XII. Публичныя и частныя бібліотеки.	230

